ISSN 0130–8009

ПИОНЕР

8'90





ПИОНЕР

Выходит с 15 марта 1924 г.

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

Москва, 1990
Издательство «Правда»

8

ЧИТАЙ В АВГУСТЕ

Нелегкая речке досталась судьба. С. 17.

Ждать вас, братья, станем. С. 28.





С. 50.

© Издательство ЦК КПСС «Правда», «Пионер» № 8, 1990.

ЗЕЛ СВЯЗИ

ОБОЙДЕМСЯ ЛИ МЫ ДРУГ БЕЗ ДРУГА?

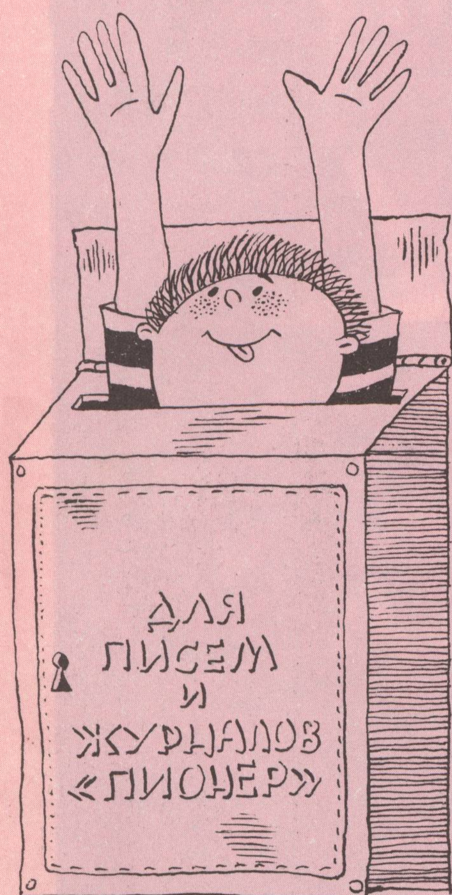
Это вопрос!

Сам знаешь, есть, например, такие приятели: все рассказывает, поучает, слова не вставишь. Сиди, слушай. Но и такие есть — молчуны. Ни поспорить с ним, ни поиграть. О чем ни спроси, какую самую страшную тайну ни расскажи — нет ответа!

Но и такие есть: что ни встреча — дуэль! Спор. Игра. Разговор с глазу на глаз. С подковыркой? Думай. Серьезней серьезного? Что ж, пробуй и ты не сплоховать...

Что — насторожился? К чему, мол, вы тут клоните? Уж не к тому ли, что таким приятелем — спорщиком, дуэлянтом, азартным партнером в разговоре на любую тему может быть... журнал? И не какой-нибудь, а наш? И что там за хвастуны в редакции собрались, что гордятся: читателей число не убывает, а растет (больше миллиона восьмисот тысяч), и письма носят мешками.

Вздохнет мама: «Я и так читаю сто газет! А папа еще и к соседям бегает за какими-то новыми журналами!» Но ты не сдавайся: «Пионер» — есть «Пионер»! Ни один его номер еще не вышел... без тебя! Это что-нибудь да значит! Кто же будет отвечать на игры, конкурсы, викторины, которых в каждом номере не меньше пяти? Разгадывать продолжения в комиксах? Играть с журналом в шахматы? Критико-



вать повести и рассказы? Посылать свои стихи? Задавать немыслимые вопросы про летающие тарелки, неудачную любовь, скуку на уроках, модные профессии, про десять христианских заповедей и будущее любимого озера, моря, поселка и всей-всей страны?

Без тебя «Пионер» пропадет, не будет знать, о чем рассказывать, потому что такой у него характер: не просто рассказывать, а ИГРАТЬ и СПОРИТЬ.

ИТАК — на ПОЧТУ! Идет подписка, и подписаться можно на любой журнал. Но мы надеемся, что ты выберешь «Пионер». Ждем тебя, читатель, в 1991 году!

ФАНТАСТИКА!

РАЗМИНКА

Ехала я на попутной телеге вдоль лесной опушки. В командировке была, до места добиралась... Рядом в телеге тряслась старуха: нос — острый, глаз — рыжий, во рту — два зуба: один внизу, другой вверху. Рядом со старухой корзина тряслась, подскакивала, прикрытая ветошью. В корзине что-то ритмично булькало.

— В Колотыркино? — участливо осведомилась старуха через час пути.

— Да,— ответила я.— В село Колотыркино.

— Будешь-то кто? — старуха сухими пальцами — для порядка — поправила концы головного платка.

— Журналист.

— Ой ли! — возрадовалась старуха.— Филолог, значит?

— Ну-у, в некотором роде,— опешила я. Слово «филолог», пролетевшее привычно из двух старухиных зубов, поразило меня серьезнее амуровой стрелы — в самое «яблочко» сердца.

— Сыграем в буриме? — нетерпеливо предложила старуха.

Тут я совершенно ошалела и от ошалелости спросила:

— Как это?

— Просто. Я даю тебе рифмы, а ты, не меняя их, сочиняешь осмысленные стихи. Ос-мыс-лен-ные! Например, рифма: кра́тер — ма́тер.

— А-а... Он упал в кипящий кра́тер,
Закричав: «О боже! Ма́тер!»

— Падая в кратер, кричат: «Мамочки!», а не «Матер!» — поправила



Разминку проводит сотрудник журнала «Пионер» Ирина АНДРИАНОВА.

старуха.— Нескладушки. Вот что надо:

Студсовет кипит, как кратер,
Защищая «альма-матер».

— Ясненько. Давайте рифмы.

Телега медленно тащилась. Лето стояло благодатное. Опушка казалась бесконечной, как экватор, опоясывающий невидимо планету Земля.

Старуха положила руку на булькающую корзину. И выпалила:

— Зеленый — том
Ученый — кругом...

— Стойте! — завопила я.— Хватит! Перестаньте меня дурить!

— Ну? — прищурилась старуха.

— У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом...
Это же Пушкин! А не буриме!

— Браво,— по-деловому отрезала старуха.— Разминку закончили. Давай теперь по-настоящему.

И она выдала такие рифмы:

...носки
...аврал
...куски
...журнал
...купить
...налог
...курить
...сапог
...алмаз
...редис
...рассказ
...пять крыс
...пион
...подушка
...салон
...лягушка
...пионерка
...пионер
...без примерки
...например.

* * *

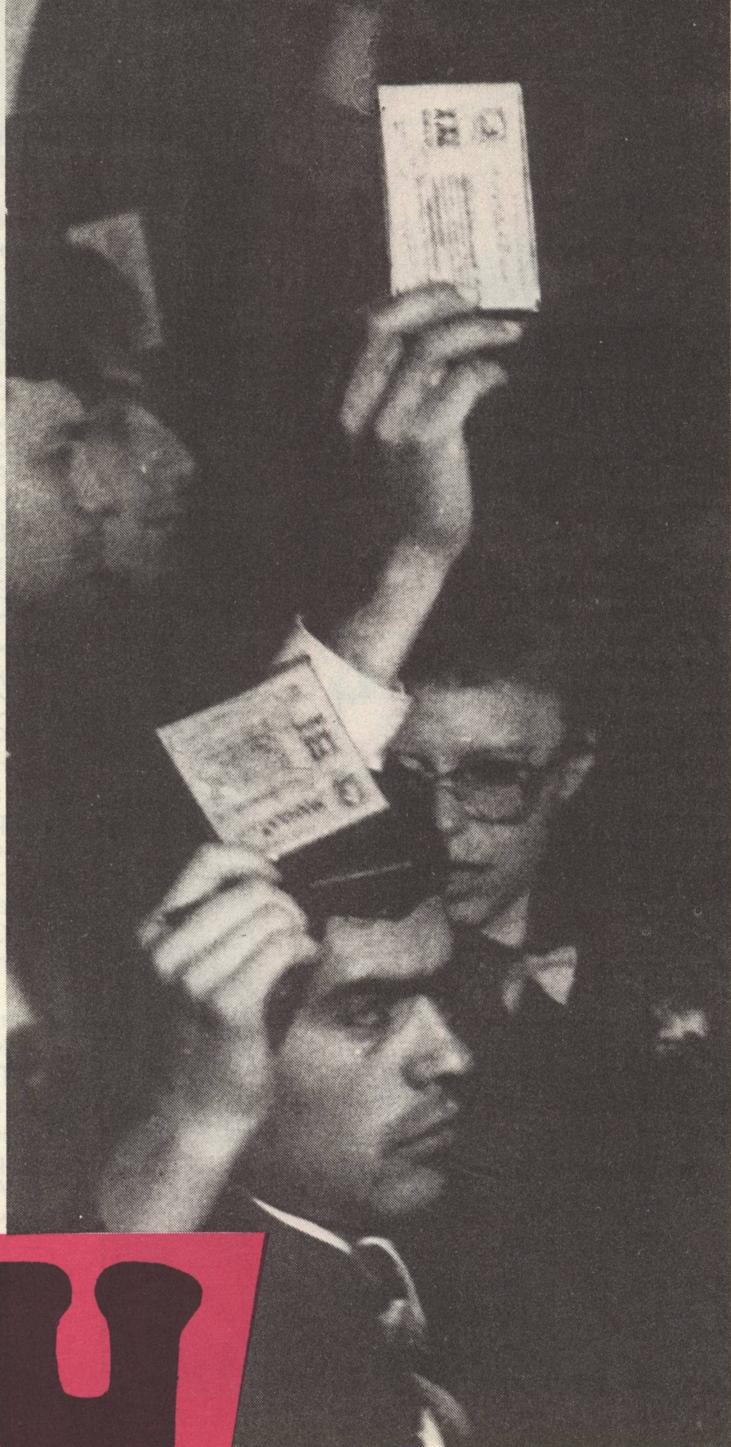
В селе Колотыркино я узнала, что моя попутчица — чемпионка области по буриме и что со мной она возвращалась из города с очередным призом — поросенком. (Это он булькал в корзине, помните? Хрюк у него такой был, булькающий.) И что фамилия старухи — Лермонтова.

Фантастика!

А рифмы старухи Лермонтовой я приберегла для вас, ребята. Разминайтесь на здоровье.

Кто из вас напишет осмысленное стихотворение, не меняя расположения рифм, и эти стихи займут 1, 2 и 3 места, тот увидит свое произведение напечатанным в «Пионере».

Разминка продолжается! Сыграем в буриме?!



Что скажет слет?

Перед тобой фотографии, на которых запечатлены фрагменты XXI съезда ВЛКСМ. Съезд состоялся в апреле в Москве.

Он был во многом необычен, этот комсомольский съезд. И по накалу страстей в зале и вне его, и по характеру принятых решений. ВЛКСМ провозглашен «федерацией коммунистических союзов молодежи, объединяющих молодых людей коммунистического и социалистического выбора».

Не так уж много слов было сказано на съезде о пионерах, но в одной из его резолюций четко записано, что «день грядущий немыслим для комсомола без заботы о юной смене...» Только какой







должна быть эта забота?

С первых дней создания пионерской организации ее связи с комсомолом определялись, как «руководство по поручению КПСС».

«На первых порах,— отметил съезд,— этот принцип обеспечивал связь поколений, преемственность революционных идей. Со временем же иерархическая соподчиненность: партия — комсомол — пионеры» стала пониматься буквально, и пионерской организации была отведена роль лишь послушного исполнителя указаний комсомола. И вот результат: «деформированная, недееспособная детская организация, не имеющая ни своей программы, ни руководства, ни кадров, ни финансовой и материальной базы».

Может ли так продолжаться дальше? Безусловно, нет, если мы хотим, чтобы ребятам было интересно в пионерской организации. Значит, надо в корне менять ее работу.

Пионерская организация должна стать прежде всего организационно самостоятельной. И получить право самой определять программу своей деятельности. И вообще ребята должны наконец не на словах, а на деле почувствовать себя хозяевами в собственной организации.

Какой она станет, наша пионерия, в ближайшем будущем? Каким быть Уставу детской организации? Какова роль детских объединений в советском обществе в условиях нарождающейся многопартийной системы?

На эти и другие непростые вопросы предстоит искать ответы делегатам X Всесоюзного пионерского слета, который откроется 25 сентября этого года в «Артеке».

Итак, что же решит, что скажет слет? Ты можешь помочь ему, если направишь свои предложения в Детский подготовительный комитет X слета при «Пионерской правде».

Фотографии В. ЕВСЕЕВА.

Николай ФЕДОРОВ

ТУЧКОВ МОСТ

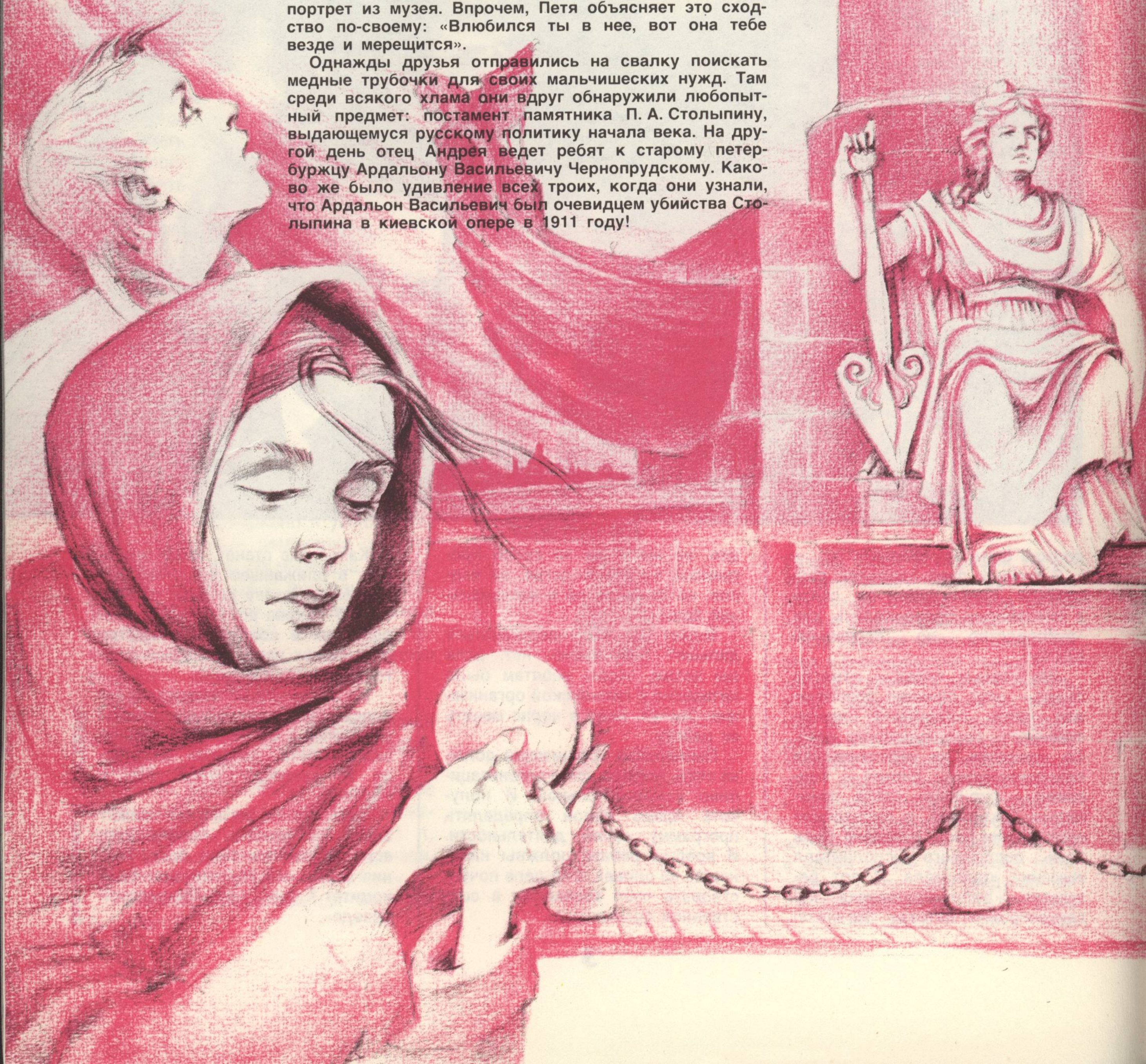
ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в №№ 6,7.

Рисунки К. ЯСИНСКОЙ.

У Андрея Болотникова есть друг — Петя Мосин. И еще есть девочка Оля, так похожая на старинный портрет из музея. Впрочем, Петя объясняет это сходство по-своему: «Влюбился ты в нее, вот она тебе везде и мерещится».

Однажды друзья отправились на свалку поискать медные трубочки для своих мальчишеских нужд. Там среди всякого хлама они вдруг обнаружили любопытный предмет: постамент памятника П. А. Столыпину, выдающемуся русскому политику начала века. На другой день отец Андрея ведет ребят к старому петербуржцу Ардальону Васильевичу Чернопрудскому. Каково же было удивление всех троих, когда они узнали, что Ардальон Васильевич был очевидцем убийства Столыпина в киевской опере в 1911 году!



Вид с Ростральной колонны

«Это, наверное, чужие,— подумал я, идя открывать.— Петька меньше трех звонков не дает, папа, если ключи забудет, так и вообще «Танец с саблями» на звонке изобразить пытается, а мама... Мама ключи никогда не забывает. Значит, чужие».

Но я ошибся.

На площадке, прислонившись к дверному косяку, стояла Оля. На ней был длинный плащ с поднятым воротником, а на голове большой, темный, тяжелый платок с кистями. Вид у Оли был какой-то жалкий, несчастный. Она хлопала глазами, тихонько шмыгала носом и ничего не говорила. Я растерялся и тоже молчал. Никогда раньше Оля не была у меня дома, и я даже не предполагал, что она знает номер моей квартиры.

— Андрюшка, ты один? — наконец тихо спросила Оля.

— Один.

— Можно, я у тебя посижу?

Она медленно, как лунатик, прошла по квартире, провела пальцем по корешкам книг, полки с которыми занимают у нас всю прихожую, потом остановилась и долго, молча разглядывала картину Саврасова «Грачи прилетели». Папа говорит, что эта картина — самое ценное, что есть в нашем доме. Конечно, это копия. Но сделал ее сам Саврасов. Папа рассказывал, что, когда художник был уже старый и больной и не мог работать в полную силу, он написал много, больше ста, копий своих знаменитых «Грачей». Одну из них и купил мой дед в Риге вскоре после войны.

— Грачи весной прилетают, — сказала Оля.— В апреле...

Она хотела еще что-то добавить, но, так ничего и не сказав, прошла в мою комнату и села на диван, поджав под себя ноги и натянув плащ на колени.

— Ты, наверное, замерзла? — спросил я.— Хочешь, я чай согрею. У нас мед есть вкусный. Маму на работе угостили.

Оля отрицательно покачала головой, потом сказала:

— У тебя нет хлеба?

— Конечно, есть,— обрадовался я.— Только зачем хлеб? Сейчас мы с тобой как следует поедим, суп разогреем, котлеты... Пирожное даже есть. Одно, правда...

— Нет, нет, я ничего не хочу. Только кусочек черного хлеба. И, если можно, с солью.

Хлеб, как назло, оказался черствым, но Оля не обратила на это внимания. Она отламывала маленькие, колючие ломтики и рассеянно клала их в рот. А я сидел на стуле посередине комнаты и совершенно не знал, что делать. И в то же время было как-то очень хорошо оттого, что Оля вот так, вдруг очутилась у меня в доме, уютно примостившись в самом уголке дивана. Привычная, надоевшая комната, в которой я знал каждую трещину, каждое пятнышко на обоях, сразу преобразилась и даже, казалось, стала светлее.

— Ты не обращаи на меня внимания,— сказала Оля.— Ты ешь суп, котлеты.— И без всякой связи вдруг добавила: — Какие же все-таки они дураки.

— Кто? — не понял я.

— Родители. Нужны мне их сережки! Да мне ничего не нужно. Ни-че-го. Знаешь, я летом в деревне у деда жила. А дед пчел разводит — у него шесть ульев. Так вот, он мне рассказывал, что есть такой пчелиный волк. Оса-одиночка — злая жутко. Она охотится за домашними пчелами, убивает их и тащит в нору на корм своим мерзким детенышам. Вот.

— Это ты к чему? — спросил я.

— Да так, вспомнила... А еще там озеро было, в лесу. Маленькое такое, черное, а у берега кувшинок — много-много. Я туда уйду с утра и целый день там сижу — купаюсь, ягоды собираю. Земляники вокруг — тьма. Целые поляны земляничные. Я с собой бутылку молока и кусок хлеба возьму, наберу земляники — вот у меня и обед. Знаешь, как вкусно — хлеб, земляника и молоко парное! — Оля вскочила с дивана, быстро расстегнула плащ и бросила его на пол, оставшись в длинном, до колен, свитере.

— А почему ты меня не поздравляешь? У тебя совесть есть?

— С чем, Оль? С чем поздравлять-то? — не понял я.

— Как это «с чем»? У меня сегодня день рождения. То есть именины. Да, именины.

— Так я же не знал. Откуда...

— Нет, вы послушайте: у меня именины, а он кормит меня засохшим хлебом с солью. Такой солью, между прочим, дворники улицы посыпают.

— Да я, честно, не знал. И потом, ты ж сама попросила...

— Ты никогда не знаешь то, что нужно. И вообще: кто оправдывается, тот виноват. Вот так. Понял? — Оля вдруг засвистела, как мальчишка, какую-то мелодию, похожую на вальс, и закружилась по комнате, свалив стул, на котором я только что сидел. Потом она подхватила этот упавший стул и продолжала кружиться вместе с ним. Наконец, она остановилась и с размаху плюхнулась на диван.— Какой хороший стул. Просто прелесть. Это, наверное, венский? Да, да, я знаю, это венский стул. Послушай, Андрейка, у тебя есть мука?

— Мука? Есть, кажется.

— А сгущенка?

— Тоже вроде есть.

— Отлично! Сейчас мы испечем праздничный пирог.

На кухне Оля быстренько обрядилась в мамин передник и, затребовав еще два яйца, соду и уксус, сказала:

— Ну, а ты иди пока переодевайся. Через пятнадцать минут будет готово.

— То есть как переодеваться?

— Надень фрак и костюм. Не в школьную же форму.

Я, конечно, понимал, что никакого дня рождения и никаких именин в самом деле нет. Но разве это имело значение? Главное, Оля была здесь, рядом. И мне ужасно хотелось, чтобы праздничный пирог пекся не пятнадцать минут, а по крайней мере сто лет.

Я выскочил из кухни, напялил на себя белую рубаху и даже причесался. Потом подумал: надо же подарить какой-нибудь подарок. Но легко сказать — подарить. Если бы речь шла о Петьке или о каком-нибудь другом моем приятеле, тогда б можно было что-нибудь придумать. Но вот так, сразу найти подарок для Оли... Не дарить же ей в самом деле полкоробки охотничьих капсюлей или модель пикирующего бомбардировщика. Лучше всего, конечно, было б цветы, но где же их возьмешь? Кроме пыльного кактуса в горшке, цветов в квартире не было.

Тут я вспомнил, что как-то вместе с Петей на

Журнальный вариант.

развалинах дома, шедшего на слом, мы нашли шар. По размерам он напоминал бильярдный, только сделан был из мрамора. Мрамор был нежно-голубого цвета с розовыми прожилками.

«Делать нечего — подарю шар,— решил я.— Вещь, конечно, непонятная, но... может, оно и хорошо».

Я отыскал шар в коробке со всякой мелочишкой — коробку эту мама звала «помойка»,— положил его в бумажный мешок с надписью «Ленторг» и пошел на кухню, откуда уже пахло чем-то очень вкусным.

— Ты, кажется, говорил, что у нас есть мед,— сказала Оля.— Доставай. Мы из него начинку сделаем.

Вскоре из духовки был извлечен румяный, блестящий корж, который при помощи нитки мы разделили на две плоские половины. Оля полила эти половинки медом и вновь соединила.

— Все,— сказала она,— праздничный пирог готов.

В комнате я сказал:

— Ну, Оль, я тебя это... поздравляю с днем рождения. То есть с именинами. Именины — это же день ангела, верно? Значит, был такой ангел по имени Оля...— Тут я запнулся, почувствовав, что краснею.— В общем, поздравляю. Вот.— И я протянул пакет с надписью «Ленторг».

Оля взяла пакет и чуть было не уронила.

— Ой, что это тут такое тяжелое? Булыжник ты, что ли, положил?

Олины слова были так недалеки от истины, что я испугался, не обидится ли она за такой дурацкий подарок. Но, к счастью, я ошибся.

— Ммм, какой шар красивый,— сказала она.— Из чего же это он, интересно?

— Мраморный,— сказал я.— Знаешь, я где-то читал, что в Древнем Риме во время пиршеств гостям раздавали мраморные шары. Как думаешь, для чего?

— Не знаю.

— Ни за что не догадаешься. Для охлаждения ладоней. Представляешь?

— Как здорово! Значит, это древнеримский шар?

— Ну, я точно не знаю, но может быть. Вот смотри: в нем нет никаких дырок. Если бы дырка была, да еще с резьбой, значит, можно было подумать, что его куда-то крепили, подвешивали. Ну, как часть украшений. А он совершенно ровный, никаких дыр.

— Да, да, ты абсолютно прав. Это древнеримский шар для охлаждения ладоней.

Она подбросила шар, а потом тихонько пустила его по полу. Шар с тугим гудением покатился по комнате и торжественно скрылся под диваном. Оля вскочила и полезла следом.

— Да погоди, зачем? Я сам достану,— сказал я и тоже нырнул под диван. Там мы и столкнулись. Прямо лбами.

— Ой! — сказала Оля.

— Больно, да?

— Да нет, ничего. Просто ты меня напугал. А хорошо тут, правда? Я, когда маленькая была, страшно любила забираться под кровати, под столы. Да еще подушками или стульями заставиться. Сразу представлялось, что сидишь где-нибудь далеко-далеко... в какой-нибудь избушке или пещере. Ты бы хотел жить в избушке?

— Да, я бы хотел.

— Со мной?

— С тобой.

Оля приблизила ко мне свое лицо так близко, что его очертания размылись, а глаза слились в одно огромное, глубокое окно. И тут я с ужасом почувствовал, что сейчас должен чихнуть. Я отвернулся, изо всех сил потер переносицу, но было уже поздно.

— А-пчхи! — громко чихнул я.

Оля засмеялась и вылезла из-под дивана.

Когда праздничный пирог был съеден, Оля сказала:

— А сейчас мы пойдем гулять. Или нет, мы пойдем знаешь куда? В церковь. Ты был когда-нибудь в церкви?

— Был. А зачем мы туда пойдем?

— Потом узнаешь. Собирайся.

В церкви было чисто и тихо. Пахло ладаном и горевшими свечами. Мы прошли вперед, к алтарю, где на возвышении под стеклом лежала потемневшая, наверное, очень древняя икона, перед которой на массивном бронзовом подсвечнике мерцали три тоненькие нежно-розовые свечки.

Так мы простояли некоторое время. Потом Оля коснулась рукой моей ладони и тихим, низким голосом, подражая священнику, сказала:

— Венчаются раб Божий Андрей и раба Божья Ольга. Жених, согласен ли ты взять в жены Ольгу? — Она дернула меня за руку и своим, нормальным, голосом добавила: — Ну, отвечай: да или нет.

— Да,— сказал я.

Оля крепко сжала мою ладонь и вновь голосом священника продолжила:

— Невеста, согласна ли ты выйти замуж за Андрея? — Она помолчала и, повернув лицо в мою сторону, ответила: — Да.

Мы еще постояли немного, потом обошли церковь вокруг, разглядывая образа в тяжелых, золоченых окладах и читая надписи, выполненные старым, славянским шрифтом. Под образами висели белоснежные, отделанные кружевами полотенца.

— Как ты думаешь, зачем эти полотенца? — спросила Оля.

— Не знаю,— ответил я.— Скорей всего это какие-то символы. Ну, символы чистоты, торжественности.

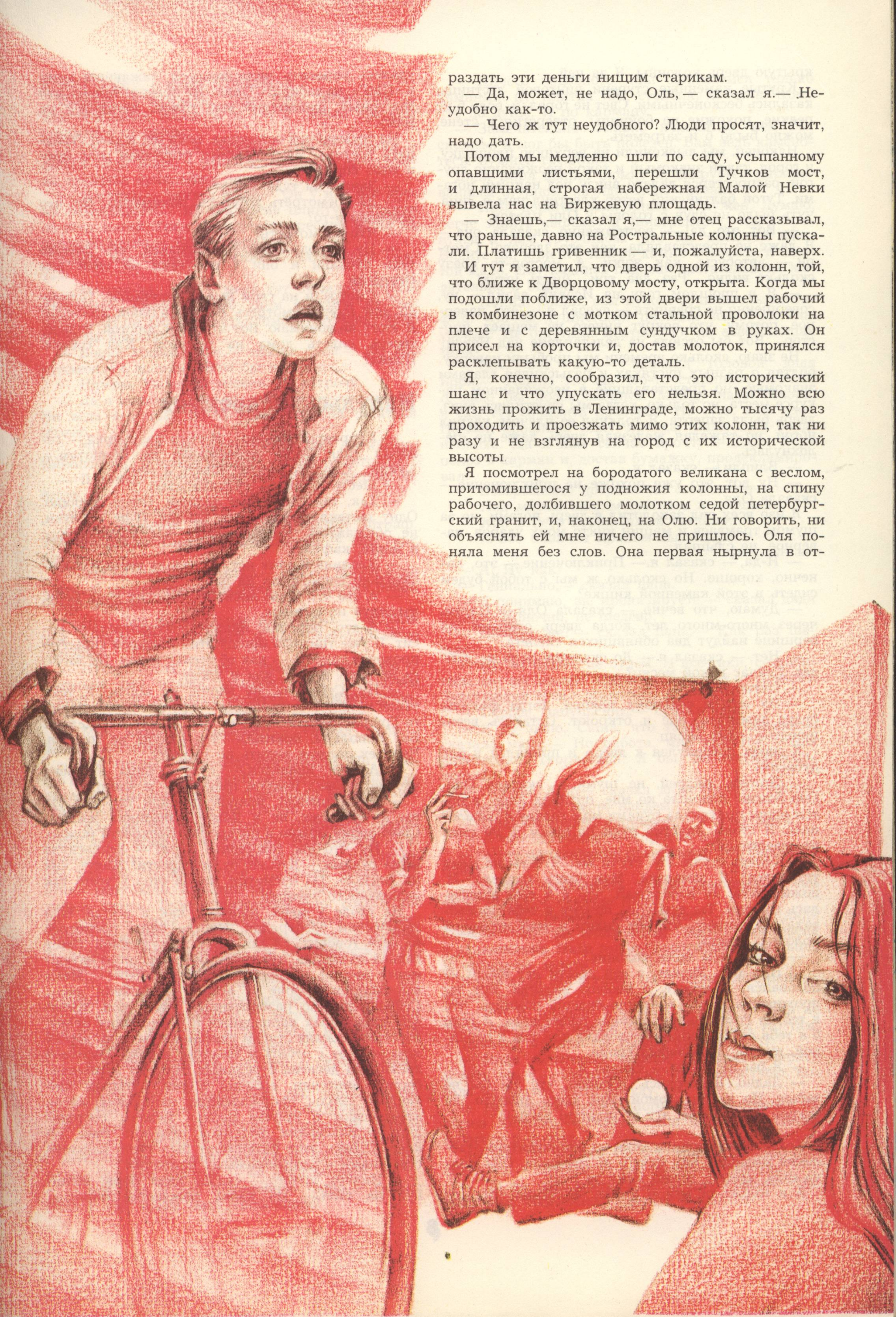
Когда мы вышли из церкви, Оля сказала:

— Андрей, у тебя есть деньги?

— Есть,— сказал я.— Рубль. Правда, мелочью.

— Очень хорошо. Давай сюда.

Я понял, что Оля хочет



раздать эти деньги нищим старикам.

— Да, может, не надо, Оль, — сказал я.— Неудобно как-то.

— Чего ж тут неудобного? Люди просят, значит, надо дать.

Потом мы медленно шли по саду, усыпанному опавшими листьями, перешли Тучков мост, и длинная, строгая набережная Малой Невки вывела нас на Биржевую площадь.

— Знаешь,— сказал я,— мне отец рассказывал, что раньше, давно на Ростральные колонны пускали. Платишь гривенник — и, пожалуйста, наверх.

И тут я заметил, что дверь одной из колонн, той, что ближе к Дворцовому мосту, открыта. Когда мы подошли поближе, из этой двери вышел рабочий в комбинезоне с мотком стальной проволоки на плече и с деревянным сундучком в руках. Он присел на корточки и, достав молоток, принялся расклепывать какую-то деталь.

Я, конечно, сообразил, что это исторический шанс и что упускать его нельзя. Можно всю жизнь прожить в Ленинграде, можно тысячу раз проходить и проезжать мимо этих колонн, так ни разу и не взглянув на город с их исторической высоты.

Я посмотрел на бородатого великана с веслом, притомившегося у подножия колонны, на спину рабочего, долбившего молотком седой петербургский гранит, и, наконец, на Олю. Ни говорить, ни объяснять ей мне ничего не пришлось. Оля поняла меня без слов. Она первая нырнула в от-

крытую дверь колонны. Я за ней.

Крутые каменные ступени винтовой лестницы казались бесконечными. Свет не горел, и, если б не редкие, похожие на бойницы, отверстия в стене, можно было б и загреметь.

Наконец, мы выскочили на верхнюю площадку, и город, такой знакомый и такой неожиданно другой, распростерся далеко внизу под нашими ногами. Тугой балтийский ветер хлестнул нам в лица, чуть было не сдув с головы у Оли платок.

— Вот это да! — восторженно сказала она.— Я даже не представляла, как это здорово! Смотри — автобусы, как жуки. А мостов-то сразу сколько видно... Раз, два, три... шесть штук!

— Я в прошлом году на Исакий лазил — ну, совершенно не сравнить,— сказал я.— Это, наверное, потому, что вокруг ничего не мешает, простор... Вот бы отсюда на дельтаплане над Невой!

Не знаю, сколько времени мы пробыли наверху, болтая о разных пустяках и разыскивая глазами знакомые, но представавшие в неожиданном ракурсе места, но только, когда мы спустились вниз, дверь была заперта. Я толкнул ее плечом, ударил ногой, но тяжелая железная дверь даже не шелохнулась.

— Влипли,— сказал я.

— Ну вот, это уже похоже на приключение,— сказала Оля.

Я изо всех сил заколотил в дверь ногами, но за шумом трамваев и машин никто моих ударов, наверное, не слышал.

— Н-да, — сказал я.— Приключение — это, конечно, хорошо. Но сколько ж мы с тобой будем сидеть в этой каменной кишке?

— Думаю, что вечно, — сказала Оля.— Потом, через много-много лет, когда дверь откроют, на вершине найдут два обнявшихся скелета.

— Нет, — сказал я.— До скелетов дело не дойдет. Сейчас какой месяц?

— Октябрь.

— Ну вот, к седьмому ноября, когда факелы будут зажигать, нас и откроют. Осталось всего ничего — один месяц.

Я снова повернулся к двери и принялся в нее дубасить.

— Погоди, Андрей, не шуми, — сказала Оля. Она близко подошла ко мне, подняла лицо, а потом вдруг притянула руками мою голову и поцеловала. Я стоял, опустив руки по швам, и не смел пошевелиться.

— Теперь стучи. Ну, стучи же! Что ты на меня уставился? Я замерзла. Мне здесь надоело. И, пожалуйста, не воображай, что я в тебя влюбилась по уши. Ты думаешь, почему я тебя поцеловала? Да потому, что мы сидим в этой дурацкой колонне. Понял?

— А при чем здесь колонна?

— При том. Может, в ней двести лет никто не целовался. А может, и вообще никогда. Вот ты проживешь жизнь и всегда будешь помнить, что я тебя в Ростральной колонне поцеловала. А если б я тебя на скамейке поцеловала или там в парадной, ну, ты бы и забыл скоро.

— Я бы не забыл,— сказал я.

— Ладно, не сердись. Я знаю, что ты бы не забыл. Но я хочу домой. Мне здесь надоело. Да открой же наконец эту проклятую дверь!

Когда мама уводила меня из семнадцатого отделения милиции, она ничего не говорила. Она молча шла, крепко держа меня за руку.

А я только об одном думал: «Хорошо, что мне удалось упросить милиционеров, сажавших меня в «ПМГ», не забирать Олю». Не повезло только, что дежурный, звонивший мне домой, наткнулся на маму.

На трамвайной остановке, пока мы ждали «тридцать третий», мама наконец отпустила мою руку и тихо спросила:

— Зачем ты туда залез?

— Да посмотреть хотелось, понимаешь. Ну, что особенного-то?

— Что посмотреть?

— Ну, город. Папа рассказывал, что раньше туда пускали и они с ребятами на свой дом смотрели.

— Смотрели на свой дом. Не понимаю. Почему на дом нужно смотреть с Ростральной колонны? Я этого не понимаю. Вот что, мой дорогой, будешь теперь сидеть дома на привязи. Как собака. Понял?

Напульсник времени

— Квартирка ничего... Ничего квартирка,— говорил дядя Боря, расхаживая по комнатам.— Кухня... Сколько кухня? Шесть и семь?

— Шесть и семь,— сказала мама.

— Так, так, так... Две лоджии. Очень хорошо. Одну застеклить надо. Ага, ванная. Н-да, ребятки, не обижайтесь, но кафелек у вас аховый. Как в морге, кафелек.

— Хозяина в доме нет,— сказала мама и выразительно посмотрела на папу.

— А это что у вас висит? — спросил дядя Боря, взглянув на потолок.

— А это, Боречка, линия электропередачи висит. Я уже три года прошу этих лодырей скрытую проводку сделать — как об стенку горох. Им ничего не надо, живут, как в хлеву.

— Ну, Семенова, не ворчи, не ворчи. У тебя такие мужики! А проводка — ерунда. Я тебе нашего Гриню пришлю — он за пять минут все сделает. Вот линолеум, братцы,— это никуда не годится. Человек должен ходить по паркету.

— А мне нравится,— сказал папа.— Очень удобно: провел мокрой тряпкой — и чисто.

— Оно, конечно, мокрой тряпкой тяп-ляп. Но вы ж, ребятки, не в Доме колхозника живете. Свою норку можно и поскрести. Поскрести можно.

— Ну что ты говоришь, Боря! — всплеснула мама руками.— Кто это будет скрести? Живут, как на вокзале. Ты посмотри, какой стол у этого так называемого ученика.

На столе у меня, конечно, как и всегда, был творческий беспорядок. Иногда папа, посмотрев на него, говорит: «Жаль, что я не художник. Готов биться об заклад, что такого неожиданного натюрморта нет ни в одной картинной галерее». Мама выражается короче и яснее: «Помойная яма». Сейчас, помимо разбросанных учебников, тетрадей, сломанных карандашей и непишущих ручек, на столе лежали: тиски слесарные, модель вертолета «Ми-5» с отбитым хвостом, обрезок сосновой доски, два десятка стреляных гильз от малокалиберной винтовки, собачий жетон, бутылка эпоксидной смолы, проржавевший напильник, кусок плексигласа и прочая разная мелочь, состоявшая из маленьких гвоздиков, шурупов, гаек, заклепок. Весь этот натюрморт был густо посыпан стружками и алюминиевыми опилками.

— Ничего, ничего,— сказал дядя Боря, взглянув на стол.— Из хаоса рождается порядок.

Я тебе скажу, к кому обратиться.

Выходя из комнаты, дядя Боря зацепился за пластмассовый плинтус, и тот с диким треском отвалился от стены.

— Ох, простите, я, кажется, что-то сломал,— сказал дядя Боря, с удивлением глядя на провода, которые прикрывал плинтус.

— Пустяки,— сказал папа.— Он у нас все время отскакивает.— И, приложив плинтус, саданул по нему ногой. Тот с неменьшим треском встал на прежнее место.— Вот и порядок!

Когда мы садились ужинать, дядя Боря сказал:

— Погоди-ка, Аня, у меня тут бутылочка есть. Застойная. Теперь такую днем с огнем не сыщешь.— И он достал из «дипломата» бутылку «Рябины на коньяке».

— Борис Михайлович,— сказал папа,— вы же, кажется, на машине. Вам бы не надо...

— Ничего. Рюмочку можно. За встречу.

— Да я понимаю, что вы с рюмки не опьянеете. Но ведь без прав из-за такой ерунды остаться можно.

— Ну, ну, ну, не преувеличивайте, Александр Николаевич. В конце концов, заплатим штраф.

— В таких случаях, вы же знаете, штраф не берут.

Дядя Боря засмеялся:

— Это, дорогой мой, смотря какой штраф. Три рубля не берут, а вот триста — еще как берут.

— Это не штраф, а взятка,— сказал я.— И если честный милиционер попадется, он у вас все равно права отнимет.

— Не суйся во взрослые разговоры,— сказала мне мама.— Ешь быстрей и иди разбирай свою помойку.

— Пусть, пусть сидит,— сказал дядя Боря.— Большой уже мужик, должен знать, что почем в этой жизни. А жизнь, ребятки, дорожает. Дорожает жизнь.

— Мне кажется, наоборот,— сказал папа.— Жизнь обесценивается.

— Ну, это вы в философском смысле. Но, дорогой мой, из философии каши не сваришь и сапог не сошьешь. Вы мне лучше, Александр Николаевич, скажите, не писали ли вы стихов?

— Как же не писал! Писал. Помню, в пятнадцать лет я даже поэму сочинил. Называлась «Лимонный свет». Потом я сжег ее в печке, полагая, что иду по стопам Гоголя. Помните, тогда ведь печки еще были, а в них так и подмывало что-нибудь сжечь. Теперь писателям туго: совсем негде спалить даже маленькую бумажку. Поэтому приходится все тащить в издательства. А почему вы вдруг об этом спросили? Уж не заведуете ли вы издательским кооперативом?

— Нет, нет, у нас другой профиль. Дело у нас деликатное, но нужное. Нужное дело. Сейчас ведь народ к чему потянулся? К истокам, к истокам потянулся, к культуре. В том числе и к культуре на кладбищах. Верно, Семенова?

— Конечно, Боречка, конечно,— сказала мама, подкладывая дяде Боре салат.

— То-то и оно. Раньше ведь как: зарыл покойника, сунул в землю трубу водопроводную со звездой из жести — и вся любовь к усопшему. Теперь нет. Теперь все хотят камешек. А то и памятник с ангелочками да херувимчиками. Да чтоб непременно буковки золотые — на веки вечные.

— А-а, так у вас похоронное бюро,— сказал папа.— Вы, стало быть, гробовщик?

— Ничего подобного. Мы занимаемся только камнями: ну, плитка там, столбик, крестик. Кому что по душе. И по карману.

— Замечательно. Только непонятно, чем бы, скажем, я мог бы быть полезен. Вам ведь каменотесы нужны, грузчики.

Дядя Боря выпил рюмку и, захрустев маринованным огурцом, назидательно сказал:

— Нам, дорогой мой, никто не нужен. Думаю, легче занять кафедру в университете, чем устроиться к нам грузчиком. Что же касается вас... Видите ли, клиенту теперь камня с именем и с датой мало. Ему надпись подавай трогательную, желательно в стихах.

— Понял, понял, вам нужен сочинитель эпитафий. «Зачем душистыми цветами земля могилы убрала? Не ощутима мертвецами их освежающая мгла».

— Вот, вот, вот,— закивал головой дядя Боря.— Только это вы что-то старинное прочли. А надо бы посовременнее. Между нами говоря, я сам тут сочинять пробовал. Но туго, туго идет. Не мой профиль. Одну, правда, написал, и вроде неплохо. Да я вам сейчас прочту.— Дядя Боря полез в карман и, достав бумажку, продекламировал:

Безвременно прервал ты свой полет
Над миром нашим суетным и спешным,
Как в небе пораженный самолет...
И вот охвачен мраком ты теперь кромешным.

— А? Ну как?

— Гениально,— сказал папа.

— Я понимаю, вы иронизируете,— сказал дядя Боря.— Конечно, не шедевр.

— Почему же? — сказал папа.— Как раз шедевр.

— Ну, не будем, не будем. И все-таки, согласитесь, звучит вполне современно: полет — самолет. Чувствуется пульс времени.

— Скорее, напульсник,— сказал папа.

— Я не знаю, Саша, что такое напульсник,— сказала мама.— Но работа, мне кажется, очень интересная. Творческая. Я бы, не задумываясь, пошла.

— Погоди, Аня,— сказал дядя Боря,— расширим дело и тебе место найдем.

— Плакальщицей, например,— сказал папа.

— А что это такое? — спросил я.

— А это оплакивание покойников за умеренную плату.

— Лучше оплакивать чужих покойников, чем свою жизнь,— сказала мама.

— Ну, ну, ребятки, перестаньте,— сказал дядя Боря.— Что за настроение? Жизнь прекрасна и удивительна. Надо только рассуждать поменьше. И побольше делать.

Когда дядя Боря ушел, папа налил себе рюмку, выпил и сказал:

— Вот и хорошо. Теперь, Семенова, у тебя не будет проблем с моими похоронами. Как это там: «...охвачен мраком ты теперь кромешным».

— Надо в течение недели позвонить Борису и дать ответ,— сказала мама и, поджав губы, пошла на кухню мыть посуду.

— Не боимся буржуазного звона и ответим на вызов Керзона,— сказал папа и вылил остатки наливки в фужер.

— Пап, да не пей ты эту дрянь застойную,— сказал я.— Пойдем лучше споем что-нибудь.

— Да, да, надо спеть. Знаешь такую песню: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»

Я взял папу за руку и повел в свою комнату. Так однажды я вел первоклассника, заблудившегося в новостройках.

Трудно нарисовать медведя

Я шел по двору из магазина, когда вдруг кто-то сзади на меня наскочил и закрыл ладонями глаза.

— Петька? — спросил я.

— Нет, не Петька. А ты только о своем Петьке и думаешь.

Я обернулся и увидел Олю.

— Да нет,— смутился я,— с Петькой мы договаривались... Я решил...

— Ладно, ладно, не оправдывайся.

— А что это у тебя? Прическа какая-то новая.

— Я подстриглась. Нравится?

Волосы у Оли стали совсем короткими, и теперь она походила на мальчишку.

— Нравится,— сказал я.— А ты куда?

— Я тебе звонила. А сейчас специально вышла, чтоб тебя встретить. Прямо не знаю, что делать.

— А что такое?

— Ты мою подружку Катю Чупрову знаешь?

— Ну, знаю немного.

— Так вот, она заболела, лежит, температура — сорок, горит вся. А бабка ее в деревню на два дня уехала. Одна лежит, бедненькая.

— А где ж родители-то?

— Ты разве не слышал? Отец в тюрьме, а мать с другим давно живет. У нее только бабка.

— Так посиди с ней.

— Вот, я про то и говорю, что надо посидеть с больным человеком. Но у меня родители надумали в театр пойти, а на меня Наташку оставили. Ну, как я уйду?

— Так ты чего, хочешь, чтоб я с Наташкой посидел?

— Умничка. Все сразу понял. Да ты не бойся, она уже большая, ей почти три.

Большая Наташка сидела на полу в прихожей и орала что есть мочи.

— Вот видишь,— сказала Оля.— Не может и минутку одна побыть. А вообще-то она у нас девочка спокойная, ты не думай.— И, схватив Наташку на руки, понесла в комнату.— Ну, что ты орешь? Ты лучше посмотри, кто к нам пришел. Андрюша пришел. Знаешь, как Андрюша хорошо рисует? Сейчас он тебе верблюда нарисует. Где наши карандашики?

— Не хочу верблюда,— сказала Наташка.— Хочу зайца.

— Он тебе и зайца нарисует, и бегемота.

Оля усадила Наташку за маленький столик, достала карандаши и альбом.

— Оль, да я в зайцах не силен. Я ей лучше гранатомет нарисую. Или машину.

— Нет, зайца,— сказала Наташка и сбросила карандаши на пол.

— Будет, будет тебе заяц. Не пищи,— сказала Оля, а я полез собирать карандаши.— Ну, детки, рисуйте, не скучайте. Я побежала. Андрей, горшок под кроватью.

— Какой горшок?

— Ну, если она запросится, посадишь на горшок. Неужели не понятно? Все. Я ушла.

С зайцем я кое-как справился. Уши, во всяком случае, получились. Потом я нарисовал слона, жирафа и утку, а Наташка раскрасила их в красный цвет.

— А теперь давай нарисуем пикирующий бомбардировщик,— предложил я.

— Нет, трех медведей. Маленького мишутку, папу медведя и маму медведицу.

— Да ты что! Мне такую картину не осилить.

— Нет, осилить. Рисуй.

Спорить было бесполезно, и я принялся за медведей. Но медведь — это не жираф и не утка. И, как я ни бился, выходило у меня нечто странное.

— Я тебя медведя просила, а ты свинью нарисовал,— заскулила Наташка.

— Да какая же это свинья? — оправдывался я.— Разве у свиньи такая шерсть бывает?

Но аргументы на Наташку не подействовали. Рот у нее вдруг скривился, из глаз покатились крупные слезы, и она зашлась таким громким криком, что мне не по себе стало.

— Ну, не реви, не реви. Ну, что ты ревешь? Ты, наверное, это ... на горшок хочешь.

— Ма-ма! — кричала Наташка.— Где мама-а-а!

— А давай я тебя покатаю,— предложил я.— Ну-ка, забирайся.

Я посадил Наташку на плечи и забегал по комнате. На третьем круге она успокоилась и притихла. На шестом я выдохся, подошел к окну и вдруг увидел Петю. Он медленно ехал по двору на велосипеде, дергая руль и пытаясь встать на заднее колесо. Сняв Наташку, я вскочил на подоконник и закричал:

— Петя! Постой, не уезжай!

Петя подъехал под окно и, разглядев меня, крикнул:





— А ты как там оказался?

— Да потом объясню. Заходи.

— Куда?

— Ну, сюда. Я тут один. То есть не один... Ну, в общем, заходи. И велосипед тащи.

Наташка, увидев велосипед, обрадовалась и тут же полезла на багажник. Петя подсадил ее и насупленно спросил:

— Чего это ты тут делаешь?

— Да понимаешь, подруга у Оли заболела. Вот она меня и попросила с сестренкой посидеть. Родители у них в театр ушли.

— Ну, сиди, сиди. А я пошел. И незачем мне было переться наверх.

— Да, Петь, не уходи. Поможешь мне медведя нарисовать. И вообще посидим, поболтаем. А?

— Нет, ты уж без меня медведей рисуй. И ослов. Некогда мне.

Петя снял Наташку с багажника, открыл дверь и попятился с велосипедом на площадку.

Не понравилось мне, как Петя со мной разговаривал. Ох, как не понравилось. Ну, не любит он Олю, неприятно ему, когда я с ней вижусь, но чтобы так... Да и в конце концов я ж не с Олей тут рассиживал, а с маленькой Наташкой. Она-то здесь при чем? Я чувствовал, что если Петя сейчас уйдет, то нашей дружбе конец. А мне этого совсем, ну, совсем не хотелось.

Я взял Петю за локоть, легонько толкнул и, посмотрев ему в лицо, спросил:

— Ты чего?

Петя опустил голову, потом сказал:

— Да я-то ничего... Подружку, говоришь, навестить пошла. Уж не Чупрову ли?

— Ага, Чупрову. А ты... ты откуда знаешь?

— Наврала она тебе все — вот откуда.

— Как наврала? Ее что, нет у Чупровой?

— Почему же нет, есть. Только у этой больной подружки такой балдеж стоит — за три квартала слышно.

Не говоря больше ни слова, я вырвал у Пети велосипед и через три ступеньки понесся вниз. Во дворе вскочил в седло и изо всех сил нажал на педали. Напрямик, через газоны, под арку, потом по улице, снова под арку... Первый двор, второй... Стоп. Кажется, здесь.

Я огляделся и сразу понял, что можно ехать назад. Из окон первого этажа, где жила Чупрова, гремела музыка. Во дворе стояли четыре мотоцикла. Один из них был прислонен к стенке, и какой-то мальчишка, стоя на седле, что-то кричал в форточку и махал руками. Когда я подъехал, из парадной вышли Борька Кузнецов и незнакомая девчонка с накрашенными губами и с розовым нарумяненным лицом. Они сели на мотоцикл и с треском помчались на улицу.

Да, можно было уезжать. И все-таки я медлил, еще на что-то надеясь. Я зашел в парадную и, закатив велосипед под лестницу, подошел к дверям квартиры. Дверь оказалась незакрытой.

Музыка ревела, скрежетала и выла с такой невероятной силой, что в первый момент хотелось заткнуть уши. Особенно выделялись басы. Они бухали по стенам, по окнам, по потолку, и казалось, что где-то рядом забивают сваи. В квартире было так накурено, что щипало глаза. Несколько человек танцевали, кто-то сидел с ногами на диване, кто-то стоял по углам, переговариваясь, трое ребят полулежали прямо на полу, упершись спинами в стену. Олю я увидел среди танцующих, но она меня не замечала. Надо было уходить.

Я попятился к выходу и тут вдруг увидел в руках у одного из мальчишек, сидевших на полу, шар. Тот самый мраморный шар с розовыми прожилками, который я подарил Оле. Мальчишка картинно дымил зажатой в зубах сигаретой и лениво перебрасывал шар с ладони на ладонь. Уж не знаю почему, но этот шар меня доконал. Я повернулся и пошел к выходу. И в этот момент Оля меня увидела. Она побежала следом и уже на площадке схватила за локоть.

— Откуда ты взялся? Ты что, бросил Наташку? Ты за мной следил? — рассерженно заговорила она.

— Не волнуйся, с Наташкой Петя сидит,— сказал я.

Оля сразу же успокоилась и как ни в чем не бывало сказала:

— Ну, а чего ж ты уходишь? Пойдем потанцуем. Видишь, Катя уже поправилась.— Она громко, неестественно засмеялась и потащила меня за рукав в квартиру.

Тут бы мне как-то особенно на нее посмотреть, таким, как пишут в книжках, испепеляющим взглядом. Но я совершенно не представлял, как это делается.

Я просто снял Олину руку с плеча и ушел.

Голубая «вольво»

У Алисы, которая в страну чудес попала, однажды спросили: «О чем ты сейчас думаешь?» А та отвечает: «Вот скажу, тогда узнаю».

Если бы меня в тот момент кто-нибудь спросил, куда я еду, я бы, наверное, тоже сказал, что вот, мол, приеду и будет ясно.

Я неторопливо крутил педали Петиного велосипеда, и в голове у меня была пустота. Пустота — это только так говорится. Такого не бывает, чтоб у живого человека в голове совсем ничего не было. Какие-то тусклые, пустяковые мыслишки обязательно шевелятся, шуршат, роятся, как мошки под дождем.

Педаль скрипит. Левая. Наверное, подшипник полетел. Надо бы сказать Пете, чтоб каретку разобрал. Или нет, он не сумеет. Я сам разберу. Неплохо бы и свой велосипед посмотреть, смазать, подготовить к зимней спячке. Да, зима уже скоро, снег...

Когда это было? В прошлом году или... Нет, в позапрошлом. Мы с папой на Вуоксу поехали, на зимнюю рыбалку. Лещей наловили, плотвы, окушков — много, с полведра, наверное. Даже щучка одна попалась. Красавица... А потом назад отправились и застряли в снегу. По самое днище. Пошли в лес за сухими ветками, чтобы под колеса подложить. Темно уже было. Снег глубокий, по колено, чистый, легкий. И мороз... Градусов двадцать. Вышли на поляну. Тут из-за елок луна вывалилась. Да какая там луна — луница! Огромная, зеленая и такая яркая, что хоть часы ремонтируй. Папа сел на пень, голову на луну задрал, будто загорает. Потом говорит: «Садись. Посидим немного. Жаль так сразу уходить». Я рядом пристроился, папа мне руку на плечо положил и вдруг начал стихотворение читать. Не буду врать, что у меня память какая-то особенная. Но этот стих я почему-то сразу запомнил. С первой до последней строчки:

Ночь тиха. Мороз сияет.
Выходи, снежок хрустит.
Пристяжная озябает
И на месте не стоит.
Сядем, полость запахну я,
Ночь тиха, и ровен путь.
Ты ни слова. Замолчу я,
И — пошел! Куда-нибудь.

Потом мы еще немного посидели, «позагорали» и только идти собрались — вдруг из-под елки прямо на середину поляны заяц как выскочит! Бултых в снег! На задние лапы вскочил и смотрит на нас с любопытством — уши торчком. И совершенно не боится. Мы с папой, конечно, замерли, не дышим. А заяц так посмотрел-посмотрел да и поскакал прямо на нас. Я даже подумал, уж не хочет ли он с нами вместе на пеньке посидеть. А то и прогнать — может, мы его наблюдательный пункт заняли. Когда до нас уже совсем близко было, метра три, заяц свернул в сторону и неторопливо потрусил в лес... А пристяжная — это лошадь, которую сбоку от оглобель запрягают. В центре коренная, а по бокам две пристяжки — вот и птица-тройка. Но к чему это я вдруг про лошадей? Ах да, стихотворение: «...И — пошел! Куда-нибудь».

Но идти, а вернее ехать, дальше было некуда. Город кончился, а впереди передо мной лежал Финский залив. Берег у воды был завален камнями, подгнившими бревнами, битым кирпичом, расколотыми бетонными плитами, из которых торчала ржавая, словно проросшая арматура.

Спустившись с обрыва, я сел на гладкое, отполированное волнами бревно, да так и просидел минут сорок, пока плоское, багровое солнце не

уползло за Лисий Нос. Стало холодно и темно. Я встал и поехал домой.

Когда я проезжал мимо склада, где мы с Петей нашли постамент, я вдруг заметил знакомый голубой капот «вольво». Он лишь немного торчал на улицу из открытых ворот.

«Это что же тут дядя Боря делает? — с удивлением подумал я.— Неужели тоже медные трубочки на свалке ищет? А сторож где же? Дрыхнет, наверное. Нет, надо посмотреть».

На территории склада было сыро и сумрачно. Лишь фиолетовый свет уличного фонаря с трудом растворял густую темень.

Дядя Боря стоял ко мне спиной неподалеку от своего огромного пикапа. Чуть дальше, в глубине, я увидел еще одну машину — мощный грузо-пассажирский джип с открытым кузовом. Кажется, это был американский двухсотсильный «рейндж-ровер». Возле него суетились трое парней. По сброшенным из кузова на землю доскам они волокли в машину большой темный камень, уложенный на тележку. Я сразу догадался, что камень этот — постамент столыпинского памятника.

И тут под ногой у меня что-то хрустнуло — то ли стекло, то ли битый кирпич. Дядя Боря круто повернулся, и вместо знакомого, улыбчивого лица передо мной мелькнула белая гипсовая маска, искривленная не то страхом, не то злобой. Но длилось это долю секунды. Дядя Боря меня узнал. Он расплылся в улыбке, взмахнул своими короткими руками и сделал шаг навстречу.

— Ба! Кого я вижу! Спортсмен-разрядник! Как ты здесь очутился?

— Да вот ехал, катался,— сказал я, кивнув на велосипед, стоявший у забора.

— Понял, понял. Вечерний кросс для поддержания формы.— И, повернувшись к парням, жестко сказал:— Ну, что встали? Грузите. А мы, видишь, работаем, трудимся. Вот э-э-э... на реставрацию берем... Надо охранять старину, охранять. Традиции, понимаешь. Без традиций теперь никак.

Парни наконец заволокли камень в кузов. Двое сели в машину, а третий, коротко стриженный, с толстой, короткой шеей, вразвалку подошел ко мне и, встав сбоку и чуть сзади, положил руку на мое плечо. Просто положил, безо всякого нажима. Нет, я совсем не испугался. Я только удивился, что у человека может быть такая тяжелая, твердая рука. Будто на меня опустили чугунную пятикилограммовую гантель.

— Сядь в машину, идиот! — резко сказал дядя Боря и толкнул парня в грудь. Тот молча, неспешно отошел, но садиться не стал, а привалился спиной к заднему крылу и скрестил руки. Дядя Боря снова заулыбался, хотя я видел, что глаза его из-под очков смотрели с колючей настороженностью:

— Представляешь, с кем приходится работать? Нажрутся с утра водки и ни черта не соображают. Кошмар! Ну все, старина, прощай! Мне пора. Маме, папе привет.

Он заспешил к машине и одновременно со стриженым нырнул в свою «вольво». Но тут же высунулся в окно и крикнул:

— На-ка, возьми презент. Угостишь приятелей,— и протянул мне блок американской жевательной резинки.

— А когда готово будет? — спросил я.

— Что готово? — не понял дядя Боря.

— Ну, постамент. Когда вы его отреставрируете? Я приеду посмотреть. Я обязательно приеду!

С этими словами я вскочил на велосипед и помчался в сторону перекрестка, где весело мигал светофор, где на автобусной остановке толпились люди.

«Врет,— думал я, нажимая на педали.— Все врет! Ничего он не реставрирует. Украл он этот камень. Взял и украл».

* * *

А дома у меня напряженка была. Я как через порог переступил, так мама сразу в крик:

— Ты где болтаешься, паразит?! Я кому говорила — дома сидеть? И носит его где-то, и носит! Что это еще за велосипед?

— Петин велосипед. Да я завтра ему отдам.

— У нас что, стоянка? У нас своей грязи мало?

— Да так получилось, мам. Говорю же, отдам завтра.

Я поскорей проскользнул в свою комнату, схватил первый попавшийся учебник и сделал вид, что занимаюсь. А мама тут же на папу переключилась. Видно, у них еще до моего прихода, как говорят в «Новостях», состоялся откровенный обмен мнениями по актуальным вопросам.

— Объясни: чего ты тянешь? Ты что, двести лет собираешься жить? Имей в виду, он ждать не будет. Ты думаешь, ему без тебя не обойтись? Да он таких писателей тысячи найдет, только свистнет. Это он из уважения ко мне тебя пригласил. Вспомнил юность золотую, вот и впал в лирику. Но у него это быстро пройдет. Он человек деловой.

— Я думаю,— уныло сказал папа.

— Раньше надо было думать. В детстве. А теперь давно уже жить пора. Да и о чем тут, собственно, думать? Что ты в конце концов, вишневый сад продаешь?

— В каком-то смысле — да.

— Боже мой! Какие страдания у нашего дяди Вани! Да пойми ты, Саша, я устала так жить. Я как загнанная лошадь по десять часов на работе. У нас сын беспризорный растет — его некому воспитывать, все заняты. Ну неужели тебе нас не жалко?

Тут я понял, что сейчас папа сдастся. Я не выдержал, вбежал на кухню, где сидели родители, и крикнул:

— Твой дядя Боря — вор!

— Что?! — воскликнула мама.

— Вот,— повторил я.— Он старинный постамент украл, я видел. И передай ему, что меня на жвачку не купишь.— С этими словами я бросил на стол подаренный блок.

— Что ты болтаешь, дурак?!

— Погоди, Аня,— сказал папа.— О чем ты говоришь, Андрей? Объясни.

— Ну, тот постамент! Столыпинский. Про который я тебе рассказывал. Они его в машину запихали и уехали.

— Все! Я так больше не могу,— сказала мама.— Это не семья, а какой-то сумасшедший дом! Один на гармошке играет, другой по свалкам рыщет, на Ростральные колонны лезет... Да пропадите вы пропадом!

Мама схватила коробку с жевательной резинкой и саданула ее об стену. Целлофан треснул, и яркие, оранжевые пачки посыпались на пол.

Тучков мост

Я проснулся от звуков гармошки. Это было так неожиданно и так приятно, что я снова закрыл глаза и стал слушать.

Над окошком месяц. Под окошком ветер.
Облетевший тополь серебрист и светел.
Дальний плач тальянки, голос одинокий —
И такой родимый, и такой далекий...—

пел папа, и гармошка вторила ему нежными, тоскливыми звуками.

Потом песня кончилась, и в квартире стало тихо. А я продолжал лежать с закрытыми глазами, и музыка все звучала и звучала в моей голове. И почему-то даже захотелось поплакать. Но я встал и на цыпочках прошел к родителям.

Папа как-то сиротливо сидел посередине комнаты на стуле, обняв гармонь и склонив голову набок.

— А-а, проснулся, ученик,— сказал он, увидев меня.— Вот и хорошо. Я тебе кашу сварил. Гречневую.

— А где мама?

— Мама? Ушла.

— Куда? На работу? Она же позже уходит?

— Нет. Мама ушла к маме.

— К бабушке, что ли?

— Ну, можно и так. Или к теще. Смотря откуда смотреть.

— Так она, что же, нас бросила?

— Как ты сказал? Бросила? Да, пожалуй. Или нет, она нас покинула.

— А как же мы?..

— А мы... мы с тобой вдвоем предполагаем жить. Разве нам плохо вдвоем? Вот заменим в «Буране» карбюратор, купим пару колес, да и махнем куда-нибудь далеко-далеко. Хочешь, в Вологду поедем? Знаешь, как там центр называется? Архиерейский двор. Во! А дома какие у них еще сохранились — ммм... Ставни, наличники резные, петушки всякие, коньки.

— Так она, что же, навсегда ушла? — спросил я.

— Ну, какие ты сложные философские вопросы задаешь с утра пораньше! На них без гречневой каши не ответить.— Папа положил гармонь на диван, подошел ко мне и дернул за нос.— Какой ты у меня, однако, тощий! Прямо одни ноги. Как штативчик.

— Пап, можно я сегодня в школу не пойду?

— Почему? Ты плохо себя чувствуешь? Заболел?

— Не, просто не хочется что-то.

— А что ж ты будешь делать? Мне ведь скоро на работу.

— Пойду погуляю.

— Ну, сходи. Оденься только потеплее, холодно сегодня.

Утро было солнечным, но уже подмораживало. Деревья за последние дни стали совсем желтыми, и с них то и дело без всякой видимой причины отрывались сухие, шершавые листья и тихо падали на асфальт.

Я постоял на берегу Ждановки, обогнул стадион с еще совершенно зеленым газоном и неторопливо побрел в направлении Тучкова моста.

Когда половина моста была позади, я остановился. Впереди, на той стороне начинался Васильевский остров. Туда много лет назад бегал папа. Как раз через этот мост. Спешил, торопился. На Васильевском стоял его старый дом, жили друзья, все было привычно и знакомо. Мне же там делать было совершенно нечего. Но и идти назад тоже не хотелось. Так я и стоял в нерешительности посередине моста, и вид у меня, наверное, был довольно глупый.

Тут я заметил между перилами и парапетом маленькую калитку, а за ней узкую железную лестницу, круто бегущую вниз, вдоль опоры моста. На калитке висел замок, но перемахнуть через нее ничего не стоило.

Сам не знаю, почему, но мне так вдруг захотелось под мост, что я и секунды не размышлял. Прыжок — и вот уже под моими ногами гудят тяжелые, чугунные ступени. Привычный, шумный город, только что мельтешивший перед глазами, вдруг и сразу исчез, будто провалился. Хотя вернее будет сказать: провалился я сам, а город остался там, наверху.

Надо мной нависли гигантские металлические фермы моста. Было в них что-то нереальное, словно из фантастического фильма. И невская вода под мостом тоже казалась не живой, а какой-то черной, искусственной массой.

Но вот лестница кончилась, и я вдруг увидел лодку. Самую обыкновенную деревянную лодку с потертыми боками, выкрашенную зеленой, местами облупившейся краской. Как она сюда попала, зачем, было совершенно непонятно. Если б я тут летающую тарелку увидел, я б и то меньше удивился.

Лодка, привязанная обыкновенной веревкой, как ей и полагалось, тихо покачивалась на волнах. Я присел на корточки и принялся распутывать узел. И тут же услышал за своей спиной голос:

— Это что такое! А ну-ка быстро марш отсюда!

Я вздрогнул и обернулся. Передо мной стоял худенький, наверное, с меня ростом милиционер. Казалось, форма велика ему, а фуражка надета с чужой, взрослой головы.

Милиционер взял меня за плечо и подтолкнул к лестнице:

— Живо, живо, поднимайся. Не хватало еще тут мне, понимаете ли, диверсантов.

Когда мы уже стояли на мосту, милиционер, изо всех сил стараясь сделать сердитым свое румяное, девчоночье лицо, спросил:

— Ты зачем туда залез? А?

— Да просто так, посмотреть,— сказал я.

— Просто так... Просто так и ворона не каркает. Артист. В прошлом году один такой артист тоже вот спустился — да и бултых в воду. Еле вытащили. Его потом спрашивают: чего ж ты с перил не прыгал? А он говорит: высоко, страшно... Ты почему не в школе? Прогуливаешь небось.

— Прогуливаю,— вздохнул я.

— Нехорошо. Обманываешь отца с матерью. Они думают, ты за партой сидишь, учишься, а ты тут, понимаешь...— Милиционер вдруг замолчал, посмотрел на меня внимательно и неожиданно добавил: — Ну, ладно. Ничего. Иногда можно. Мы тоже, бывало, с ребятами вместо школы возьмем да и махнем на Ужовку раков ловить. Ужовка — это речка у нас такая в деревне. Маленькая, ручей почти что, но чистая... Ты-то ловил когда-нибудь раков?

— Нет, никогда. Я даже и не видел их ни разу.

— Да ты что?! — Милиционер так искренне удивился и посмотрел на меня с такой жалостью, что мне и самому себя жалко стало.— Ну, брат, если ты раков не ловил, значит, ты еще и не жил по-настоящему. Пойдем-ка ко мне в будочку. Погреемся. Я тебе расскажу, как это делается.

Мы сидели в теплой тесной будке, и милиционер неторопливо рассказывал мне, как ловят раков у них в деревне.

А звали милиционера Ваня.



Рисунки Э. ДЕСЯТНИК.

ЗООБЕСЕДКА

Валентина ЛАНЦЕТТИ

Курносый слоненок

Задирает нос, как чайник!
В зоопарке слон — начальник!
А слоненок не дорос,
Он совсем еще курнос.

Жираф

Хотя в заплатках
Шея и бока,
На нас глядит он
Все же свысока.

Серый еж

Он бы мог зеленым стать,
Но не смог ветвей достать
И собрал под елкой
Старые иголки.

ПРЫГ-СКОК

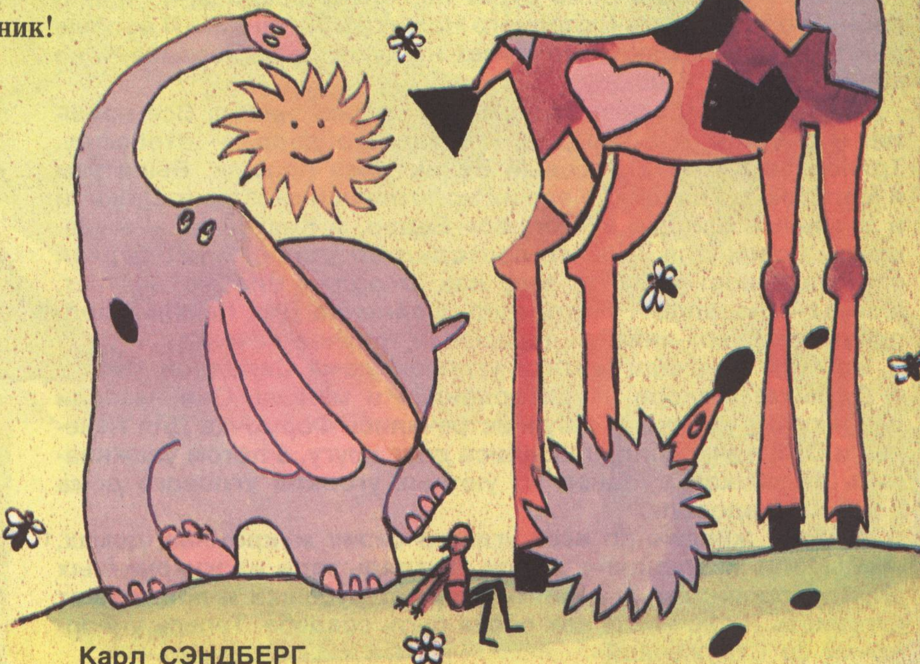
Игорь ШЕВЧУК

Попрыгучая загадка

Ранним утром на полянку
Прыг!
Прыг!
Прыг!
И ногами — наизнанку
Дрыг!
Дрыг!
Дрыг!

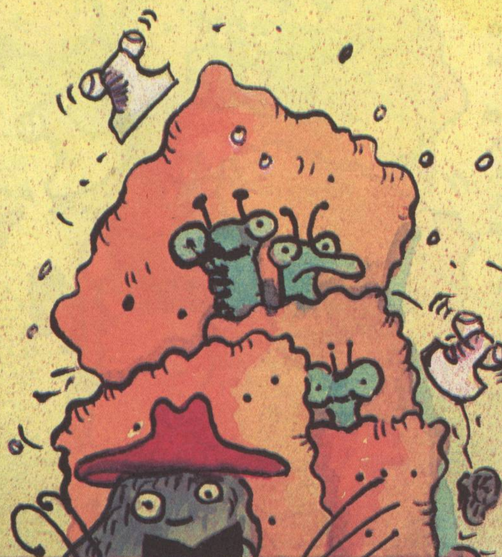
Попрыгучий человечек —
Как зовут тебя?

(Кузнечик)



Карл СЭНДБЕРГ

Много, много свадеб в одном угловом доме



Стоял в одном городе угловой дом, с какой стороны к нему ни подойдешь — одни углы. А во всех углах жили жуки в своих жукромных домах с жуковинными дверями и жукоченными окнами.

Летом, если вечер выдавался прохладный, или зимой, когда к вечеру потеплеет, они устраивали игры: в жучка, в жукарду, в жучейки, в жуки и пауки, в жуки-наездники, в жучишь-не-жучишь, в жмурки, в жучной мяч и в жухматы.

В этом-то самом доме и поселились сразу после свадьбы Тряпочная Кукла и Рисовый Веник. А было это как раз в то время, когда в угловом доме справили новоселье старик Молоток и старушка Гвоздик со всеми своими молоточками и гвоздиками.

Так они и стали жить — молодожены Тряпочная Кукла

и Рисовый Веник и вся большущая семья молотков и гвоздиков. А во всех углах и под карнизами, и на чердаке углового дома по-прежнему жили жуки в жукромных домах с жуковинными дверями и жукоченными окнами, из которых они выглядывали, когда не играли в жмурки, в жукарду, в жучка, в жуки и пауки, в жуки-наездники, в жучной мяч, в жучейки, в жухматы или в жучишь-не-жучишь.

А когда наступало субботнее утро, в угловой дом являлся Формочка Для Печенья с целой горой сладкого печенья, чтобы его хватило всем на воскресенье, понедельник, вторник, среду и остальные дни недели.

Вслед за ним Угольные Щипцы и Угольное Ведро приносили уголь, чтобы топить печку, и Картофельный Мешок ковылял с картошкой. А Совок Для Золы то приходил, то уходил, бормоча себе под нос: «Как я зол, как я зол — зла не хватает, а золы — навалом».

В один прекрасный день жуки открыли жукоченные окна и жуковинные двери своих жукромных домов и закричали: «Эй, смотрите-ка, они там стирают рубашки и пришивают пуговицы. Ну непременно скоро свадьба будет!»

А на следующий день прошел среди жуков слух, что у жильцов углового дома будет не только свадьба, но и свадебный обед в честь Складного Ножика и Лучинки. «И вообще они всех приглашают, кто живет на кухне, и на чердаке, и на заднем дворе, и всюду.»

И вот наступил день свадьбы. Собрался народ. Все пришли: и с кухни, и с чердака, и с заднего двора — отовсюду. Тряпочная Кукла и Рисовый Веник тоже пришли. Были там и Молоток, и Гвоздик, и все их молоточки и гвоздики. Пришли и Угольные Щипцы, и Угольное Ведро, и Картофельный Мешок, а Совок Для Золы то приходил, то уходил и все бурчал себе под нос: «Как я зол, как я зол — зла не хватает, а золы — навалом». И, конечно, Формочка Для Печенья подпрыгивал вверх-вниз, подбрасывая горячее печенье.

Вот так и начали жить в угловом доме Складной Ножик и Лучинка, а скоро у них появился и малыш. Они назвали девочку Стружечка. И когда встречались Формочка Для Печенья и Стружечка, они улыбались друг другу, а потом усаживались рядышком в одном из уютных уголков углового дома и тихо беседовали.

А жуки, жившие во всех углах в своих жукромных домах, открывали жуковинные двери, выглядывали из жукоченных окон и говорили: «Эге, опять стирают рубашки и пришивают пуговицы. Ну не иначе как снова быть свадьбе. Теперь у Формочки со Стружечкой».

А теперь у них, у Формочки и Стружечки, уже много-много детей, которые разбрелись по всему белу свету и знакомы каждому.

— Как вот найдешь щепочку или стружечку на корочке печенья,— говорили жуки в своих жукромных домах ,— так и знай, что это малыш Формочки Для Печенья и Стружечки, дочери Складного Ножика и Лучинки, той самой Стружечки, которая, когда выросла, вышла замуж за Формочку Для Печенья.

И всякий раз, когда какой-нибудь маленький жучок задавал взрослым жукам чудной, странный, нескладный вопрос, на который не придумаешь ответа, большой жук открывал жуковинную дверь, выглядывал из жукоченного окна и говорил маленькому жучку: «Если взрослым не веришь, тогда ступай и спроси у Молотка и Гвоздика, или у любого самого маленького молоточка или гвоздика. А потом пойди и послушай, как Совок Для Золы ходит туда-сюда и бурчит себе под нос: «Как я зол, как я зол — зла не хватает, а золы — навалом».

Пересказал с английского Григорий БАРДИН.



Петляет по городу речка Ульба́.
Нелегкая речке досталась судьба.
Пробилась сквозь горы, спеша к Иртышу.
(Я, может быть, сказку о том напишу.)
Скажите мне, люди, и чья в том вина?
Не видно в реке из-за мусора дна,
Вонючая пена на берег ползет.
Погибшую рыбу теченье несет.
От едкого дыма болит голова.
Детишки болеют, родившись едва.
Все овощи, фрукты отравлены ядом.
Найдите виновных! — Они с вами рядом.
Найдите скорей! Призовите к ответу!
Для ваших детей сохраните планету!
Пусть будут здоровы и счастливы дети.
Иначе зачем вы живете на свете?

Саша БОРОВИКОВА, 11 лет,
г. Усть-Каменогорск.

3—4. «Пионер» № 8.

СОВЕТЫ ЗЕЛЕНОЙ ПРА

«О, летний лес!.. Я все равно пришел лечиться к тебе...»

Как хорошо в лесу! Много ягод, грибов и разных трав. Никто не возвращается домой с пустыми руками. А в давние времена туда ходили не только за едой. Это была единственная аптека, куда человек обращался за лекарствами.

Есть целая теория о том, что человеку без лесных лекарств не обойтись. Даже и теперь, когда в аптеках полным-полно химических и микробиологических препаратов. Ведь несколько тысяч лет назад растения были нашей основной пищей. Да, да, человек был травоядным. Когда же блюда из растений заменились мясными, появились разные физиологические расстройства. А где еще, как не в лесу или на лугу, мог найти древний человек средства для облегчения своих телесных мук?

Может быть, предки руководствовались лишь инстинктом, как это и сейчас делают больные животные, употребляя в еду растения, которые они обычно не едят. А может, больной обращался за советом и помощью к тому, кто уже переболел этой или похожей болезнью,— никто толком не знает. Может быть, древний человек просто замечал, что некоторые растения вызывают рвоту или расстройство желудка. А некоторые наоборот: помогают выздороветь.

Во многом нашим предкам помогали наблюдения за больными и ранеными животными. В сказаниях народов Южной Америки говорится, что целебные свойства хинного дерева открыли пумы. Его корой животные лечились от лихорадки. По арабским преданиям, бодрящее действие кофе обнаружили козы: один пастух заметил, что животные, поевшие днем ягоды кофейного куста, очень возбуждались и долго не могли уснуть. И таких примеров тысячи.

Уже в средние века человек знал, как хранить и когда собирать разные травы, чтобы они не потеряли своих свойств и были целебны многие годы. Считалось, что солнце убивает целебные свойства растений, поэтому их высушивали в тени, а некоторые, например белену и дурман, даже собирали ночью.

Сохранилось немало рецептов и руководств по применению разных снадобий из растений. Ведь, умело используя одну и ту же траву, можно отравить врага или придать лицу свежесть и красоту. Для таких очень разных целей собирали белладонну, или попросту красавку. У нас в стране она растет в широколиственных лесах Крыма и Кавказа. Выращивается по всей Украине, Прибалтике до Ленинграда.

В давние времена модницы закапывали сок красавки в глаза и натирали им щеки — зрачки расширялись и глаза начинали блестеть, а на бледных щеках появлялся румянец. Отсюда и произошло название «белладонна» — красивая женщина.

Совсем иначе использовали ягоды мужчины. По преданию, сок красавки помог шотландцам уничтожить ворвавшихся в их страну датчан. Не сумев одолеть многочисленного врага в бою, хозяева пошли на хитрость. Отступая, они оставили завоевателям в качестве трофея бочки с пивом, отравленным соком красавки. Ничего не подозревавшие датчане тотчас же решили отпраздновать победу. И что же? От напитка впали в оцепенение, без труда были перебиты.

И по сей день известно немало случаев отравления белладонной. **Так что, придя в лес, не спешите рвать сомнительные ягоды, даже очень соблазнительные на вид, если не уверены, что такое лакомство не повредит.**

Какими же лекарственными растениями богат августовский лес?

Многие растения уже занесены в Красную книгу, так что собирать



их не стоит. **А вот малина, брусника, смородина, черемуха, зверобой и валериана зимой могут пригодиться.**

Сухие ягоды малины — лучшее лекарство для детей от простуды. Причем лесная ягода целебнее садовой — она не такая водянистая и намного душистее. Сушеную малину заваривают, как чай, и пьют несколько раз в день. Если высушить ягоду не удастся, то можно просто заморозить в холодильнике. От этого лечебные свойства нисколько не пострадают. Перед тем как есть, мороженые ягоды на две минуты опускают в теплую воду.

Малина полезна при нарушении обмена веществ и авитаминозе. Ее едят для улучшения аппетита, при заболеваниях желудка и кишечника. Сухие листья — хорошее средство при болезнях дыхательных путей, а настоем из листьев надо полоскать больное горло.

Варенье или протертая с сахаром черная смородина помогает вылечить горло, хрипоту и сухой кашель. Настой из листьев (собранных с середины ветки) лечит диабет.

Перечислять можно еще очень долго. Но, пожалуй, пора остановиться. Ведь в нашей стране около 170 видов лекарственных растений, которые используются в медицине. Есть целые поля, где растут зверобой, тысячелистник, ромашка, календула и многие другие травы.

Если хотите, то и вы можете на своем дачном участке вырастить нужные лекарства. Осенью хорошенько перекопайте и разрыхлите грядку. Если почва истощена — подкормите ее навозом, компостом или золой. Как это сделать правильно, вам подскажут родители. Потом можно высевать семена, причем совсем не обязательно дожидаться весны. Растения прекрасно перезимуют и дадут сильные всходы. Ухаживать за ними тоже нетрудно — всего-то рыхлить почву и пропалывать сорняки, особенно у ромашки и зверобоя. Небольшая аптека на огороде очень удобна — избавляет от долгих и часто безрезультатных поисков лечебных растений в лесу или в поле и всегда под рукой.

Ваша Прапрапрабабушка.

Рисунки М. КАЗАКА.

СЕМЕЙНЫЙ КЛУБ «СВЕРЧОК»

Собирают сырье

Ребята из Мишенской средней школы, что в Смоленской области, собирают лекарственные травы. Причем почти что круглый год.

В прошлом году они сдали заготовительной конторе: 12 килограммов мать-и-мачехи, 6 килограммов зверобоя, 6 килограммов подорожника, конечно же, в сухом виде. Осенью — 1,5 тонны рябины. Зимой, в феврале—марте,— 20 килограммов березовых почек, 30 килограммов сосновых почек, 100 килограммов ольховых шишек.

А ВЫ?

Хотите помогать людям, как смоленские ребята?

Тогда прочитайте информацию ниже.

А. СТЕПАНОВ,
Смоленская область.

Здравствуй, «Фармацея»!

Как сдавать собранные высушенные лекарственные травы в аптеку?

На этот вопрос нам отвечает зам. начальника «Росхимфармторга» Марина Алексеевна ВОРОНЦОВА:

— Каждую траву заготавливают по-разному, в разные сроки. В различных регионах страны собирают разные сорта трав. Около городов, заводов, в промышленной зоне лекарственную траву собирать нельзя. В местных органах Советской власти есть списки, в которых указаны названия тех трав, которые вообще воспрещается собирать в той или иной местности. В каждом городе существует производственное объединение «Фармацея». Если ребята обратятся к сотрудникам этого объединения, занимающимся лекарственными травами, то получат нужную информацию. А именно:

1. Какую траву собирают в данном регионе и в какое время года.
2. Где растет та или иная лекарственная трава.
3. В каких травах нуждается город.

Далее сотрудник расскажет ребятам, как следует подготовить травы к сдаче в аптеку, в каких аптеках примут травы от ребят.

Активистов-сборщиков материально поощряем. Даже если школьнику нет 14 лет, направляем приказ о награждении в школу, где он учится.

Ответ на важный вопрос
записал Андрей МУХАНОВ,
г. Москва.

Друзья! «Зеленая карета» не опубликовала ответы на три викторины: «Три инкогнито», «Змеи» и «Загадки на монетах». Но итоги давным-давно подведены и просто ждут своей очереди выйти на страницы журнала.

«ЗЕЛЕНАЯ КАРЕТА»

ОБЪЯВЛЯЕТ САМОЕ ТРУДНОЕ,

ПОСЛЕДНЕЕ В ЭТОМ ГОДУ ЗАДАНИЕ

Отгадайте народные загадки!

1. Красна, да не девица,
С хвостом, да не мышь.
2. Что без доли и печали приводит в слезы?
3. Посмотрю я в окошко: идет длинный Антошка. Кто он?
4. Вечером — водой, нòчью — водой, а днем в небеса.
5. Шило впереди, клубок спереди, ножницы сзади.
6. Голову едят, кожу носят, а мясо и собаки не едят.
7. Белый, как снег, надутый, как мех,
Лопатами ходит, а рогами ест.
8. Выпуча глаза сидит, по-французски говорит,
По-блошьи прыгает, по-человечьи плавает.
9. Вырос лес, белый весь, пешком в него не войти, на коне не въехать.
10. Возле леса идет, хохочет, а в лес идти не хочет.

Ответы присылать до 1 октября. **На конверте написать: «Самое трудное задание».**

ПОЗНАЙ, ГДЕ СВЕТ,— ПОЙМЕШЬ, ГДЕ ТЬМА



Все же верно Сальери говаривал: «Нет правды на земле. Но правды нет — и выше». Умный был человек. Знал, что избран для восстановления этой самой правды, в смысле справедливости. И не только знал, но и восстановил.

Моцарта отравил.

...Не надо называть Сальери завистником. Нет, он боролся за высшую справедливость. Если разобраться, он требовал равной оплаты за равный труд. А то шалому Моцарту — слава, а труженику Сальери — равнодушие. Некоторые так называемые ученые в последнее время, стремясь очернить славное имя Сальери, пытаются пересмотреть историю и доказать, что никто Моцарта не травил, что он сам, мол, помер от неправильного образа жизни. Более того, отдельные музыканты, несмотря на вековые заповеди, начинают играть музыку великого Сальери, тем самым низводя его до уровня обычного композитора. Но сторонники правды и справедливости не дадут в обиду славное имя Сальери, делами докажут верность его идеи, вырастят новое поколение продолжателей его дела.

Юное поколение! Равняйся на борца за справедливость всех времен и народов Сальери! А тот, кто яда не достал (или Моцарта рядом нет), пусть попытается доказать, что справедливость можно понимать и иначе...

Не знаю, как вы, дамы и господа, а я предпочту второй путь.

Кто такие Антонио Сальери с Вольфгангом Амадеем Моцартом, вы и сами знаете; а заголовки — из Александра Блока.

Ты перед ним — что стебель гибкий, Он пред тобой — что лютый зверь

При ближайшем рассмотрении оказывается: справедливо то, что правильно, нормально, верно. Например, то, что «дважды два — четыре», справедливо, а заявление о том, что «дважды два — пять», можно смело называть несправедливым. Справедливо и то, что порезанный палец нужно залить йодом, а не медом; к подбитому глазу — приложить холодный пятак, а не горячий утюг. Но, кажется, это не та справедливость, которая нужна нам.

Есть и другая справедливость. Справедливость как точное следование правилам и законам государства или общества. Я поступаю справедливо, когда в соответствии с правилами дорожного движения перехожу улицу только на зеленый свет. Это сохраняет мне жизнь. Я поступаю справедливо, когда в соответствии с установленными в государстве законами преследую, унижаю и уничтожаю людей иной нации, расы, веры или просто иных взглядов. Таков закон, я подчиняюсь этому закону и, значит, поступаю справедливо. Это, кстати, тоже сохраняет мне жизнь. Но такая справедливость в высшей степени несправедлива. Нельзя следовать бесчеловечным законам, если хочешь остаться человеком.

Нет, и это не та справедливость, которая нужна нам.

Мы ищем справедливость внутреннюю, личную, так же, как искали личную честь и свободу.

Но «нельзя понять, что такое справедливость, не узнав несправедливости». (Оля М., Владивосток.) А несправедливости-то как раз в жизни предостаточно. Особенно в жизни людей «до шестнадцати».

И первая, просто-таки смертельная несправедливость — несправедливость учителей, а точнее, несправедливость их отметок.

«Раньше я училась в одной школе, там учительница математики всегда, на мой взгляд, занижала мне оценки (я не знаю, почему, вроде бы я ей ничего плохого не делала), а сейчас я перешла в другую школу. Теперь, наоборот, учительница математики ставит мне оценки выше, чем я заслуживаю (опять-таки не знаю, чем понравилась). Так где же все-таки эта справедливость?» (Дина А., 12 лет, Комсомольск-на-Амуре.)

«Учительница вызовет к доске троечника, он ответит на «пять», а она поставит «четыре». И скажет: «Молодец!» А если спросишь: «За что «четыре»?» Она скажет: «А тебе «пять» надо?» Мне, конечно, «пять» не надо, я за пятерками не гонюсь, но почему же такая несправедливость?» (Брянск.)

«Когда я пришла в эту школу, мне вроде бы понравилась наша классная руководительница. Но она оказалась из тех, кто привык определять человека с первого взгляда. Она, знакомясь, мысленно ставит перед фамилией человека плюс или минус. Получил плюс — она выявит все твои достоинства и всем окружающим покажет, что ты человек хороший. Получил минус, кроме недостатков, в тебе ничего больше не найдут ни она, ни другие учителя. Сиди в отстающих. И привет!» (Ирина Левинская, 15 лет. Москва.)

«Отметочная» несправедливость процветает и вне классных и домашних заданий.

«В нашем классе учится мальчик Слава, у которого мама — кандидат каких-то наук, а папа — большой начальник. Славка — мой сосед по парте. Ко

мне и к нему учителя относятся по-разному. Например, кто-то из нас забыл тетрадку (или учебник). Славке говорят: «Славик, что же это ты так? В следующий раз будь внимательнее». А мне: «Беглов, давай дневник!» И выводят огромную «двойку». Или вот. Кто-то из нас разговаривает. Славке: «Святослав, не разговаривай!» Мне: «По-моему, Беглов, тебе не мешало бы проветриться. Выйди из класса!» А однажды мы с ним подрались. И вот из-за чего. Он мне говорит: «Донеси мой дипломат до химии» (кабинета). А я ему: «Да я что, обязан, что ли, его таскать?» — «Да, обязан». И он ударил меня. А потом я его. Ну, в общем, мы подрались. Итог: у него разбит нос и под правым глазом «фонарь», а у меня вывих правого локтевого сустава. Но самое главное то, как отреагировали на это учителя. Славке сказали: «Слава, ты как себя чувствуешь? Может быть, пойдешь домой?» А мне: «Беглов, немедленно к директору!» Ну а что было у директора, даже вспоминать не хочется. Вот и объясните, есть ли тут справедливость или нет ее?» (Александр Беглов, 14 лет, Москва.)

Получается: наши отметки в школе (хоть по математике, хоть по поведению) чаще всего зависят вовсе не от того, в какой степени наша работа (или наше поведение) приближается к «правильно, верно, истинно». Наши отметки зависят от нашей репутации у учителей. Стоит только (случайно) пару раз получить «тройку» или (случайно) подраться на перемене, как готово — тебя записывают в троечники или хулиганы, репутация создана, а дальше ты движешься на автопилоте: сколько ни старайся, с пути троечника (или хулигана) не собьешься. Точнее, взрослые тебе не позволят сбиться.

«Взрослые часто бывают несправедливы. Гуляет поздно — хулиган, проехал без билета — хотел «зайцем» проскочить, разговаривает на уроке — плохое поведение. А до причин никто не доискивается. А бывает, и искать-то не надо. Надо понять человека. Поздно «гуляет» — мамы дома с работы нет, встречает. Билет забыл — очень торопился, но его тут все знают, подтвердить могут, что покупал. Разговаривает на уроке — объясняет другу, почему не получился пример. Да мало ли что! И эта несправедливо поставленная «двойка» огорчает так, что уже не рад ни «пятерке», ни чему другому. А как надолго бывает испорчен вечер из-за пустого доказывания, что билет он брал». (Таня П., Челябинск.)

Да, а что такое репутация? Как объясняют словари — это создавшееся мнение о достоинствах или недостатках кого-либо, чего-либо, общественная оценка. Оценка! Вот то слово, которое все объясняет. Отметка — дело условное. У нас высший балл — «пятерка». Где-то — десятка, где-то — сотня. А кто-то ставит просто плюсы и минусы. (Говорят, есть школы, в которых вообще без отметок обходятся. Счастливы те, кто учится в таких школах.) Итак, отметка — дело условное. А оценка, стоящая за этой отметкой, зависит от множества мелочей. (Ну не нравится мне форма носа у этого гражданина, я вообще носы такой формы не терплю. Значит, этот гражданин вообще плохой.)

Мы всегда точно знаем: справедливы или несправедливы к нам. И несправедливость оскорбляет и унижает нас. Невинной жертвой чувствовать себя даже приятно — сидишь себе в уголке, обливаешься слезами, мечтаешь: «Вот умру, будете каяться, но поздно». Ох, какое наслаждение...



А чувствуем ли мы свою собственную несправедливость к другу, маме, учителю, просто прохожему на улице? Мы-то сами тоже умеем и обидеть несправедливо, и репутацию создать, да такую, что человеку хоть в омут кидайся.

И еще. Всегда ли мы справедливы к самим себе? Насколько точно ценим себя? Бывает ведь, что человек такого высокого о себе мнения, что едва-едва не летает от гордости. А бывает, что со злорадным удовольствием следует созданной ему репутации.

Ну, так как, всегда ли мы справедливы к окружающим и к самим себе?

Вижу смертную борьбу

...Ну наконец-то вернулись на магистральный путь, о справедливости вспомнили. А то зашли в какой-то отметочно-оценочный тупик, да чуть было там и не застряли. Впрочем, может и так случиться, что нам эти отметки-оценки припомнятся. Кто знает? Пока, во всяком случае, мы вернулись к той же самой печке. От нее и придется плясать. Глядишь — и допляшемся до полной и всеобщей справедливости.

«Я считаю, что справедливости у нас вообще нет. Разве это справедливо, когда продавец в магазине может обмануть старушку или старика, ребенка? А справедливо, если большой и сильный обидел маленького, слабого, да еще свалил все на другого (который хотел заступиться за обиженного)? И еще справедливо, если кто-то назвал в школе мальчика или девочку по имени, то на них сразу кричат: «Ой, смотрите, жених с невестой!»? Все три примера, по-моему, несправедливы». (Лена Широкова, Орел, 12 лет.)

«Справедливость, несправедливость. Предпочтение на стороне последнего. Что это — можно сказать только общими фразами, а конкретный пример ничего не даст: то, что справедливо кажется одному, несправедливо другому. А эталона справедливости не существует, потому и определяют ее кто как: кто дюймами, кто саженями, кто локтями». (Катя Соболева, 16 лет, Херсон.)

Печальная у нас картина получается. Неужто и вправду не существует эталона справедливости?

Но может быть, эталон справедливости — сила? На чьей стороне сила, на той стороне и справедливость?

«В нашем классе все издеваются друг над другом, а особенно над одним пацаном. Его заставляют носить портфели каждую перемену из класса в класс. Я не думала, что даже учителя бывают такими подлыми. Все о том же пацане. Ведь знают же учителя, что он никогда ни в чем не виновен, только лишь в своей беззащитности. Зачем ругать его, поверив низким ученикам? Просто не хотят скандала, зная, что если на них повысить голос, то базар будет на весь урок. И знают же эти учителя, что эти «невинные овечки» свалили все на «виноватого волка». Так унизительно смотреть на сцены в классе, где «сильный» издевается над «слабым». И только попробуй что-нибудь сказать против, сразу ответ: «Еще будешь гавкать, так же будет». (Марина, 14 лет, Буденновск Ставропольского края.)

«В нашем классе есть ребята, которые издеваются над слабыми. Мир жесток. И если не ты, то тебя. Не думайте, что я издеваюсь над слабыми. Наоборот. А те ребята, они хорошие пацаны. Но если бы я их спросила: «У вас совесть есть?» — они бы только удивились, что этот вопрос задаю им я. И ответили бы: «Не-а». И тем не менее мы дружим. В них есть и совесть, и достоинство, и честь, и застенчивость, и они свободны, несмотря ни на что. И их не мучит совесть, потому что они думают, что всегда правы *. В каждом человеке есть гордость. Может, и не в каждом. Но если в компании хоть двое гордых, то будут ссоры: кто окажется сильнее, будет лидером. Слабый же в зависимости. А зависимым быть не хочет никто. Поэтому будут ссоры, наглость и грубость. Мир жесток, и если не ты, то тебя». (Марина М., Москва.)

Не случалось ли вам наблюдать, как в «вашем классе» появлялся новенький, который выходил победителем в схватке с сильнейшим, захватывал лидерство и устанавливал свои собственные законы справедливости? Приходилось? И вы сделали вывод: кто сильнее, тот и справедливее? А почему бы до другого не попытаться додуматься: на каждого сильного есть еще более сильный (мы об этом уже говорили, но кое-что стоит повторять).

Ну, конечно, когда появляется новый лидер, прежний может и не сдаться «без боя». Начнет, например, самбо заниматься. И вновь лидером в классе станет. Но тут побежденный запишется в секцию бокса. И снова победит в схватке. Но побежденный изучит каратэ. И победит опять... Как говорят военные: эскалация силы до полного взаимного уничтожения.

Если кто-то считает это справедливым — мир ему...

Сердце к правде порывалось

Впрочем, некоторые предпочитают другой вид справедливости — справедливость равенства (или, скорее, справедливость уравнительную). Поборники такой справедливости рассуждают так: «Если я не имею джинсов, то и другие не должны иметь; если у меня нет видео, то наличие видео у Лешки — несправедливость; если я учусь ни шатко ни валко, то любой отличник — подлиза и будущий бюрократ». Хочешь не хочешь, а вспомнишь историю о том, как однажды Бог сказал человеку: «Проси у меня, что хочешь, но знай — твой сосед получит того же вдвое больше». «Господи,— ответил избранник Бога,— выколи мне один глаз».

Да, между прочим, зачастую уравнительной справедливости добиваются с помощью силы: снимут, например, модные штаны с нарушителя закона справедливости — и вся недолга...

Не буду ручаться за остальных, но мне самой оба эти варианта справедливости — и силовой, и уравнительный — не нравятся. Но не может же быть, чтобы только такие эталоны справедливости и существовали. Неужто иного выбора нет? Или и в самом деле «справедливость вроде запаха — мы ее чувствуем, но не можем дать твердого определения». (Галя Андреева, Омск.) А может, попробуем поискать такое определение? Вдруг да отыщется ответ?

«Справедливость — это когда человек умеет правильно и честно оценивать качества и знания других людей. Этот человек не лицемерен, находит в себе недостатки, у него чистая совесть, он не вор. Если это учитель, то, вызвав ученика, он не поставит ему отметку выше, чем тот заслуживает. Там, где справедливость — там и честность». (Мария Сычева, Киев.)

«Думаю, что человек справедлив тогда, когда совершает поступки по зову своего сердца, звуку своего внутреннего голоса. Мне кажется, сердце у любого человека не способно внушить ему зло. Злых сердец не бывает». (А., 14 лет, Сольвычегодск Архангельской области.)

«Справедливость — это одинаковое отношение к людям, независимо от занимаемого положения в обществе». (Александр Беглов, 14 лет, Москва.)

«Мне кажется, справедлив человек тогда, когда, обдуманно и все рассчитав, совершает какие-нибудь поступки. Даже не честный и не свободный человек

* О людях, которых не мучает совесть, стоит поговорить отдельно. Мне-то кажется, что эти «хорошие пацаны» и не знают, что такое «совесть». А от этого незнания так и уверены во всегдашней своей правоте. Но думать, что ты прав, и быть правым — вещи разные.



может иногда быть справедливым. Но он уже не сможет быть всегда справедливым в своих поступках или постоянно выбирать правильные решения. Например, этот человек не сможет правильно рассудить других, если сам поступает нечестно, несправедливыми будут и его рассуждения. Значит, по-моему, справедливость прежде всего — это часть совести, доброты, уважения к другим. Так что если ты справедлив, то должен быть добрым, правильно понимать других и уважать людей, как людей, потому что ты сам человек и можешь оказаться на их месте». (Марина С., Челябинск.)

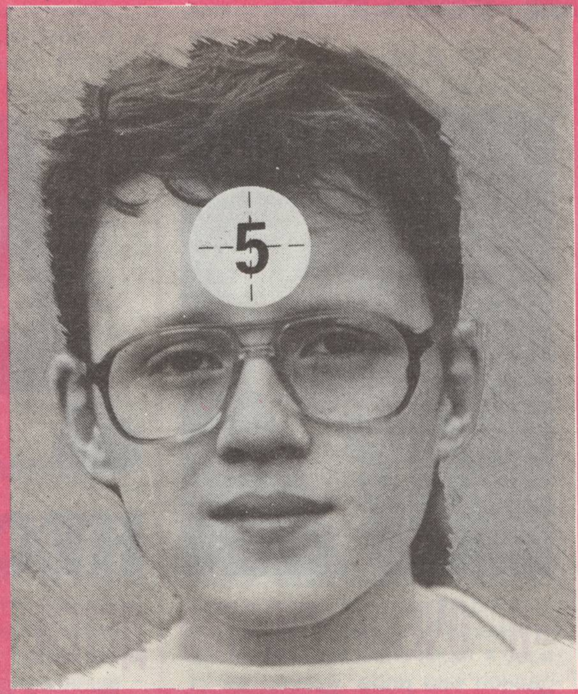
Вот мы и вернулись к нашим отметкам-оценкам. Справедливо оценить человека — значит оценить его не выше и не ниже того, что он заслуживает. Но любой человек хочет, чтобы прежде всего ценили его достоинство и честь. Достоинство же (надеюсь, мы это еще не забыли) определяется не силой мускулов, не супермодным прикидом, не успехами. Достоинство определяется единственностью и неповторимостью каждого человека. Мы по своему рождению люди (где бы и когда бы ни родились). Каждый из нас единствен и неповторим. В этом мы все равны.

Это равенство и есть эталон справедливости.

Как там звучит наше золотое правило нравственности? «Поступай по отношению к другим так, как ты хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе». Разве это не справедливо?

Взрослые люди не могут обходиться без цитат и ссылок на авторитеты. Вот и мне не хочется упустить момент и кое на кого сослаться. Жил в России, в конце XIX века, замечательный философ — Владимир Соловьев. Он прожил не очень долгую и внешне не очень счастливую жизнь: не имел собственного дома, скитался по чужим, хоть и дружеским, углам, если влюблялся, то безответно. Но каждый делает свой выбор. Владимир Соловьев выбрал путь мысли. И более всего он размышлял о добре и зле. Может быть, когда-нибудь и вы прочтете его книгу «Оправдание добра». Есть в этой книге кое-что и о справедливости.





«...Если я желаю, чтобы другие помогали мне в нужде, то справедливо, чтобы и я им помогал. С другой стороны, если я не хочу никого обижать, то ведь это потому, что я в других признаю такие же живущие и страдающие существа, как я сам; но в таком случае я, конечно, буду стараться по возможности избавлять эти существа от страдания: я их не обижаю, потому что их жалею, но если я их жалею, то я буду и помогать им. Милосердие предполагает справедливость, а справедливость требует милосердия, это только различные стороны, различные способы проявления одного и того же».

Ну вот, снова у меня получается нравоучение: детки, вы справедливы только тогда, когда милосердны, когда добры. Нет, понятно, что такие лозунги и призывы возмущают.

Но в конце концов те, кому не очень нравятся слова «добро», «милосердие» и тому подобное, могут попробовать «перевернуть» формулу Владимира Соловьева. Например, так: «Если я желаю, чтобы другие не помогали мне в нужде, то справедливо, чтобы и я им не помогал. С другой стороны, если я хочу обижать всех, то ведь это потому, что я в других признаю такие гадкие существа, как я сам; но в таком случае я, конечно, буду стараться по возможности приносить этим существам страдания: я их обижаю, потому что я их не жалею, но если я их не жалею, то я и не буду им помогать». Такая формула — тоже формула справедливости. Во всяком случае, если ты делаешь окружающим плохо, то справедливо, чтобы так же плохо делали и тебе. Ударившему нечего рассчитывать на ответный поцелуй. Если, конечно, тот, кого ударили, человек, а не холуй...

«Справедливый человек — он прежде всего честный, достойный. И тем больнее ему несправедливость в его адрес. Но справедливость — понятие очень обширное. Может быть, кто-то думает так, кто-то иначе. Но это не главное. Главное, чтобы каждый задумался: «А справедлив ли я?» (Таня П., Челябинск.)

Елена СЕЛЕЗНЕВА



Азиз Несин: «Я очень люблю детей и жизнь...»

В Турции Азиза Несина называют Ходжой Насреддином XX века. А еще — «нищим миллионером». Почему? Да потому, что все свои деньги всемирно известный писатель-сатирик вкладывает в Детский фонд, который был основан им для турецких детей в 1974 году.

Недавно Азизу Несину — одному из первых — вручена Международная почетная золотая медаль имени Льва Толстого за выдающиеся заслуги в деле защиты детства. Медаль, учрежденная Советским детским фондом имени В. И. Ленина.

Я встретился с Азизом Несином, когда он был в Москве. Награда Детского фонда обрадовала его не меньше, чем самые солидные литературные премии, которых у него за полвека было немало.

— Я очень люблю детей,— говорил он,— и считаю, что за ребятами, лет до шести-семи, надо обязательно во всем мире признать право на шалости. Малыши не могут не баловаться. Они не могут обойтись без игр и проказ, как не смогут прожить без хлеба.

И пусть они в свою детскую пору вдоволь поозорничают. Конечно, в пределах разумного. Тогда, по-моему, ребята вырастут миролюбивыми и уравновешенными. Настоящие люди — те, у кого было нормальное детство. Лично я стараюсь воспитывать детей так, чтобы они критически, разумно, вдумчиво относились к окружающему их миру: к событиям, людям, к тому, что говорят им учителя. Не следует все принимать на веру. Дети должны учиться мыслить самостоятельно...

Детство самого Азиза Несина было нелегким. Он рано лишился матери, воспитывался в стамбульском интернате для сирот.

— О создании Дома для обездоленных я мечтал всю жизнь,— продолжал Азиз Несин.— Ведь я сам получил образование с большим трудом. И вот, когда появились деньги, я решил отдать их нуждающимся ребятам. Вот так однажды и родилась идея Детского фонда. Мне просто захотелось вернуть девочкам и мальчикам свой долг. Я не забыл, что и я пил, ел, учился, рос, по существу, на деньги простого народа, за счет налогов, которые платили государству рядовые граждане. Своим фондом я оплачиваю долг всем моим учителям, которые помогали мне. Моей маме, рано ушедшей из жизни, маме, которой я бесконечно благодарен за все.

Наш дружный Дом находится в пригороде Стамбула. Сейчас в нем двадцать три мальчика и девочки, а в дальнейшем будет восемьдесят. Фонд берет ребят на полное обеспечение с малых лет и воспитывает, по их желанию, вплоть до получения высшего образования...

Азиз Несин выпустил около сотни книг. Среди множества написанных им страниц есть несколько, в которых писатель рассказывает о себе. С ними я и хочу познакомить читателей «Пионера».

Алексей ЕРОВЧЕНКОВ

Я родился на Принцевых островах

Мое появление на свет произошло в очень неподходящее время — в 1915 году. Это были самые кровавые дни первой мировой войны. Не только время, но и место рождения было неподходящим — Хейбелиада, один из Принцевых островов, райский уголок, где не положено жить такому, как я. Эта летняя резиденция самых влиятельных турецких толстосумов стала моей родиной. Сильные мира сего не могут обойтись без бедняков, они очень нуждаются в их жилистых руках. Вот поэтому-то мы и жили на Хейбелиаде.

Я считаю самой большой своей удачей, что не происхожу из богатой, родовитой или знаменитой семьи.

Мне дали арабское имя Нусрет, что означает «Помощь господняя»,— подходящее для меня... Мне не на кого было рассчитывать, кроме как на Господа Бога. На его помощь уповал и вся наша семья.

Древние спартанцы собственноручно убивали своих слабых и хилых детей, только выносливые и сильные имели право на жизнь. В наши дни сама жизнь и общество отбирают достойных. Если я скажу, что из четверых моих братьев выжил только я один, то вы поймете, какой я выносливый, как упрямо цепляюсь за жизнь...

«Что есть ты?..»

Десятилетним мальчишкой я вбил себе в голову, что непременно стану писателем. Если бы я в детстве мыслил так, как сейчас, то мне уже тогда было бы ясно, что жизнь не раз вывернет меня наизнанку...

Мой отец, как и всякий отец, думающий о будущем своего ребенка, говорил: «Выброси из головы ты это писательство, займись настоящим делом, которое тебя прокормит». Увы, я не внял его совету!

Мне часто не удавалось делать то, что я хотел, и я не хотел делать то, что приходилось делать. Я намеревался стать писателем, но надел военную форму. Вместо пера мне дали в руки оружие. В те време-

на только в военных училищах дети из бедных семей могли учиться бесплатно. Я поступил в училище, и с той поры начались мои неудачи.

В 1934 году вышел закон, по которому каждый турок должен был принять фамилию*. Граждане были свободны в своем выборе, и тут всплыло наружу все скрытое, темное, низменное. Самые большие скряги выбрали себе фамилию «Щедрые», самые большие трусы стали зваться «Отважными», отъявленные лентяи — «Прилежными». Один школьный учитель, который умел лишь подписываться под письмом, написанным другим, избрал фамилию «Ловкий».

Что касается меня, то мне не досталось красивой фамилии, которой я мог бы кичиться, и я взял себе фамилию «Несин» («Что есть ты»). Я надеялся, что, когда люди будут обращаться ко мне по фамилии, я стану задумываться над тем, кто я и что я...

«В Турции стихотворством не проживешь...»

Еще в армии я начал писать рассказы. В те времена на военных, выступающих в печати, смотрели косо. Мне пришлось подписывать свои рассказы именем отца — Азиз. Этот псевдоним покрыл мое настоящее имя. Нусрет Несин забылся, я стал известен, как Азиз Несин.

Подобно многим я начинал со стихов. Как-то Назым Хикмет посоветовал мне не тратить время на это занятие, потому что стихи мои никудышные. «Пиши рассказы и романы»,— сказал он. Я по молодости решил, что Назым Хикмет завидует мне. Теперь я отвечаю тем, кто меня спрашивает, почему я перестал писать стихи: «В Турции стихотворством не проживешь». Но, по правде говоря, поэзией не занимаюсь только потому, что очень уважаю этот вид литературного творчества...

Когда я окончил свой первый рассказ (я полагал, что читатели будут проливать над ним слезы) и принес его в журнал, редактор, человек очень недалекий, вместо того чтобы плакать, залился смехом и проговорил: «Молодец... Прекрасно. Пиши еще такие рассказы и приноси нам...»

Именно с того времени началось мое разочарование, которое не покидает меня всю жизнь. Я ждал, что люди будут плакать, читая мои рассказы, а они смеялись. Даже теперь, когда я стал известен как юморист, я не могу объяснить, что такое юмор. Я научился смешить, создавая грустные рассказы...

Перевод... с китайского

Когда газета «Тан», где мне довелось сотрудничать в 1945 году, по подстрекательству властей была разгромлена толпой реакционеров, я лишился заработка. Я долго не мог найти работы. Рассказы, подписанные именем «Азиз Несин», никто не брал. В те дни я писал для газет и журналов, пользуясь больше чем двумястами псевдонимами. Сочинял передовицы, фельетоны, репортажи, полицейские и любовные романы, рассказы. Брался за какие угодно жанры. Когда же владельцы газет узнавали меня, придумывал себе новое имя.

Из-за этих псевдонимов произошла большая путаница. К примеру, соединив имена дочери и сына «Оя Отеш», я опубликовал книгу детских рассказов. Их декламировали на утренниках почти во всех начальных школах. И никто не знал, что автор книги не женщина Оя, а мужчина по имени Азиз Несин. Один свой рассказ я подписал французским именем, и он был включен в антологию юмористов мира как рассказ французского автора. А другой мой рассказ, под которым стояло китайское имя, был опубликован как перевод с китайского...

Своими рассказами я заработал себе пять с половиной лет тюрьмы. Причем полгода жизни стоил мне король Египта Фарук. Фарук обвинил меня в том, что я оскорбил его особу в одном из своих рассказов, и при содействии своего посла в Анкаре упек под суд...

В 1956 году на Международном конкурсе писателей-юмористов я был удостоен первой премии и медали «Золотая пальмовая ветвь».

Газеты и журналы, не печатавшие ранее моих рассказов, стали наперебой предлагать свои страницы. Но это продолжалось недолго. Пришлось мне вновь победить на новом конкурсе и получить еще одну «Золотую пальмовую ветвь», и тогда мое имя опять замелькало в газетах и журналах. В 1965 году мне присудили первое место на Международном конкурсе писателей-юмористов, и я получил медаль «Золотой еж».

Когда 27 мая 1960 года в Турции произошел политический переворот, я с радостью передал одну «Золотую пальмовую ветвь» в дар государственной казне. Через несколько месяцев после этого меня снова бросили в тюрьму. Вторую «Пальмовую ветвь» и «Золотого ежа» я берегу на случай, если они понадобятся в будущем — в такие же радостные дни.

Если бы я родился еще раз...

Многих удивляет количество написанных мною рассказов — свыше двух тысяч! Но чему здесь удивляться? Если бы семья, которую я содержу, состояла не из десяти, а из двадцати человек, я вынужден был бы написать в два раза больше...

Я не уверен, что повторю вслед за некоторыми: «Если бы я родился еще раз, сделал бы то же самое». Родись я второй раз, я сделал бы гораздо больше, чем сделал сейчас, и гораздо лучше.

Жаль, что в истории человечества не было ни одного ловкача, сумевшего удрать от смерти,— я последовал бы его примеру. Но что делать, такого примера нет, и не моя вина, если я умру, как все...

Я очень люблю детей и жизнь и нередко сержусь на себя за это.

Вот неоконченный рассказ о моей жизни: по опыту я знаю, что читатели не любят длинных историй, они поскорее хотят добраться до конца... Меня и самого очень интересует, каков он будет, этот конец.

Перевод с турецкого Г. П. АЛЕКСАНДРОВА и К. П. ГЛАЗУНОВОЙ.

Заголовки даны редакцией.

Фотография В. ГОРДЕЕВА.

---

* Ранее турки имели лишь имена.

РЕБЯТА!

Мы получили много писем от вас, где вы назвали три своих самых любимых фантастических произведения. Подсчеты показали, что на первом месте — рассказы Кира Булычева, на втором — «Туманность Андромеды» Ивана Ефремова, на третьем — книга Александра Беляева «Голова профессора Доуэля».

Мы обязательно напечатаем фрагменты из ваших любимых книг. Читайте «Пионер» и следите за рубрикой «В треугольнике НЛО»!

Спасибо всем!

Бортпроводники «В треугольнике НЛО».

Виктор ГУБАРЕВ

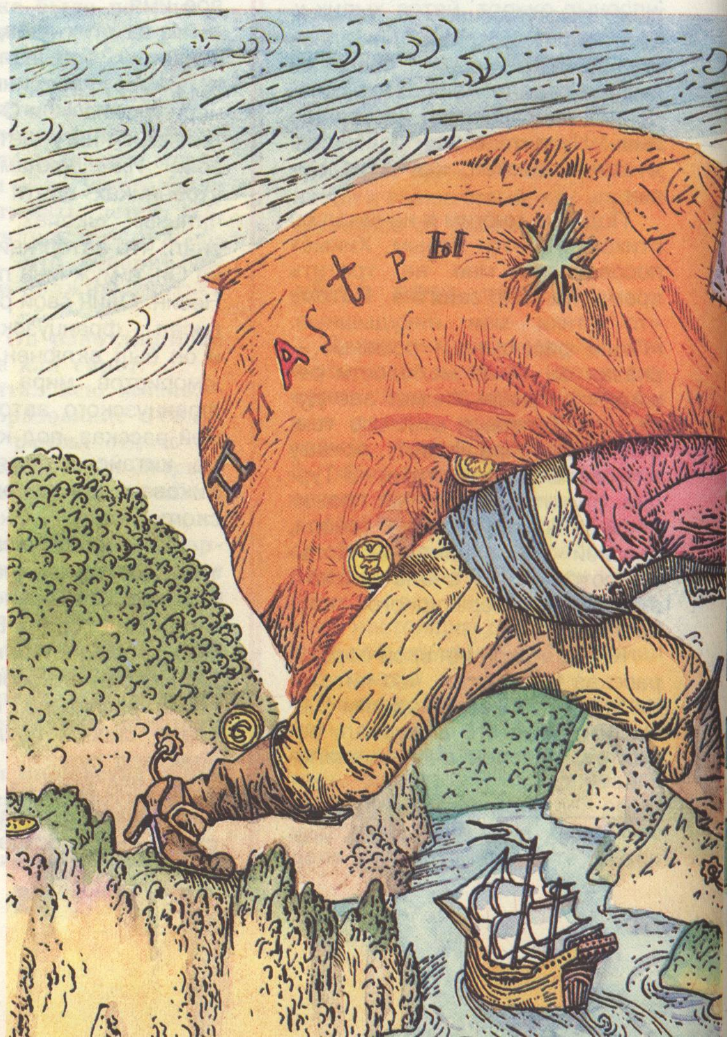
Сокровища Черной Бороды

Среди многочисленных преданий о пиратских сокровищах особый интерес у кладоискателей вызывают те, что связаны с именем Эдварда Тича, более известного под кличкой Черная Борода. И хотя сквайр Трелони, один из героев романа Р. Л. Стивенсона «Остров сокровищ», утверждал, что «Черная Борода перед Флинтом младенец», этот «младенец» в течение 1716—1718 годов сумел ограбить в водах Северной Америки, Бермудских островов и Вест-Индии десятки торговых судов. В конце ноября 1718 года губернатор Виргинии, узнав, что Чернобородый находится на острове Окракок в заливе Памлико, отправил против него карательную экспедицию во главе с лейтенантом Робертом Мэйнардом. Последний взял пиратский корабль на абордаж, вступил в поединок с Тичем, убил его, отрубил ему голову и повесил ее под бушпритом своего шлюпа.

Вскоре разгорелся ажиотаж вокруг сокровищ Черной Бороды. Начало ему положил капитан Чарлз Джонсон. В его книге «Всеобщая история грабежей и смертоубийств, учиненных самыми знаменитыми пиратами» (издана в Лондоне в 1724 году) обращали на себя внимание следующие строчки: «Ночью, перед тем, как его убили, Тич сел и пил до утра с некоторыми из своих людей и хозяином торгового судна... узнав о двух шлюпах, прибывших, чтобы захватить его (Тича), один из его людей спросил: если при столкновении со шлюпами с ним что-нибудь случится, известно ли его жене, где он схоронил свои деньги? Он ответил, что нет, и только сам Сатана знает, где они, а тот, кто проживет дольше Сатаны, заберет все».

Очередная ссылка на предполагаемые сокровища Тича принадлежала английскому путешественнику Клементу Даунингу, познакомившемуся в Индии с португальским моряком Антонию ди Силвестру. Португалец рассказал Даунингу, что был среди пиратов и что находился на одном из шлюпов в Виргинии, когда Черная Борода был захвачен. «Он сообщил мне, что если судьба когда-нибудь забросит меня на реку Йорк в Мэриленде, в район острова Малберри, и если мы выйдем на берег у источника, которым обычно пользуются проходящие мимо морские суда, это и будет то место, где пираты зарыли крупную сумму денег в больших сундуках, окованных железом». Далее Даунинг добавляет: «Если кто-то, кто использует эти заметки, решит потратить время, чтобы немного порыться на холме в конце небольшой песчаной бухты, удобной для высадки на берег, он вскоре обнаружит, достоверна ли информация. Напротив места причаливания находятся пять деревьев, между которыми... и зарыты деньги. Я не могу гарантировать правдивость этого сообщения, но если бы мне удалось попасть туда, я бы так или иначе удовлетворил свое любопытство, ибо это не очень меня затруднило бы. Если кто-то получит выгоду от этого отчета и если, благодаря Богу, они когда-нибудь вернутся в Англию, я надеюсь, что они не забудут об авторе этого рассказа».

Остров Амелия, расположенный у северо-восточного побережья Флориды, также считается одним из «островов сокровищ» Тича. Здесь, по преданиям, Чернобородый зарыл не менее тридцати кладов. Делал он это весьма своеобразно. Прихватив с собой одного из строптивых матросов, он уходил с ним в глубь острова. Сам капитан обычно нес два кожаных мешка с драгоценными камнями, тогда как матрос тащил мешок с золотом и лопату. Выбрав подходящее место, Тич приказывал матросу копать яму и, когда тот заканчивал работу, убивал его выстрелом в затылок. Зако-



пав сокровища и труп убитого, он замечал место клада по особым ориентирам и возвращался на берег. На вопросы компаньонов о том, куда делся его спутник, Чернобородый невозмутимо отвечал, что тот либо увяз в болоте, либо сорвался в море с утесов.

«Пиратским сейфом» долгое время считался и островок Смуттинос, входящий в группу островов Шолс (у побережья Нью-Гэмпшира). Согласно легенде, Тич привез сюда из Англии женщину, похищенную на берегу. Зарыв на острове значительную партию серебра, он поручил женщине охранять этот клад до его возвращения, но, отправившись в очередной набег, больше на остров не вернулся. Хранительница сокровищ прожила на Смуттиносе до глубокой старости, а когда она умерла, ее душа, по словам местных жителей, еще сто лет блуждала по окрестностям, присматривая за пиратскими денежками. Спустя много лет некто Сэмюэль Хейли, строя фундамент дома, обнаружил в земле четыре массивных слитка серебра. Поскольку вскоре Хейли построил перемычку, соединившую принадлежавший ему участок берега с соседним островом, завистники решили, что он финансировал работы из средств, вырученных от продажи какого-нибудь очередного клада.

Поиски сокровищ Тича ведутся и на острове Топсейл в Северной Каролине. Известно, что однажды Черная Борода произвел здесь дележ награбленного и, обманув многих матросов, насильно высадил их на берегу необитаемого песчаного островка в трех милях от материка. Через два дня этих людей подобрал другой пират, Стид Боннет.

Остров Окракок — последнее пристанище Тича — также слывет «меккой» кладоискателей. Но так как достоверных сведений о найденных там сокровищах не было и нет, остается согласиться с народной молвой о том, что над пиратским кладом тяготеет проклятье: «Пусть тот, кто дотронется до моего золота, помнит, что обратный путь его будет не длиннее лезвия ножа...»



Александр ЛЕСЬ

Шпаргалка

— Учитель! — почтительно произнес маленький Ник.— Я выполнил все, что вы велели, и пришел заниматься. Какой у нас будет сегодня урок?

— Последний, малыш.— Старый Тэн повернул к нему свое кресло.— Сегодня у нас будет последний урок по истории цивилизации планеты Кальрун. А потому садись поближе и будь внимателен: я расскажу тебе... о шпаргалке. Помнишь ли ты, что это такое?

— «Шпаргалка,— охотно процитировал Ник,— это бумажка, на которой нерадивый ученик записывает то, что должен был запомнить, а потом подглядывает, отвечая учителю».

— Верно, малыш. Вначале это действительно был безобидный клочок бумаги — гармошкой, спиралькой, трубочкой... Многие поколения школьников и студентов Кальруна изощряли свою изобретательность, совершенствуя шпаргалку. Тогда это была больше игра, чем проступок. Игра в риск, в находчивость... Ведь чтобы разместить на крохотной площади максимум информации и незаметно для бдительных экзаменаторов прочесть ее в нужный момент, требовались и талант миниатюриста, и навыки фокусника.

Игра кончилась, когда к созданию шпаргалок была привлечена фотография. Она не только решила задачу миниатюризации «тайных конспектов», но и позволила легко их размножать. В результате родилось новое ремесло — производство шпаргалок.

Некоторое время развитие шпаргалки шло по пути совершенствования маскировочных средств: ее монтировали в авторучки, пуговицы, часы... Такие «шпоры» были очень популярны у школьников и не сразу исчезли даже с появлением электронной шпаргалки.

— Электронной? — удивился Ник.

— Да, малыш. Успехи микроэлектроники рано или поздно должны были натолкнуть «шпаргальщиков» на эту мысль. Правда, сначала это был всего лишь крохотный приемник-передатчик в виде специальной ушной пробочки. Второй передатчик находился у подсказывающего. Схема, как видишь, была еще довольно громоздкой и предполагала, что на десять лоботрясов найдется хотя бы один прилежный ученик, который станет за них думать. Но уже на следующем этапе «шпаргализации» образования передатчик подключили к стационарной ЭВМ, а со временем создали и отдельные микрокомпьютеры, которые каждый мог носить с собой замаскированными под привычные предметы.

Новые шпаргалки нашептывали ответы с учетом новейших открытий в данной области знаний. Стоила такая шпаргалка денег немалых, но с ее помощью можно было выдержать самый строгий экзамен. Целое поколение слушателей средних и высших учебных заведений Кальруна окончило их, не зная специальности.

Эти люди и после учебы не расстались со своими шпаргалками. На заводах, в институтах, в лабораториях бывших студентов ждали новые испытания, и, чтоб хоть как-то их выдержать, нужны были «кибернетические шептуны». Так из учебных аудиторий «электронная шпаргалка» шагнула в жизнь. Подпольный промысел «шпаргальщиков» разрастался. Кальрунцам требовались универсальные шпаргалки, способные решать широкий круг задач. Электронщики и кибернетики, посвятившие себя этому бизнесу, создали и такие аппараты.

Легко получая дипломы и продвигаясь по службе, чело-

век почти ничего не знал, поэтому многие и со шпаргалкой стали попадать в неловкое положение. Тогда «шпаргальщики» придумали звуковую приставку, которая в виде коронки крепилась на зуб и отвечала на вопросы голосом владельца,— тому достаточно было шевелить губами в такт словам.

Новинка разошлась мгновенно.

Поскольку кальрунцы желали выглядеть умными и компетентными не только на работе, то этими приставками стали пользоваться везде. С их помощью вели интеллектуальные беседы в гостях, в театрах, на улице. Со стороны казалось, что люди спорят, высказывают мнения, сомневаются, тогда как они просто открывали рот, а беседовали за них электронные шпаргалки.

Тщеславные родители поспешили приобрести «говорящие шпаргалки» своим неразумным чадам, и повсюду один за другим стали появляться шестилетние, пятилетние и даже трехлетние вундеркинды. Несчастные дети с малых лет отучались мыслить — за них думал электронно-кибернетический мозг, упрятанный в висящую на шее безделушку. Мода на вундеркиндов распространилась по всему Кальруну, и вот уже вослед за поколением неучей росло поколение дебилов.

Все эти события начинали самым плачевным образом сказываться на самих электронике и кибернетике. Роботизированная промышленность остро нуждалась в специалистах, а их становилось все меньше, да и те, последние, переключались на производство шпаргалок, потому что это было прибыльно.

Развитие электроники, как и других отраслей, остановилось. Действовало только подпольное шпаргалочное производство, но и оно скоро стало угасать...

— Почему? — спросил Ник.

— Потому что «шпаргальщики» старели и умирали, а новым было неоткуда браться. Да, «шпаргальщиков» становилось все меньше, но они не бросали свое ужасное дело. Кальрунцы продолжали высокоинтеллектуальные разговоры, часто уже не понимая того, что раздавалось из их собственного рта. Иногда они забывали шевелить губами в такт словам, но, так как к этому времени все уже имели шпаргалки и знали их секрет, никого это не удивляло.

— А потом, учитель?.. Что было потом?

— Потом? — Старый Тэн нахмурил щетки бровей.— Потом умер последний из «шпаргальщиков». Делать шпаргалки стало некому. Но Кальрун был уже так наводнен ими, что никого это не огорчило. Люди продолжали, не разжимая зубов, беседовать, руководить и давать советы.

Но вот шпаргалки начали ломаться. Они ломались и раньше, но тогда их чинили. Теперь чинить их было некому, потому что никто уже толком не помнил, что такое электроника.

Поломка шпаргалки оборачивалась для ее владельца настоящей катастрофой — он не мог больше принимать участие в умных беседах и вынужден был сторониться общества. Такие люди собирались в отдельные группы и общались мычанием. Остальные еще разговаривали, но шпаргалки портились одна за другой, и постепенно мычащих стало больше, чем говорящих.

Давно были забыты ремесла, утрачена письменность. Роботизированная промышленность еще кое-как работала, обеспечивая кальрунцев пищей и одеждой,— ею управляли сложные электронно-кибернетические комплексы, запрограммированные на десятилетия. Но и они нуждались в уходе и ремонте.

Наконец застыло все. Дольше всех функционировал наш Координационный Центр, но он не мог оживить умирающие заводы и только констатировал их остановку. Как умирал он сам, ты видел, малыш. Это и был конец цивилизации планеты Кальрун.

До сих пор нас было двое в этом мертвом храме кибернетики. И я учил тебя всему, что знал. Но мне уже не подняться из операторского кресла — мой энергозапас на исходе. Так что скоро ты останешься один. Твоя урановая батарея протянет еще лет десять, поэтому постарайся не пропасть раньше срока. Еще раз проверь, хорошо ли заперты двери лифта. Бойся сырости, и пока лето, отыщи и заделай все щели на этаже. Почаще меняй смазку в суставах — в шестой лаборатории ее целый бак. Там же батарейки для фонаря, на большом стеллаже вни...— старый робот умолк на полуслове, и голова его медленно опустилась на стальную грудь.

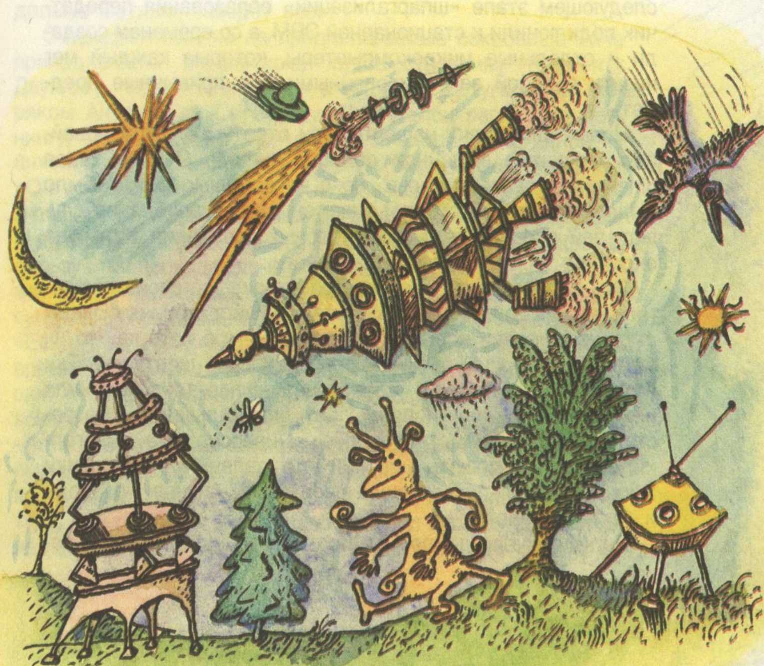
— Учитель!.. Учитель!!! — Маленький Ник всеми шестью манипуляторами тряс старика Тэна, пока не понял, что тот уже не ответит. Постояв возле неподвижного гиганта, маленький робот отправился выполнять его последние наставления.

В коридоре было выбито стекло. Прежде чем закрыть отверстие снятым с пола пластиком, робот выглянул наружу.

Внизу, в зеленом колодце двора, на разорванном буйной порослью асфальте возились три грязных, волосатых человека. Двое вертели палочку в углублении деревянной колоды, а третий что-то туда подкладывал. Скоро над колодой закурился сизый дымок. Люди издали торжествующий вопль.

Рождалось новое знание.

Рисунки А. БАЛДИНА.



Сергей ПОГОРЕЛОВСКИЙ

ЗВЕЗДНЫЕ СНЫ

**Не от вас ли вести
шлет нам занебесье?
Тает в нем не ваш ли
мимолетный след?
Струйка в океане,
облачко в тумане —
инопланетяне,
есть вы или нет?**

**В мирозданья бездне
мы навеки вместе.
Верим нашим вещим,
нашим звездным снам.
Ждать вас, братья, станем,
руку вам протянем...
Инопланетяне,
прилетайте к нам!**

ДУМАЮ О МИРЕ И О СЕБЕ

Недавно я познакомилась с Наташей Г., самостоятельной, веселой пятнадцатилетней девчонкой. Она хорошо учится в школе, любит читать, свободное время проводит с друзьями или ходит со своей собакой на площадку. Словом, живет как все, радуясь каждому дню. И в то же время не совсем как все.

Пять месяцев назад Наташа почувствовала себя одинокой, и тут ей попалось в руки Евангелие. Оно, ответив на многие вопросы, которые Наташа задавала самой себе, поставило перед ней десятки новых. Наташа пошла в ближайшую церковь на проповедь. Сходила один раз, другой, а теперь ходит регулярно.

Наташа поясняет мне: «Может, конечно, это стало привычкой, лишенной искреннего чувства. Но я знаю, что мне это приносит только добро. Посещение церкви успокаивает. Родные и знакомые говорят, что я изменилась к лучшему. То, что я слышу и узнаю здесь, дарит мне новое отношение к жизни».

«Ну, а к атеистам ты относишься, как к заблудшим, не нашедшим истину?» — спрашиваю я. «Нет,— после недолгого молчания отвечает моя собеседница,— у всех своя дорога в этом мире. Все равно большинство людей живет согласно тем законам, о которых говорит Библия». И, помолчав, добавляет: «Я думаю, человек настолько мудр, что, если ему не мешать, он когда-нибудь найдет, что нужно ему, чтобы жить в согласии с понятием о доброте, честности, порядочности».

А я вот никогда не смогу ходить в церковь, молиться и исповедоваться, хотя мой прапрадед был потомственным священником. Я люблю веселые золоченые купола и кресты, которые прочными стежками связывают землю с небом. А в самом храме мне плохо и одиноко. Ну что ж, действительно, каждому — свое. Только не надо ни на кого давить, не надо никому навязывать свое мнение.

Настя Лаврентьева, г. Москва.

ПРАВДА ЛИ, ЧТО...

Прогнозы нас не радуют?

Я так мечтала увидеть море! Всю зиму мама мне говорила, что в августе мы поедем в Крым. А теперь волнуется: Черное море стало грязным, во многих городах купаться запрещено. «Пионер», дорогой, напиши, где еще Черное море остается чистым?

Аня Чутаева, г. Пермь.

— Да, искупаться в море хочется. Только как водичка: грязная, наверное?

— Минздрав СССР прогнозов не дает! — были первые слова **Александры Ивановны РОГОВЕЦ, специалиста первой категории Санитарно-профилактического управления Минздрава СССР.**

— Можно или нельзя будет в августе купаться на Черном, Каспийском, Балтийском морях, зависит от многих причин. Основная — состояние очистных сооружений на побережьях морей, на реках, впадающих в эти моря. В этом году новых очистных сооружений пока не прибавилось, а старые периодически выходят из строя. Вот и возникают аварии, закрываются пляжи. Состояние морской воды год от года ухудшается. Она не может переработать всю грязь, поступающую в моря буквально отовсюду. Так что порадовать ваших читателей нечем.

НУ, А МОЖНО ИЛИ НЕЛЬЗЯ КУПАТЬСЯ НА КОНКРЕТНЫХ КУРОРТАХ И ПЛЯЖАХ, ЗАВИСИТ ОТ СОСТОЯНИЯ ВОДЫ, АНАЛИЗЫ КОТОРОЙ ПЕРИОДИЧЕСКИ ПУБЛИКУЮТСЯ В МЕСТНЫХ И ЦЕНТРАЛЬНЫХ ГАЗЕТАХ.

ХОЧУ ПОНЯТЬ

Диалог с товароведом

Неужели у нас в стране так много боксеров, что на всех не могут выпустить хотя бы по паре перчаток? Мы каждый день бегаем в магазин спорттоваров, чтобы не пропустить этот дефицит.

Дима К., г. Краснодар

В Мосспортторге в отделе культбытхозтоваров к телефону подошел один из товароведов, который назвать своей фамилии не пожелал.

— Заявки Мосспортторга на боксерские перчатки промышленность не удовлетворяет. Перчаток выпускается мало, их обычно распределяют по спортивным секциям. В Москве в свободной продаже они очень и очень редко бывают. Сами понимаете, что в Краснодар отправлять перчатки мы не можем. Что делать? Промышленность теребить! — сказал товаровед и тут же повесил трубку.

Звонить на фабрику, где выпускают перчатки, мы не стали. Опять начнутся кивки в сторону смежников, транспорта... А те тоже на какие-нибудь трудности укажут...

Но для Димы выход есть: записаться в секцию бокса! Там можно получить пару мягких, красивых, кожаных перчаток.





ЗАХВАТ КОЛОНИЙ
НАСТОЛЬНАЯ ИГРА
Составил:
худ. В. Голицын
ВЕЛИКИЙ ИЛИ ТИХИЙ ОКЕАН
тропик Рака
Китай 8
Кантон
Гонконг
Англ. с 1841 г.
о. Формоза
Тайнань
о. Люцон
Манилла
о-ва Филиппинские
Море Зулу
о. Минданао
о. Палаван
Море Целебес
Лабуан
Борнео
Саравак
Целебес
Макассар
о. Серам
Новая
Дорей
о-ва Палаос (яп.)
о-ва Каролинские (яп.)
Архипелаг Бисмарка
Порт Симсон
Таро
Двойная лодка меланезийцев
Площадь клеток, обстреливаемая с корабля, а также береговыми батареями
меланезийцев у о. Серам в 1607 г.

КАК МЫ ИГРАЛИ В «ЗАХВАТ КОЛОНИЙ»

Сегодня вы, ребята, познакомитесь с «Захватом колоний» — еще одной игрой В. М. Голицына.

Не правда ли, несовременное у игры название? О каком захвате колоний может идти речь, когда весь мир борется за демократию, разоружение, суверенитет стран, свободу личности?

Но все же были стародавние времена — и колонии захватывали, алчно грабили чужие сокровища, вооружались до зубов и стреляли с бортов атакующих кораблей... История катила свое колесо по разным дорогам.

Для сегодняшних мальчишек и девчонок те далекие, невозвратные времена видятся в дымке майнридовской романтики, совершенно потеряв свой кровожадный смысл.

Играйте в «Захват колоний»! Может быть, вы ощутите себя литературными героями Майн Рида или Стивенсона?

ВМЕСТО ПРАВИЛ

Игра «Захват колоний», или просто «Захват», для нас, мальчишек — сыновей В. М. Голицына,— была «главной» отцовской игрой, и мы часами сражались в нее с нашими друзьями.

В левом нижнем углу карты игры «Захват колоний» есть квадратик, куда перед началом мы ставили свои корабли.

Все эти корабли пришли из далекой Европы...

Посмотрите на карту. На ней в разных местах крупно написаны цифры. Это ЦЕНА КОЛОНИЙ. Суть игры: кто первый наберет 29 очков, тот выиграл. Но сделать это очень трудно. В схватках можно и погибнуть или тебя так подранят, что ты, на грани гибели, судорожно ищешь место, где бы залечить раны, то есть починиться. А чиниться можно только в «своих» портах, а их еще надо добыть. При починке корабль пропускает один ход.

У каждого из нас было по три корабля (если играли вдвоем) или по два (если играли, допустим, впятером). У каждого из играющих корабли ходили одновременно, с одним «ветром» (см. ниже). Корабли были одного класса — все, как галеоны в «пиратах» (см. «Пионер» № 6 за 1989 год). В штиль не ходили, тонули с трех попаданий, максимально стреляли через клетку. Но была и разница: все корабли изначально имели по 5 «боеприпасов» для укрепления взятых портов.

И вот разноперая флотилия расставлена в углу карты, и капитаны, жаждущие приключений, с биением сердец ждут начала. Кидаем жребий, кому выходить первому.

Естествен вопрос: «А как же ходят корабли?» Для этого и нужна «вертушка» (см. рисунок). Играющий каждый раз, как ходит своими корабликами, крутит стрелку вертушки. Когда она остановится, то укажет на какой-нибудь румб компаса и одновременно на один из секторов погоды, показывая этим силу и направление ветра. Капитан «выбил» себе ветер и может начинать ходить корабликами. Вот значения цветовых секторов вертушки: желтые сектора означают ШТИЛЬ, голубые — СВЕЖИЙ ВЕТЕР, красные — УРАГАН. При штиле, как было уже сказано, корабли стоят на месте; при урагане, если корабль не в порту, дрейфуют на одну клетку. При этом они могут быть выброшены на берег, за линию квадратиков. Они гибнут, если при следующем ходе (в свою очередь) будет ураган. При урагане, если корабли столкнутся, они не гибнут (в первых правилах — корабли гибли, и мы «поправили» отцовские правила).

Если вертушка покажет голубой цвет — свежий ветер, настроение у ребят поднимается, они могут идти своим курсом. Ходят только по прямой линии, «ходом коня» двигаться нельзя.

В нашей игре корабли ходят по восьми румбам компаса, а именно: N (норд) — север; NO (норд-ост) — северо-восток; O (ост) — восток; SO (зюйд-ост) — юго-восток; S (зюйд) — юг; SW (зюйд-вест) — юго-запад; W (вест) — запад; NW (норд-вест) — северо-запад. Путь, по которому идет корабль, называется курсом корабля. Скорость, с которой идут парусники, то есть число квадратиков, проходимых за один ход, зависит от силы и направления ветра, дующего относительно курса корабля.

Ветер, дующий прямо в нос корабля, называется «противным». При этом ветре корабль должен сворачивать с курса или стоять на месте. Если ветер дует прямо в корму, его называют «фордевинд», или просто «попутным». На фордевинд, при «ветре», как говорят моряки, корабль идет на три клетки. Если ветер дует перпендикулярно борту корабля, его называют «галфвинд», то есть полветра. Корабль идет по курсу на две клетки. Когда ветер дует в направлении между кормой и бортом, то есть почти попутный, его называют «бакштаг». Корабль идет на три клетки. И, наконец, ветер, дующий между носом и бортом — «бейдевинд», ветер почти противный; ход — одна клетка. Ходить полное число квадратиков не обязательно и по желанию можно стоять на месте. На карте внизу показаны образцы ходов при зюйдовом и зюйд-вестовом ветрах.

Корабли ходят по всей площади вод, где есть квадратики. На одном квадратике, кроме как в портах, два корабля одновременно стоять не могут. Перепрыгивать через занятый квадратик нельзя. Ходить по чужим портам нельзя.

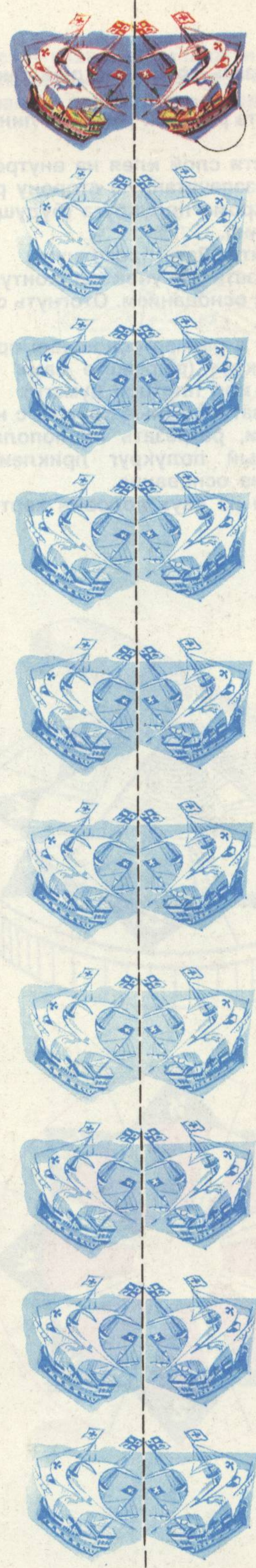
На карте показаны стрелками течения. При движении кораблик, попавший на основание стрелки, автоматически двигается по ней и идет дальше прежним курсом. Если корабль стоит на острие стрелки, то он может двигаться против течения только в том случае, если он идет на две или три клетки. Умело пользуясь течением, можно увеличить скорость корабля.

«Как же корабли ведут бой?» — ваш следующий вопрос. Стрельба производится пусканием той же вертушки, причем если на ней выпадет один из главных румбов: N, O, S, W, то это означает попадание. Четвертные румбы: NO; SO; SW и NW — означают промах.

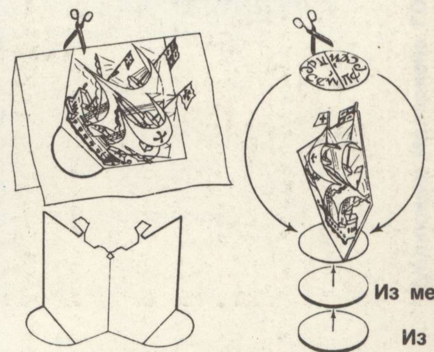
За один ход корабль может произвести один выстрел по одному кораблю или порту. Корабли стреляют перед тем, как ходить, или после хода. Можно, узнав ветер, выстрелить, а потом ходить. Можно стрелять залпом двумя или тремя кораблями, предупредив играющих: «бью залпом такими-то кораблями». При попадании корабли

БЕНГАЛИЯ
Англ. с 1767
КАЛЬКУТТА
Рабочий слон
Замок знатного раджи близ Бомбея
ПРОВИНЦИЯ БОМБЕЙ
БОМБЕЙ
ГОА
ПРОВИНЦИЯ МАДРАС
Нищенствующие индусы
МАДРАС
ЦЕЙЛОН
КОЛОМБО
о-ва ЛАККАДИВСКИЕ
о-ва МАЛЬДИВСКИЕ
ЗАЛИВ БЕНГАЛЬСКИЙ
м. Негранс
о-ва АНДАМАНСКИЕ (Англ.)
о-ва НИКОБАРСКИЕ (Англ.)
м. Короловский
БИРМА
Англ. с 1885 г.
р. Иравади
РАНГУН
СИАМ
Белый слон
БАНКОК
КАМБОДЖА
ФРАНЦ. ИНДО-КИТАЙ
АННАМ
ТОНКИН
ЦЮН-ЧЖОУ
Залив Тонкин
САЙГОН
Залив Сиамский
МАЛАККА
прол. Малаккский
СИНГАПУР
СУМАТРА
ПАДАНГ
о-ва Натуна
БАНКА
БИЛЛИТОН
ЭКВАТОР
ЮЖНО-КИТАЙСКОЕ МОРЕ
ИНДИЙСКИЙ

Линия сгиба







Из металла

Из ткани

Ребята! Вырежьте и склейте кораблики, как показано на рисунке.

1. Вырезать грубо каждый рисунок.
2. Согнуть рисунок точно по линии сгиба.
3. Нанести слой клея на внутреннюю, незапечатанную сторону рисунка, кроме полукруга (будущее основание).
4. Склеить. Дать просохнуть.
5. Вырезать рисунок по контуру вместе с основанием. Отогнуть основание.
6. Снизу в размер основания приклеить круг (вырежьте сами из картона или плотной бумаги).
7. Вырезать цветные кружки с названиями, разрезать их пополам и каждый полукруг приклеить сверху на основание.
8. Склей из двух половин карту.

(или порты) получают две-три пробоины сразу.

Чтобы занять порт, надо попасть в него определенное количество раз. Если порт «стоит» шесть очков, надо в него попасть три раза. Там, где цена 5 очков — тоже 3 раза, а где цена 3 очка — 2 раза и т. д.

Корабли капитанов рассыпались по Индийскому океану. Один из них устремился к Кокосовым островам (1 очко и сшибается с одного попадания). Мало? Зато это важный форпост! Корабль подходит и стреляет. Если попал, то следующим ходом, если ветер позволит, он заходит в порт и ему записывается в журнале: «Коки» — 1 очко». Ежели он промахнулся, то следующий по очереди капитан «играет за Коки», то есть батареи Кокосовых островов отвечают захватчикам. Порт бьет по каждому из стоящих кораблей в пределе досягаемости (он тоже бьет на две клетки). За порт, уже принадлежащий другому капитану, стреляет по неприятелю «Хозяин» в свой ход. Когда порт сбит, но не занят, то его может захватить тот, кто первым в него войдет.

Теперь о боеприпасах. Взяв порт ценою в 3 очка, ты его можешь укрепить, положив с корабля 5 боеприпасов (можно и меньше). При этом в журнале у значка корабля эти 5 зачеркиваются, а около надписи (например, «Сингапур» — 3 очка») появляется цифра 7. «Сингапур» теперь сшибается с 7 попаданий. Эта семерка складывается из: 2 — восстановленная крепость («Сингапур» сшибался с двух), 5 — боеприпасы. Теперь этот важный порт почти неприступен. Можно из своего порта забирать боеприпасы и класть в другой. Для этого надо зайти в порты, и это тоже записывается в журнал. На верху карты — образцы стрельбы.

Каждый играет за себя. Можно сохранять нейтралитет, но обычно очень быстро вспыхивает «драка» за какой-нибудь порт (капитан может нападать только тогда, когда у него есть хотя бы одна колония). Можно заключать союзы и расторгать их.

Вот, пожалуй, и все. Корабли, когда гибнут, убираются в коробочку или вступают в игру снова (как договоритесь). У нас игра кончалась великой баталией. Мы очень любили «Захват», может быть, даже больше, чем «Пиратов», — можно было дольше играть.

Мы узнавали, запоминали карту. Все замысловатые названия — Банджермазин, Таунсвиль, Макассар и т. д. — легко входили в наши детские умы, врезались в память навсегда, до старости.

Еще маленькое замечание: когда будете крутить вертушку, не затевайте долгий спор, если стрелка попадет на черту. У нас было правило: если стреляем, черта означает непопадание; если же «ветер», то «в тихую сторону», то есть если стрелка стала между ураганом и ветром, то «ветер» и т. д.

Если среди вас есть будущий литератор, то пусть он в своем бортовом журнале опишет наиболее интересные ситуации игры.

Илларион ГОЛИЦЫН

ОТ РЕДАКЦИИ

Ребята! Вы, конечно же, обратили внимание, что карта игры «Захват колоний» — старая. Прежде всего по своему внешнему облику, а также и по содержанию: сегодня исчезли колонии, сегодня никто колонии не захватывает. Многое на сегодняшний день изменилось на этой карте... Поэтому мы ОБЪЯВЛЯЕМ КОНКУРС «СОВРЕМЕННАЯ КАРТА»!

Условия конкурса:
1. Пришлите в «Пионер» **современную** карту той части планеты, которую вы видите на карте игры «Захват колоний». Ее **вы должны нарисовать сами.**
2. Проверьте, изменились ли названия государств и городов. **Если изменились, укажите современные.**
3. Кратко расскажите, какой государственный строй в той или иной стране. Что вы знаете и можете рассказать о ней?
4. Напишите, какими источниками вы пользовались при составлении современной карты.

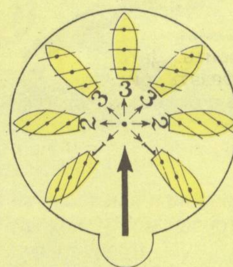
Победит тот, кто нарисует самую подробную, красивую, аккуратную карту. Кто верно ответит на поставленные вопросы.

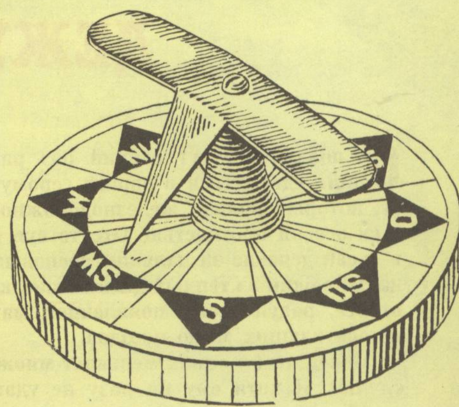
ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА «СОВРЕМЕННАЯ КАРТА» ПОЕДЕТ ВО ВСЕСОЮЗНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ ЛАГЕРЬ «АРТЕК».

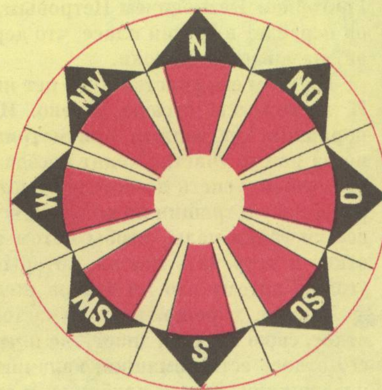
Карты и ответы присылать до 1 октября 1990 года.

На конверте обязательно напишите: «КОНКУРС «СОВРЕМЕННАЯ КАРТА».

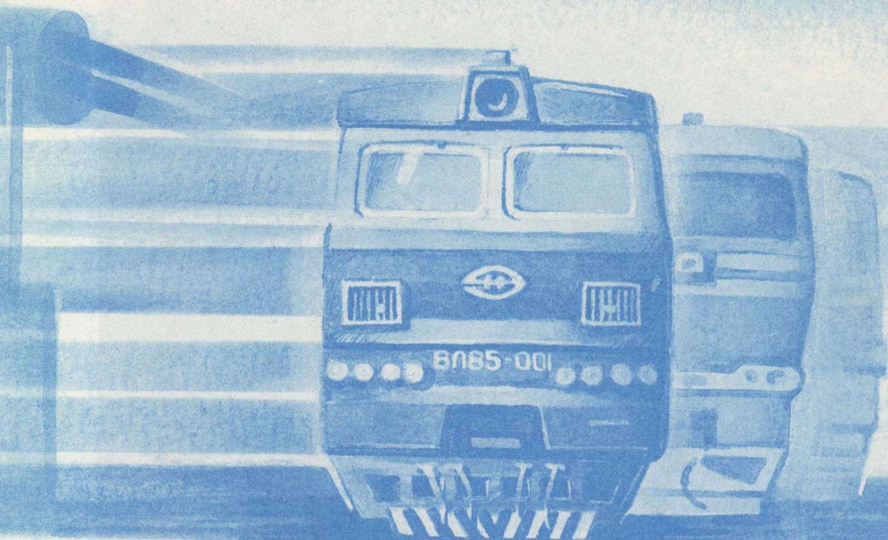
Диск — указатель скорости — укрепите ниткой в центре компаса (правый верхний угол карты).







Публикация Иллариона ГОЛИЦЫНА.



Владимир МУССАЛИТИН

ДЕЖУРНЫЙ ПО ОТКОСУ

РАССКАЗ*

Он появляется тут всякий раз ранней весной, стоит лишь сдвинуться в овраги серому неряшливому снегу, который вблизи железнодорожного полотна отличается особой плотностью. Отсутствуя всю долгую зиму — в своей деревне за дальним сосновым лесом, он неожиданно в один из теплых дней встает, как бы вырастает на откосе, радуя своим появлением машинистов и пассажиров идущих мимо поездов.

Перед ним в окнах мелькает множество улыбающихся лиц. И хотя ему ни разу не удавалось как следует разобрать эти лица, ему кажется, что улыбающиеся люди знают его, знают все о нем. Даже то, что зовут его Григорием Ивановичем Петровым, что нынешней весной он перейдет в третий класс, что деревня, в которой живет он, называется Ходоки.

На всем его участке пути нет ни одной путевой будки. И до переезда отсюда далеко. И выходит так, что за порядком тут должен присматривать он. Гриша знает, когда на его участке ходят поезда и нужно прийти заранее, чтобы успеть до поезда осмотреть весь путь, проверить, нет ли трещин на рельсах, все ли шпалы на местах, все ли гайки целы, чтобы потом спокойно забраться на откос и встречать поезда, которые могут ехать куда им угодно, потому что им теперь ничего не грозит.

Так же хорошо, как и участок пути, он знает свой откос, свою насыпь, знает, где и что растет. Знает, что на его откосе есть ромашки, калачики, кукушкины слезки, подорожник. Есть и клубника, и смородина, которой тут, в посадках у дороги, уйма. Но их деревенские женщины почему-то не ходят сюда. Хотя это даже и лучше. А то бы они все подчистую подобрали, ничего не оставив птицам... И потом, если бы женщины наладились сюда за ягодами, тогда бы он не смог приходить на свою насыпь.

Никто не знает, что он ходит сюда, на откос. Для отвода глаз Гриша берет с собой удочки и консервную банку с червяками. Но речка совсем в другой стороне, поэтому удочки с банкой он прячет по дороге в густой крапиве — никто не догадается, а если и догадается, то вряд ли полезет! Крапива такая стрекучая. Даже он, как ни осторожничает,— нет-нет да обожжется.

Третье лето, с самой весны, ходит он на откос встречать поезда. Осенью и зимой ему никак не удается, потому что в то самое время, когда на его участке проходят поезда, у них в школе идут уроки. И машинисты, конечно, это понимают и уже сами внимательно вглядываются в дорогу.

Но как только настают весенние каникулы, а они начинаются с ледоходом, когда ребятам с другого берега Орлицы невозможно перебраться в школу, Гриша в тот же день спешит через лес по еще сырой, местами в снегу, дороге на свой откос.

Все на откосе по-прежнему, но и по-другому. Откос весь голый, прошлогодняя трава словно прилизана и дымится, слегка парит под солнцем. Местами в этой бурой, свалявшейся траве проглядывают острые зеленые стрелки. При виде их Грише сразу становится весело. Он успевает также приметить, что телеграфные столбы, бегущие вдоль насыпи, стали за зиму как бы жирнее и толще, а серебристые провода между ними блестят еще сильнее, чем прошлым летом.

Бегло осмотрев свое хозяйство, Гриша торопливо спускается вниз, принимается за дела. Обходит весь участок, внимательно приглядываясь к шпалам, к стыкам на рельсах, собирая и складывая в сторону дорожный мусор — мятые газеты, консервные банки, пачки из-под папирос. На дороге всегда должен быть порядок!

Закончив обход, убедившись в том, что ни пассажирским, ни скорым поездам ничто не грозит, Гриша забирается к себе наверх, занимает привычное место. Стоя на откосе, он чувствует спиной тихое тепло весеннего солнца, видит медлительно ковыляющих между шпал деловитых грачей и, радуясь всему этому, нетерпеливо ждет прихода поезда, напряженно вглядываясь вдаль. Впереди, над полотном, зыбко струится марево. И от этого начинает казаться, что рельсы слегка колеблются, плавятся. Глазам даже становится больно от этого множества света.

Он с нетерпением вглядывается вдаль. Но где же поезд? Где? Тревога его нарастает, но тут вдали, в середине самого марева, появляется плотная серая лента. Она упрямо продвигается вперед. Его поезд! Гриша чувствует в груди легкие толчки и начинает в беспокойстве пританцовывать.

А поезд с каждой минутой становится отчетливее, яснее. И все ближе, ближе.

* Печатается в сокращении.

Рисунок М. КАЗАКА.

ХОЧУ ПОНЯТЬ

Быть патриотом — значит быть честным!

«Что такое — быть патриотом? Я у многих ребят спрашивала, но... Никто из моих сверстников не смог дать ответа».

Н.Чувашева, г. Мариуполь, Донецкая область.

Я понимаю вопрос Нади. Помню мой первый рассказ, написанный в 6-м классе. Как меня хотели убить пособники империалистов, а я разоблачил их шайку и выдал милиции. Быть настороже, видеть вокруг врагов — так мы воспитаны.

Письмо Нади мы попросили прокомментировать **корреспондента «Огонька», одного из ведущих популярной молодежной программы «Взгляд» Артема БОРОВИКА.**

— Нам десятилетиями внушали, что весь мир вокруг — враждебный лагерь и только мы идем правильным путем.

Нас отгородили от мира «железным занавесом», чтобы развернуть по стране сеть шпионажа, чтобы всех думающих не так, как думают власти, объявить пособниками этого врага. Образ врага нужен был и для того, чтобы засекречивать деятельность различных министерств. Я не знаю другой страны, где засекречивание достигло бы таких масштабов, как у нас. Засекречивают не реальные государственные тайны, а профессиональное незнание, коррупцию, воровство.

Но самое страшное — это то, что многих людей заставили поверить во врагов. Милитаризация нашего сознания достигла фантастических масштабов. Мы до сих пор живем, будто завтра война, что вот-вот на нас нападут. Да никто не собирается нас завоевывать.

Боюсь, что мы с нашими проблемами, с авариями на АЭС, с ядерным оружием представляем для мира бóльшую угрозу, чем он для нас.

Для меня патриот — это не тот, кто кричит, что моя Родина и лучше всех в мире, и краше всех в мире, и только она одна идет по правильному пути... Для меня патриот — это человек, который не побоится говорить о проблемах, бедах, болезнях и несчастьях своей Родины. А у нас людей, которые говорят правду, часто неприятную правду, называют плохими патриотами.

БЫТЬ ПАТРИОТОМ — ЗНАЧИТ БЫТЬ ЧЕСТНЫМ!

Записал А. МУХАНОВ.

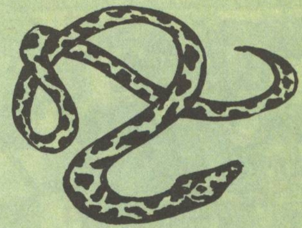
НАЙТИ ВЫХОД

Учитель литературы 1079-й московской школы, заядлый походник Игорь Евгеньевич БУЛГАКОВ дает последние советы тем, кто заблудился в лесу.

КАКОГО ЗВЕРЯ В НАШИХ ЛЕСАХ СТОИТ ОПАСАТЬСЯ?

Кабана. Если ты вдруг обнаружил, что идешь по кабаньей тропе — уйди с нее скорее и как можно дальше. Кабан быстро бегает, жесток и упрям, может первым напасть на человека.

ЕЩЕ НЕПРИЯТНА ВСТРЕЧА С ГАДЮКОЙ.



Змея никогда не нападает первая, пока человек случайно ей не наступит на хвост или намеренно не ткнет ее палкой, чтобы посмотреть, как она станет убегать.

От укуса гадюки не спасут никакие прижигания, никакие протирания. Единственный верный способ — из места укуса отсосать яд, постоянно сплевывая его. Потом к ранке приложить подорожник. Как только выйдешь из леса — надо сразу обратиться к врачу.

Но лучше встречи с гадюкой избегать. А потому — смотри внимательно под ноги, а когда идешь ночью — громко шаркай ногами, чтобы змеи тебя «слышали» и успели с тропы уползти.

ОТ ДУШИ ЖЕЛАЮ ТЕБЕ НЕ ТЕРЯТЬСЯ В ЛЕСУ, ТОГДА НЕ ПОНАДОБЯТСЯ И МОИ СОВЕТЫ.

Раздел ведет А. МУХАНОВ. Рисунок И. ПАНКОВА.





Продолжаем знакомство с Осиной тетрадью. Тех, кому ее записи помогают совершенствовать игру в шахматы, просим написать: что нравится, что нет?

РЕЗВЫЕ КОНИ

Характер коней труднее всего постигается начинающими играть шахматистами. Ведь все остальные фигуры довольно прямолинейны, а вот конь, создание хитрое и необычное, скачет и через свои, и через чужие фигуры, даже может безнаказанно напасть на самого мощного неприятеля — ферзя. Хитроумные маршруты коней, их способность прыгнуть в самую неожиданную точку шахматной доски нередко вызывают заботы уже в дебюте.

Дебютные сюрпризы

В 1950 году на солидном международном турнире гроссмейстер П. Керес белыми сыграл такую партию.

1. e4 c6 2. Kc3 d5 3. Kf3 de 4. K:e4 Kf6 5. Фe2. Обычно здесь предпочитают 5. K:f6+, однако ход, сделанный гроссмейстером, весьма ядовит, в чем немедленно убедились потерявшие на миг бдительность и забывшие о неприятельском коне черные.

5...Kbd7? 6. Kd6×.

Эту короткую партию-миниатюру полезно запомнить, так как, несмотря на то, что она была неоднократно опубликована, пикантный мат на 6-м ходу встречался в самых разнообразных соревнованиях не один раз.

Мы привыкли говорить: «превратить пешку в ферзя». И, прорываясь своим пехотинцем на последнюю горизонталь, уже посматриваем на исчезнувшие с доски фигуры, подыскивая среди них ферзя своего цвета. И действительно, финиширующая пешка по справедливости, как правило, становится самой сильной фигурой — ферзем. Однако встречаются и исключения, а они частенько чрезвычайно любопытны.

1. d4 d5 2. c4 e5 3. de d4 4. e3 (правильно 4. Kf3) 4... Cb4+ 5. Cd2 de 6. C:b4. Лучше 6. fe, хотя и в этом случае инициатива у черных — 6...Фh4+ 7. g3 Фe4. Белые полагали, что в варианте 6...ef+ 7. Kpe2 (7. Kp:f2 Ф:d1) 7... fgФ 8. Ф:d8+ Kp:d8 9. Л:g1, они сохранят преимущество, но...

6...ef+ 7. Kpe2 fgK+! Пешка превратилась в коня с шахом. Теперь плохо 8. Л:g1 Cg4+. Не спасает и 8. Kpe1 Фh4+ 9. Kpd2 Kc6 10. Cc3 Cg4 с решающей атакой у черных.

Пятый конь на доске на 7-м ходу — редкий случай!

Сила белых коней красочно проявилась в такой старинной партии.

1. e4 e5 2. Kf3 d6 3. Cc4 Kc6 4. Kc3 Cg4 5. K:e5 C:d1?? Брать ферзя было нельзя, однако все это происходило в 1787 году, когда защищаться и не умели, и не хотели... Конечно, верно 5... K:e5, и белые просто без фигуры.

6. C:f7 + Kpe7 7. Kd5×.

Эту партию белыми играл французский шахматист К. Легаль, и было ему тогда уже 85 лет. С тех пор эта «мелодия Легаля» частенько звучит в шахматных соревнованиях, причем уже в корректном исполнении.

По знакомым мотивам

Прыжок, казалось бы, намертво связанного коня стал темой самых разнообразных комбинаций.

Диаграмма 1

Рядом с открытой линией «h» белый король чувствует себя очень неуютно. Венгерский мастер И. Колиш (1859 г.) красиво использует уже знакомую нам идею.

1...Ke4! Жертвуя ферзя, черные дают возможность своим скакунам порезвиться вволю.

2. C:d8 (2. Ф:e4 de 3. C:d8 Ke2×) 2...Kg3 (грозит 3... Лh1×, а после 3. fg у коня выбор — 3... Ke2× или 3... Kf3+) 3. Kc6+. Теперь любой черный конь может прыгнуть на e2, и мат следующим ходом.

Острые вилки коней

Недаром двойной удар, сделанный конем, назвали так грозно — «вилка». Попасть под такой острый удар чрезвычайно неприятно. О коневых вилках знают



все шахматисты, тем не менее в партиях они встречаются нередко, причем в самых различных вариациях и в соревнованиях самого высокого ранга.

Диаграмма 2

В этой позиции из партии Т. Петросян — Б. Спасский (матч на первенство мира, 1966 г.) белые начинают комбинацию, победную точку в которой поставит коневая вилка. 1. Л:f4 Л:f4 2. Се6+ Лf7. 3. Ке4. Фh4 4. К:d6 Фg5+ 5. Крh1 Ла7 6. С:f7 + Л:f7 7. Фh8+. После этой жертвы ферзя черные сдались, поскольку в варианте 7...Кр:h8 8. К:f7+ и 9. К:g5, они остаются без фигуры.

Можно было бы подыскать сотни, даже тысячи примеров с коневыми вилками. Однако лучше и нагляднее сконцентрировать идею в одной позиции, где мощность и резвость коня как бы дополняют друг друга и подчеркивают эти качества во множественном числе.

Диаграмма 3

В этой позиции у белых недостает целого ферзя, а для победы им необходимо пожертвовать еще обе ладьи.

1. Лf7+ (завлекая черного ферзя на поле f 7) 1...Ф:f7. Выбора у черных нет. Да и дальше они вынуждены плыть по течению.

2. Лd8+ (жертвуя вторую ладью, белые завлекают и неприятельского короля на невыгодное для него поле) 2...Кр:d8.

У белых всего конь и две пешки против целой армады черных фигур. Теперь все они быстро исчезают с доски.

3. Кс6+ (белый конь начинает свой опустошительный набег) 3... Крd7 4. К:е5 + Крd8 5. К:f7 + Крd7 6. Ке5 + Крd8 7. f7 (надо и пешке сказать свою реплику) 7...Кре7 8. feФ + Кр:е8 9. К:f3 с легким выигрышем.

ЗАГАДКА ДЛЯ ФИШЕРА

Диаграмма 4

Белые начинают и выигрывают.

Секрет позиции здесь спрятан достаточно надежно. В свое время подумать над ней предложили блестящему шахматисту, одиннадцатому чемпиону мира Роберту Фишеру. Ему понадобилось немало минут весьма напряженных размышлений. И когда он нашел путь к победе, был чрезвычайно доволен.

Подумайте тоже над этой загадкой. Две маленькие подсказки: разумеется, главная роль принадлежит белым коням; решение — короткое, в его единственном варианте все становится ясным уже после двух-трех ходов.

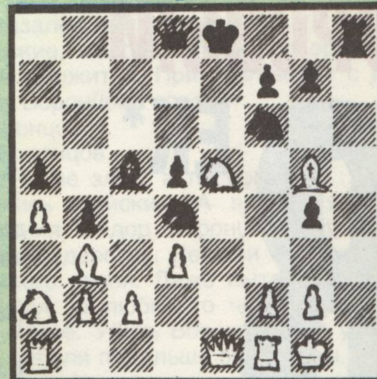


Диаграмма 1

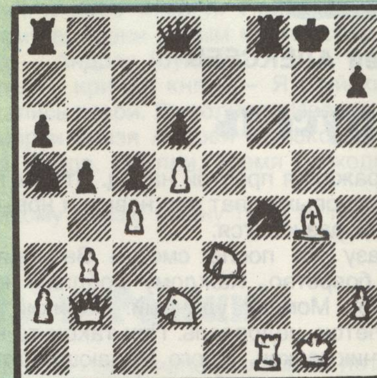


Диаграмма 2

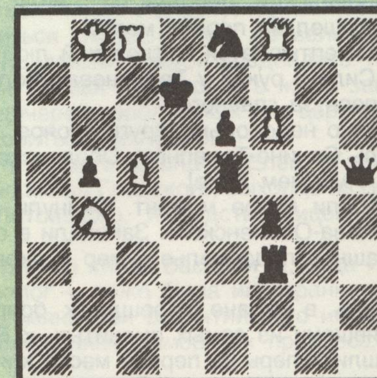


Диаграмма 3

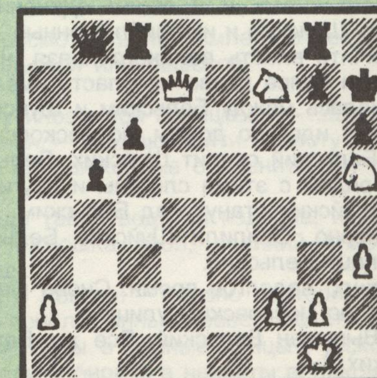


Диаграмма 4



Рисунок А. БОГАТОВА.

СУРОВЫЙ ВЕК*

В 1530 году у великого русского князя Василия III родился сын. Назвали его Иваном.

Сложное время переживала тогда Россия. Прошло всего пятьдесят лет с той поры, когда страна освободилась от более чем двухвекового ига золотоордынских ханов.

Народы, населяющие нашу страну, хотели видеть свою родину сильной и передовой для своего времени державой.

Многое сделал, укрепляя Русское государство, великий князь Василий III. Продолжить дело отца предстояло сыну.

Об Иване IV, получившем в истории прозвище Грозного, о времени, в котором он жил, и написаны эти рассказы.

Сергей АЛЕКСЕЕВ

Карусель

Поражался простой народ. Что ни год, из Кремля, из дворцовых палат все новые и новые вести тайной молвой разносятся.

Сразу же после смерти Василия III зашевелилось боярство. Каждому поближе к власти стать хочется. Момент удачный. Великий князь Иван IV малолеток, недоросль. При таком-то князе, конечно, советчик нужен. Много желающих стать советчиками, а еще лучше быть первым — первосоветчиком, первосоветником.

Удачливее других оказался князь Овчина-Телепнев-Оболенский. Дороден он с виду. Умом не глуп. Он и вышел на первое место.

Перешептывается московский люд:

— Сила в руках у Телепнева-Оболенского. Овчина теперь за главного.

Однако недовольны другие бояре, что власть досталась Овчине-Телепневу-Оболенскому.

— А мы чем хуже!

Выбрали бояре момент. Скинули князя Овчину-Телепнева-Оболенского. Заковали в оковы, бросили в страшное подземелье. Умер в оковах, в темнице князь.

Власть в стране перешла к боярам, к совету, состоявшему из самых именитых, к Боярской думе.

Вышли теперь на первое место князь Иван Бельский и князья Шуйские. Однако не возникло между ними согласия. Князь Иван Бельский и его сторонники были за то, чтобы в России усиливалась власть великого князя и в своем единении государство крепло. Шуйские и их приближенные — за то, чтобы ограничить власть великого князя, чтобы и другие князья и бояре право на власть имели.

Началась между Бельским и Шуйскими борьба.

Шепот идет по домам, по московским улицам:

— Бельский осилит Шуйских. Бельский!

Но рядом с этими слышны и другие речи:

— Шуйские станут над Бельским. Шуйские.

И верно. Осилили Шуйские Бельского. Брошен в темницу Бельский.

Прошло недолгое время. Снова шепот ползет по домам, по московским улицам:

— Выпущен Бельский. Все же Бельский осилил Шуйских.

И верно. Выпущен из заточения Бельский. Первым советником ходит Бельский.

Не утихает борьба между боярами. Прошло два года, и новая новость плывет по городу:

— Сброшен, не удержался Бельский. Снова у власти Шуйские.

И верно. Организовали Шуйские заговор против Бельского. Не удержался у власти Бельский.

Догоняет новость одна другую:

— Сослан на Белоозеро Бельский. Посажен в тюрьму, в заточение.

И сразу за этим:

— Скончался в заточении Бельский. Людишками Шуйских в тюрьме прикончен.

Одержали Шуйские верх над Бельским. В первосоветниках ходят Шуйские.

Крутится, крутится карусель.

Молодой князь и бояре

Невзлюбил юный князь Шуйских, возненавидел. Немало обид и унижений перенес от них молодой Иван.

Самолюбив, памятлив на обиды великий князь. Не простится боярам прошлое.

Еще в тот год, когда князья Шуйские выступили против князя Бельского, один из приближенных Бельского спрятался от преследователей в спальне спящего Ивана. Ворвались сторонники Шуйских в спальню, разбудили, перепугали мальчика.

На всю жизнь запомнилась Ивану IV эта ночь. И топот чужих ног, и крики, и собственный страх.

Запомнил Иван и тот день, когда в одну из комнат великокняжеского дворца вошел князь Иван Шуйский, бесцеремонно уселся на лавку, оперся на постель Иванова отца, великого князя Василия III, даже ногу на нее положил.

Глянул на князя Ивана Шуйского исподлобья маленький Иван, глазенки налились гневом.

Самолюбив, памятлив на обиды великий князь. Не простится боярское непочтение.

Укрепив свою власть, Шуйские и вовсе перестали считаться с мнением Ивана. Однажды другой князь из рода Шуйских — Андрей, будучи в хмельном состоянии, даже руку пытался поднять на молодого князя.

Не думали бояре, что подросток-князь неожиданно проявит крутой характер. Терпел, терпел Иван. И вдруг. Случилось это из-за Федора Воронцова.

---

* Фрагменты из книги. Полностью книга выходит в издательстве «Детская литература» в нынешнем году.



Приблизил к себе Иван боярина Федора Воронцова. Милым он оказался ему человеком.

Видят Шуйские, молодой Иван все время рядом с Воронцовым держится. При разговорах с другими все о Федоре Воронцове говорит.

И умен Воронцов.

И красив Воронцов.

И характер — не злой, а ласковый.

Заволновались Шуйские. А вдруг из-за такого к нему внимания Федор Воронцов силу большую приобретет в государстве. Решили отделить Воронцова от великого князя. Даже пытались его убить. Иван заступился за любимого человека. Неохотно отступили Шуйские. Убить Воронцова не убили. Однако все же сослали подальше от Москвы, от Ивана, на Волгу, в город Кострому.

Случай с Воронцовым и оказался для Шуйских роковым. Не отступил Иван, не смирился с их решением. Кликнул к себе псарей. Приказал схватить ставшего к тому времени самым могущественным из всех Шуйских — Андрея Шуйского.

— Не сметь! — кричал князь.— Я Шуйский.

Не послушались псари. Выполнили Иванов приказ: забили до смерти князя Андрея Шуйского.

Задумались бояре. Поняли, время приходит грозное.

Было великому князю Ивану IV в ту пору тринадцать лет.

«Искать в России!»

Великому князю Ивану исполнилось 16 лет. Наступило время жениться.

Рано женились в те годы. Подоспела пора заводить семью и молодому князю.

Забегали приближенные. Засуетились. Не простое дело — жениться князю, к тому же великому.

Многое надо учесть. Многое предвидеть. Как правило, великие князья брали себе в жены заморских принцесс — дочерей королевских или царских фамилий или родовитых иностранок.

Вот и мать самого Ивана — Елена Глинская — была дочерью князя Глинского, выходца из Великого княжества Литовского, и родственницей сербских правителей.

И мать великого князя Василия III, отца Ивана,— София Палеолог — тоже была иностранного происхождения, племянницей византийского императора.

Ищут приближенные заморских принцесс. Прикидывают:

— Кто там есть из невест во французском королевстве?

— Кто там есть из невест в немецких княжествах?

— Кого присмотреть на земле греческой, земле сербской, польской или чешской?

И вдруг:

— Не хочу иноземной принцессы,— заявил великий князь Иван.— Желаю найти невесту в России.

Пытаются приближенные объяснить ему про старые порядки:

— Так ведь такое ведется издавна, испокон веков. Вот и батюшка твой, великий князь Василий III, и дед...

— Искать в России! — грозно повторил Иван.

Пришлось приближенным невесту искать в России. Разъехались гонцы в разные концы Русского государства. Стали отбирать в невесты великому князю самых знатных, самых красивых девушек.

В Москве состоялись смотрины. Выстроились невесты в ряд. Идет вдоль ряда молодой князь. Выби-

рает себе суженую.

Остановился князь Иван около девушки, которую звали Анастасией.

— Захарьина,— кто-то назвал фамилию.

— Вот,— указал на девушку пальцем князь.

Видного рода девушка, знатного. Еще в XIV веке ее предок Андрей Кобыла в числе русских знатных людей ходил.

Обвенчали в соборе Ивана и Анастасию Захарьину по тогдашним законам. Пропели длиннобородые попы им здравицу и пожелали счастья на долгие годы.

Свадьбу праздновали несколько дней. Молодые выходили на площади Кремля, представлялись народу.

Бойко идет веселье. Еще бы и дольше праздновали. Да вдруг прервал князь Иван буйные пиры.

— Хватит!

Решил он вместе с молодой супругой отправиться в далекую Троице-Сергиеву лавру и там помолиться богу.

Запрягали им княжеский возок. И вновь поразил всех великий князь.

— Нет,— замотал головой Иван.

Решил он отправиться пешком. Неблизко Троице-Сергиева лавра, 70 верст от Москвы.

Зима. Ветер срывается стылыми вихрями. Шагает великий князь Иван. Шагает великая княгиня Анастасия.

Верста за верстой. Верста за верстой. Ложится под ноги земля России.

Царская деньга

Любимке Ноздре досталась золотая деньга. Прямо с неба деньга свалилась...

Когда Ивану IV исполнилось 16 лет, еще одно важное событие произошло в жизни и самого Ивана, и всего Русского государства. Заявил молодой князь:

— Хочу венчаться на царство.

До этого Русским государством управляли великие князья.

И отец Ивана IV — Василий III — был великим князем.

И дед Ивана IV — Иван III — был великим князем.

Иван IV пожелал назваться царем.

Крутой поворот начинался в стране. Кончалось княжество на Руси. Царская власть создавалась.

Венчание Ивана состоялось в Кремле, в Успенском соборе. Собрались сюда бояре, князья, священники самых высоких званий. Вокруг храма сгрудился народ.

— Что там?

— Венчанье на царство.

— Как же это понять?

— Государева власть крепчает.

Стоит Иван IV в храме. Застыл. Свечи горят. Мерцают лампады. Лица святых с икон и со стен смотрят. Митрополит — старший из священников — благословляет царя. И сразу за этим пожелание многолетия государю:

от духовенства,

от бояр и князей,

от народа.

Кончилось богослужение. Стал царь Иван выходить из собора. И тут посыпались вдруг на него золотые монеты. Два знатных боярина, стоя на возвышении, бросали деньги. Сыпались они золотым дождем на лестницу, на ступени, на каменные плиты у входа в храм.

Это было пожеланием богатства стране и успехов царю.

В этот момент и появился у Успенского собора Любимка Ноздря. Видит, у входа в собор толпа. Ускорил шаг. Подошел вплотную.

— Что там, любезные?

— Венчанье.

— Кого?

— Князя Ивана.

— На что?

— На царство.

— Как же сие понять?

— Государева власть крепчает.

Видит Любимка: выходит из храма великий князь.

— Царь, царь! — понеслись голоса.

Прошел царь — прямой, молодой, высокий.

Выждали люди момент, второй. Бросились к каменным плитам, к ступеням храма. Потянулись к монетам. Блестит на ступенях, на плитах золото. Переливается. Досталась и Любимке золотая деньга.

Зажал он деньгу в ладони:

— Царская!

Был 1547 год. Начиналась в России новая пора. Стал великий князь Иван IV называться царем Иваном IV. С него и пошли на Руси цари.

Огнем начинается

Ездил Осирка Рябой под Звенигород к брату, а когда вернулся домой в Москву — нет дома. Сгорел дом, даже трубы не осталось.

Страшные пожары произошли в Москве в тот памятный 1547 год. Невиданные.

Первый из них вспыхнул 12 апреля. Загорелась в центре города одна из торговых лавок. За ней вторая, третья. Затем запылала Никольская улица. Пробушевал пожар вплоть до стен Китай-города. Пробушевал. Успокоился.

Прошла неделя, и снова огонь побежал по московским улицам. Вспыхнул на этот раз он за рекой Яузой. Это трудовая окраина города. Жили здесь гончары и кожевники. Понеслось, заплясало пламя по мастерским, по домам, по подворьям. Оставило груду пепла и плач обездоленных.

Хоть и великий был урон от двойного огня в апреле, однако самые страшные беды ожидали москвичей впереди. Прошел май, к исходу шагал июнь. И тут...

Не видел Осирка Рябой пожара. Прибыл из-под Звенигорода на пепелище. Уезжал — оставил Москву Москвой, вернулся — мертва красавица.

Вспыхнул огонь на Арбатской улице. Ветер гулял в те часы над Москвой. Вмиг добежало пламя до стен Кремля. Перепрыгнуло стены. Заметался в Кремле, как в западне, огонь. Обдало кремлевские площади жаром. Большинство строений в Кремле в те годы были деревянными. Вспыхнули терема и кремлевские палаты еловым лапником. Расхохотался, радуясь силе своей, огонь. Гигантским кострищем взметнулся в небо.

Накалились кремлевские стены. А в стенах пороховые склады. Порох стал взрываться. Ломал, крошил стены. Адский грохот над городом.

Завершив расправу с Кремлем, огонь побежал по московским улицам.

Идет, идет по Москве огонь.

— Господи, помилосердствуй.

Не жалеет огонь людей.

— Господи, помилосердствуй.

Более тысячи жителей погибли в пламени.

Смотрит Осирка на пепелище.

— Вон оно — царство. Огнем начинается.

Рисунки М. ПЕТРОВА.







Пете **ВИНОГРАДОВУ** 13 лет, он москвич, учится в школе № 364, перешел в 7-й класс. Стихи пишет с 8 лет.

Что нам понравилось в Петиных стихах? Умение наблюдать и умение думать. Все, что его окружает, все, что он видит, служит ему поводом для размышления. О том, как земля прячется под снегом. О том, как песня прогоняет печаль. О том, что такое дружба. О том, что будет через много лет. И, главное, о том, как это прекрасно — жить на белом свете!

Может быть, не все стихотворения у Пети получились складными, зато для каждого он нашел свои собственные слова.

* * *

Октябрьское утро во дворе,
Я на балкон в задумчивости вышел.
Осенний ветер гладил по спине,
А мелкий дождь накрапывал по крышам.

Я стал смотреть на улицу, на дом,
На серый дом с коричневым подъездом.
А старый дворник взял свой ржавый лом,
А по двору шел черный кот облезлый.

Я стал смотреть на капли, на людей,
А капли, словно слезы расставанья.
И возникало множество идей
По поводу осеннего прощанья.

Прохожие шли быстро, торопясь,
А листья опадали прямо в воду.
Под сапогами хлюпала не грязь,
А хлюпала осенняя погода.

И зонтики, как бледные цветы,
Ползли под листопадом меж деревьев,
И с крыш спадали капельки воды...
А я писал свое стихотворенье.

Я через много лет приду сюда,
Увижу серый дом с коричневым подъездом,
Где пролетели детские года,
И где по улице шел черный кот облезлый.

* * *

Я сяду в поезд
И поеду за город.
Я там увижу
Множество чудес:

Поля, озера,
Бугорки и рощу

И сильный и большой
Могучий лес.

Я на природе
Сяду и задумаюсь:
«Как хорошо, что жизнь тебе дана,
Которая природой создана».

* * *

Конец поры осенней во дворе,
Уже и снег летел и землю укрывал,
А я сидел и думал о зиме,
А я сидел и песню сочинял.

В окно смотрел, снежинки там летели.
Я думал о морозах и о стуже,
О вьюге думал я и о метели,
А за окном уже замерзли лужи.

Собака моя бегала по снегу, по земле,
Пришла домой с снежинками на шерсти,
А я сидел и думал о зиме,
И это так прекрасно, мне поверьте.

Мечтал о зимнем празднике, о лыжах, о снежках,
О елке с настроением хорошим;
О горках, о хоккее, о коньках,
Об утренней нетронутой пороше.

О гладком и серебряном снежке,
Блестящем в синем свете фонаря...
Я все сидел и думал о зиме,
А в белый снег уже укуталась земля.

* * *

Птицы по серому небу летают,
Туча над городом нашим повисла,
Ветер прохладный деревья качает,
И разлетаются желтые листья.

Хмуро домишки стоят под дождем.
Дождь все идет, а уже потемнело...
Сядем за стол мы и свечку зажжем,
Песню споем — и печаль улетела.

В серой дымке костра

В серой дымке костра
Посерела земля,
В серой дымке костра
Постарели дома.
И дорога к роднику
От жизни почернела,
И огромная ворона
Давно уж улетела.

Рощи хмуро стоят
На холмах небольших,
Листья плавно летят,
Ветер шумный утих.
В серой дымке костра
Тает снег на земле.
В серой дымке костра
Я являюсь тебе.

Все для друга

Все для друга нужно сделать:
И в огонь пойти,
И в стремительную реку
Плыть — его спасти.
От пожара, от потока,
От врагов его.
Надо заступиться сразу.
Ясно?
Вот и все.

ГОРОСКОП



ЗНАКИ

Знак ОГНЯ — Лев, Стрелец, Овен: родившиеся под этим знаком могут стать старостами класса.

Знак ВОЗДУХА — Близнецы, Весы, Водолей: под этим знаком, как правило, рождаются отличники.

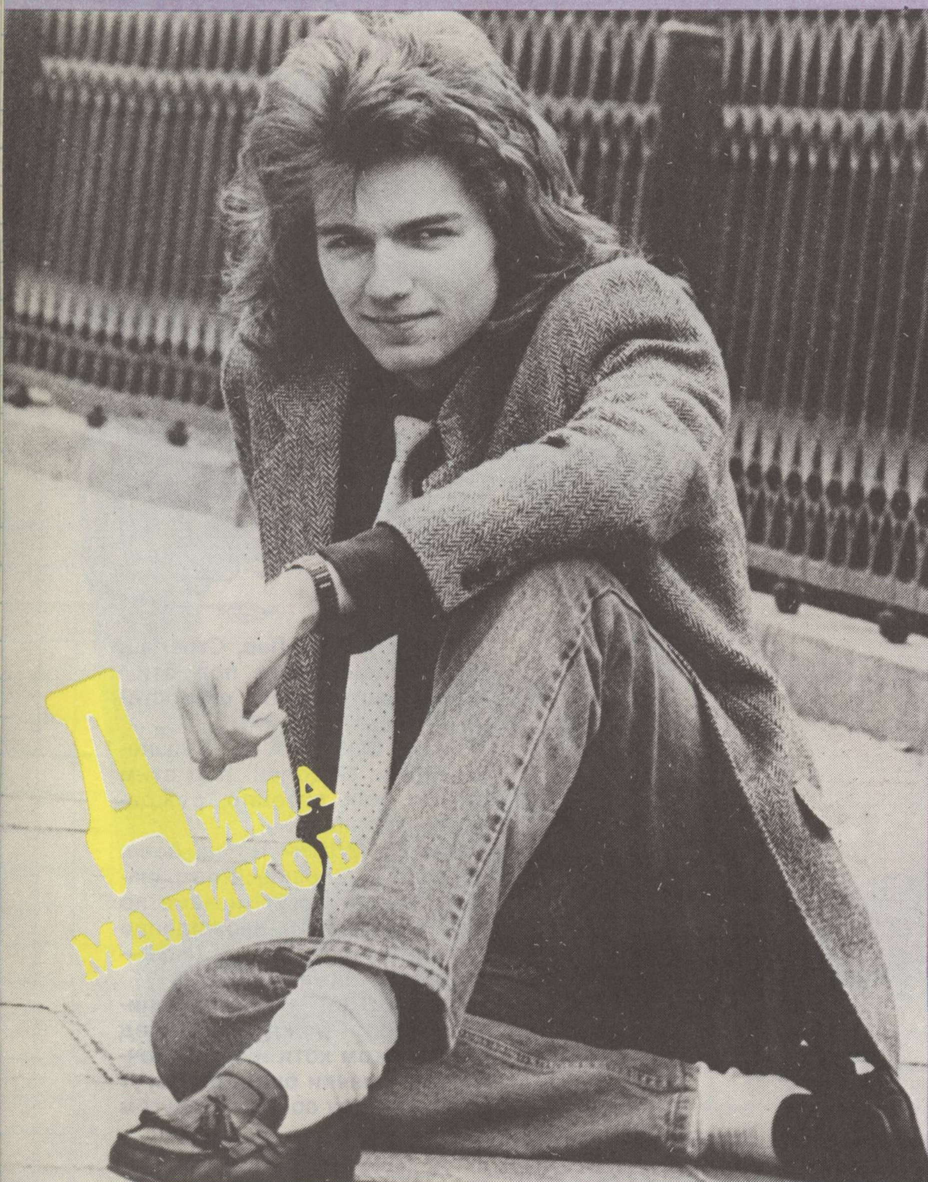
Знак ЗЕМЛИ — Телец, Дева, Козерог: родившиеся под знаком Земли могут незаметно для окружающих неожиданно оказаться впереди, и еще — спорить с ними сложно.

Знак ВОДЫ — Рак, Скорпион, Рыба: рожденные под этим знаком хотя и знают точно, где у речки брод, но могут влезть в воду совсем в другом месте.

КАЛЕНДАРЬ-ЗАКЛАДКА

СЕРИЯ «КОЛЛЕКЦИЯ»





29 января 1990 года Диме Маликову исполнилось 20 лет. Юбилей он отметил удачно сданной зимней сессией в Московской государственной консерватории. Профессора довольны: студент Маликов подает большие надежды. Ну а сам пианист? (Дима занимается по классу фортепиано.) Он настроен достаточно критично.

Много работает. Иначе, наверное, нельзя, ведь приходится успевать и за роялем и не разочаровывать многочисленных поклонников, которые ждут от него новых песен, да и не прочь послушать уже полюбившиеся.

Любовь к музыке у Димы от папы. Юрий Федорович — руководитель ансамбля «Самоцветы». Да и мама у Дмитрия «музыкальная» — артистка балета Людмила Вьюнкова. Юрий Федорович помогает сыну устраивать концерты и выступления. Если говорить деловым языком, Димин папа исполняет функции менеджера.

— А не помогает ли он сочинять песни? — поинтересовался я у Димы.

— Нет, не помогает. Иногда, правда, делает общие замечания. Ну а что касается творчества, то отец никогда ни в одну из моих песен не вмешивается и не считает это нужным, потому что я должен справляться сам.

— Твои песни мелодичны. А как ты относишься к року?

— Мне кажется, не стоит разграничивать музыку по стилям, просто есть гениальная музыка, есть средняя и плохая. Основной критерий — качество.

— Карьера и известность поп-певца влияют на отношение к тебе товарищей по курсу консерватории?

— Нет. Я, как и все, участвую в концертах классической музыки, и пока плохих отзывов о себе как о пианисте я не слышал. Конечно, я сам знаю все свои недостатки. Но мне кажется, звездной болезнью не страдаю. Я прихожу в консерваторию учиться. Вот и все.

— Дима, а поклонницы твоих песен приходят на концерты, где ты исполняешь классическую музыку?

— Да. Они следят за афишами и приезжают на концерты в консерваторию и на другие концерты тоже. И получается, когда я выступаю, зал бывает полон (мечта любого студента), хотя я свои выступления не рекламирую. Считаю, что не готов к сольным концертам, и многому мне необходимо еще научиться.

— Как ты относишься к поклонникам?

— С большим уважением. Я им очень благодарен. Встречаюсь с ними, хотя, конечно, пообщаться со всеми просто невозможно. Самое главное — ребята в меня верят, любят мои песни.

— Ну, и, наконец, хотелось бы услышать твой прогноз: как долго продлится увлечение такими группами, как «Ласковый май», «Звезды», «Мираж»?..

— Мне трудно ответить. Если потребность в такой музыке есть, то пусть она будет. Думаю, эта мода еще продлится. Но будем надеяться, что наряду с ней появится увлечение более сложной и глубокой музыкой.

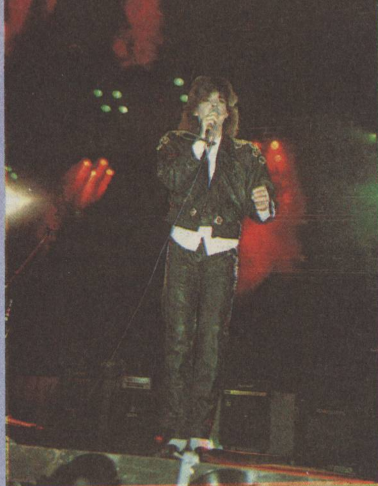
Беседовал А. КАСПАРОВ.

АВГУСТ

Пн		6	13	20	27
Вт		7	14	21	28
Ср	1	8	15	22	29
Чт	2	9	16	23	30
Пт	3	10	17	24	31
Сб	4	11	18	25	
Вс	5	12	19	26	

Беззубцовая марка «Синий Маврикий» увидела свет в 1847 г. На марке — профиль королевы Виктории (остров Маврикий был английской колонией). Слева выгравировали «Post office» (почтамт), а надо было «Post paid» (почтовый сбор уплачен). Когда ошибку заметили, было напечатано 500 экземпляров марки. Выпуск остановили, и ошибку исправили. Сейчас марок с такой ошибкой осталось всего 12.

ВОПРОС НА БЕГУ

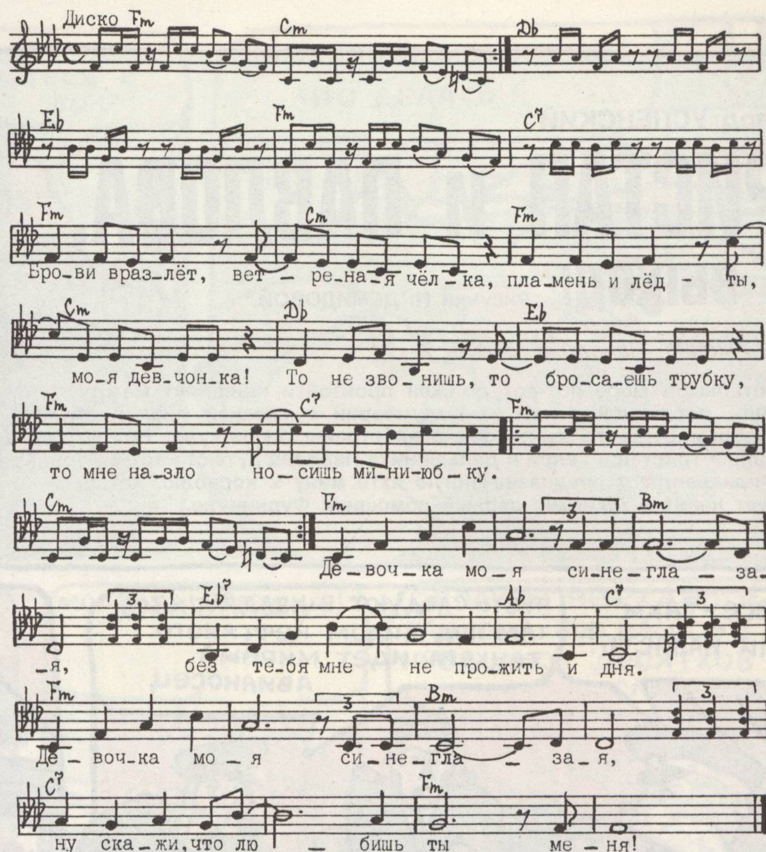


С вопросом на бегу ничего не получилось — догнать Женю БЕЛОУСОВА наш корреспондент не смог. Он пришел, грустный, в редакцию, включил радио, ну и, конечно же, услышал популярную песню в исполнении Жени. Кстати, вот она сейчас льется из «Динамика».

ДИНАМИК

Музыка Виктора ДОРОХИНА.
Слова Любови ВОРОПАЕВОЙ.

ДЕВОЧКА МОЯ СИНЕГЛАЗАЯ



Брови вразлет, ветреная челка,
Пламень и лед — ты моя девчонка!
То не звонишь, то бросаешь трубку,
То мне назло носишь мини-юбку.

Припев: Девочка моя синеглазая,
Без тебя мне не прожить и дня.
Девочка моя синеглазая,
Ну скажи, что любишь ты меня!

Я без тебя, без твоих насмешек
Жить не могу, твердый мой орешек!
Ты вся моя, и никто не знает,
Как хорошо мне с тобой бывает!

Припев.
Кто я тебе — я не знаю четко.
Знаю одно: ты — моя девчонка!
Пусть ничего не решил пока я,
Знаю одно: мне нужна такая!

Припев.

Объявляем итоги летнего ХИТ-ПАРАДА

I МЕСТО.
Группа «Ласковый май».
Песня «Глупые снежинки».

II МЕСТО.
Группа «Сталкер».
Песня «Не плачь, Алиса».

III МЕСТО.
Группа «Кино».
Альбом «Звезда по имени Солнце».

Поздравляем победителей хит-парада и благодарим всех друзей «Клип-клуба», приславших нам открытки. А вслед за этим ОБЪЯВЛЯЕМ НОВЫЙ ХИТ-ПАРАД. Интересно, кто теперь станет победителем?

BLACK SABBATH

ГОСТ 5289-88
Гр.3.2-25

СТЕРЕО
С 90 29145 002
I сторона

Выпуск 1990 г.

«БЛЭК САББАТ»

1. Черная суббота. 2. N.B. 3. За стеной сна.
4.Караван планет.
Оззи ОСБОРН — вокал. Тони АИОММИ — гитара.
Тэрри БАТЛЕР — бас. Билл УОРД — ударные.
Записи 1970 года.
«ПИОНЕР» — «МЕЛОДИЯ»

Эдуард УСПЕНСКИЙ

ТРИСТАН и ПАВЛОВА, НА ВЫХОД!

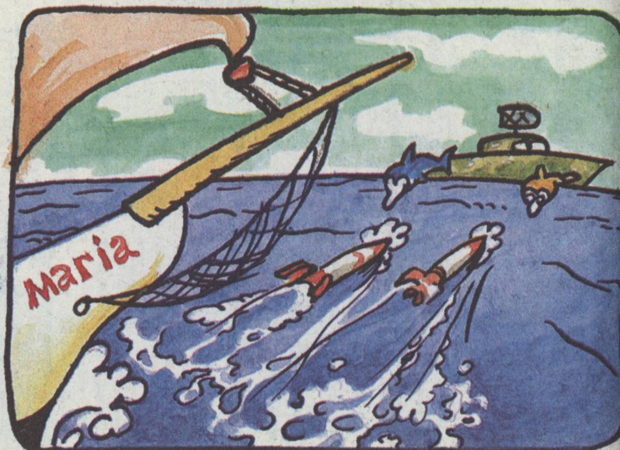
Рисунки Н. ДЕМИДОВОЙ.

Продолжение. Начало в №№ 6, 7.

В открытом море вот-вот должен произойти конфликт между яхтой «Мария», посланной к нам из Колумбарии с миссией мира и дружбы, и кораблем бывшего диктатора этой страны Фурникуле. Но разумные дельфины Тристан и Генри и дельфиниха Павлова путают карты Фурникуле и прикрепляют предназначенную яхте мину к кораблю, которым командует капитан Джимми, верный помощник Фурникуле.











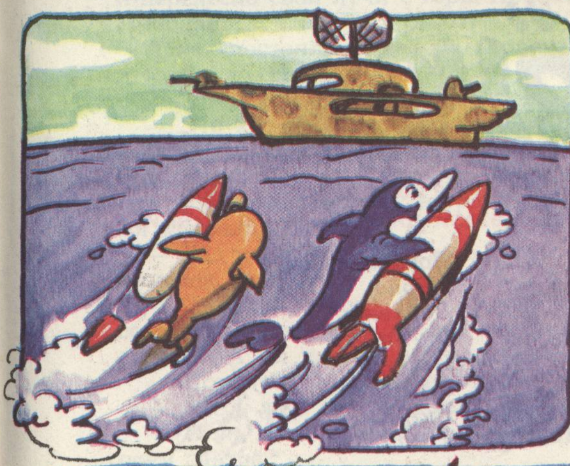






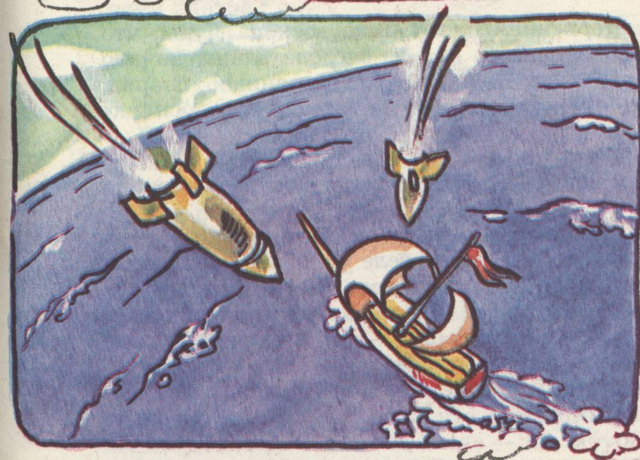




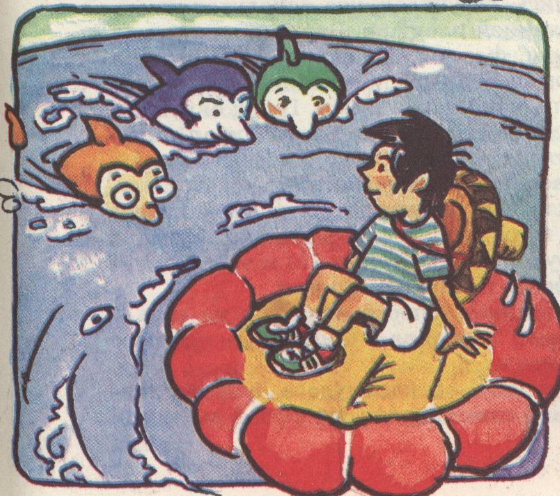




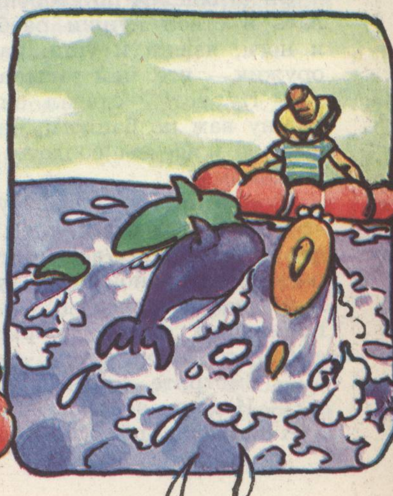












ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

Джан Луиджи Пиччоли — известный итальянский писатель. Герой его удивительного романа-сказки Луненок, младший брат знаменитых Пиноккио и Чипполино, путешествует по всему свету, поскольку книжка переведена на многие языки мира. Но Пиччоли хотелось, чтобы Луненок приземлился и в России,— он даже написал нам об этом письмо. Недаром среди его посвящений русское имя — Иван.

Джан Луиджи ПИЧЧОЛИ

Рисунки Д. ГОНЧАРОВОЙ.

Я — ЛУНЁНОК

Эту странную историю, которая нигде не происходила, но могла бы произойти где угодно, пересказали для вас Ольга КУЧКИНА и Валерий НИКОЛАЕВ.

Посвящается
Марио,
Паблито,
Ян-Юнгу,
Ивану,
Ольфину,
Ингрид
и Али.

Пушка воевала уже много лет. В ее бедном фантазией словаре было всего одно слово «Бум!», но канонир Спаравант, что означает Стреляющий Вперед, отлично понимал его, гораздо лучше всех солдат и офицеров, которые в мундирах белого, голубого, желтого и бирюзового цветов без конца сражались друг с другом.

Спараванту до чертиков надоела война, и ему хотелось как можно скорее вернуться на свою мельницу к красавице жене Солидее, что означает Солнечная. Однако сколько бы раз его пушка ни говорила «Бум!», генералы собирали оставшихся в живых солдат и офицеров, расставляли их согласно цветам мундиров и снова бросали в сражение. И тогда Спаравант потерял терпение.

— Раз так, я приготовлю вам специальный снаряд! — решил он однажды.

Он огляделся по сторонам и принялся запихивать в ствол пушки разбросанные вокруг руки и ноги, языки и уши, части доспехов и детали оружия — все, чем засыпаны поля брани.

— Ну вот! — сказал он, довольный.— Сейчас тресну вам по башкам, навсегда потеряете охоту воевать, и все мы, солдаты и генералы, разойдемся по домам!

Пушка присела, поднатужилась и сделала свое «Бум!». Вместе с пламенем из ствола вылетело все, что напихал в нее доблестный канонир, перемешалось с голубизной неба, лучами весеннего солнца и свежим воздухом, и... появилось Нечто, сперва принявшее форму шара, а затем маленького смешного человечка.

— Смотрите, какой шар! — закричали солдаты.— Или это осколок? Какой странный осколок!

А офицеры-джентльмены, выпускники Оксфорда, с нетерпением ожидавшие восхода Луны, что означало бы конец дня и, следовательно, начало вечернего чая, увидев этот странный снаряд, отблеск от которого лег на их штыки, воскликнули:

— Беби-мун!

В переводе с их английского языка это означало Лунный Ребенок. Или Луненок.

И когда, пролетев полмира, снаряд мягко упал на землю, это и в самом деле уже был мальчишка во плоти и крови. На вопрос старого вежливого Сельдерея, которому он, падая, помял прическу: «Кто ты будешь, малыш?» — он, вспомнив понравившееся ему имя, ответил:

— Я не буду, я уже есть. Я — Луненок!

* * *

Осмотревшись, он увидел, что находится на маленькой стеклянной площади. Все было из стекла. Дома, тротуары, фонари, походившие на бокалы, блюдца и рюмки. Они располагались вокруг шикарной бутыли, как вокруг замка. Город окружала стеклянная стена без ворот. Все заливал таинственный свет.

— Как красиво,— прошептал Луненок.

Он поднял голову и увидел Луну. Она висела низко-низко и разглядывала малыша. Луненок помахал ей рукой и улыбнулся. Но в этот момент с другой стороны поднялось Солнце.

— Какой странный способ являться на свет,— проворчало оно, поправляя Сельдерею помятую Луненком прическу.

— Главное не это,— откликнулась Луна.— Главное, что ребенок совсем один. Вот если б вы могли помочь ему!

— Только без просьб,— любезно, но твердо отчеканило Солнце.— Мало того, что я горю на своей ответственной работе. С утра до вечера поддерживаю нужный климат, освещаю жизнь на Земле. Так я еще должно тратить себя на такую мелочь, как один-единственный мальчишка!

— А знаете ли вы, что его зовут почти так же, как меня? — сказала Луна.— А его мать, мельничиху Солидею, совсем, как вас!

— Вот и покажите ему дорогу к его матери,— посоветовало Солнце.— Но не опекайте слишком. Никому не надо создавать тепличных условий. Пусть будет, как все.

— У вас сегодня плохое настроение? — осведомилась Луна.

Но Солнце поднималось все выше и выше.

— Минутку! Подождите!..

— Солнце не ждет никого! — бросило Солнце и перенесло свои лучи с горы Арарат на вершину Монблана.

Луна постояла-постояла, подумала-подумала, и тоже удалилась. Луненок остался один.

— Хочу молока! — закричал он.

— Это кто здесь кричит?

Эхо разнесло чей-то скрипучий голос по всему стеклянному городу. Под перевернутым стаканом Луненок увидел шмеля, встряхивавшего пыльными крылышками.

— Рад вас видеть,— сквозь слезы поздоровался Луненок.

— Это ваше личное дело,— сухо отозвалось насекомое.— Здесь уже сто лет никто не плачет и не смеется. А ты почему плачешь?

— Потому что я голоден и ищу свою маму.

— Здесь уже сто лет никто не ест.

— Если я не поем сегодня, то, может быть, поем завтра.

— Здесь нет времени.

— Тогда поспешим скорее отсюда!

— Охотно, но кто меня выпустит?

— Я! — сказал Луненок и перевернул стакан.

После стольких лет тюрьмы, сумасшедший от счастья шмель расправил крылья и полетел ввысь, чувствуя себя орлом. Но все же он не был орлом, а был простым шмелем, сошедшим с ума от счастья. И он упал с высоты и умер от разрыва сердца.

Луненок застыл, пораженный. Он не знал, что и подумать. Подождав немного и увидев, что шмель не шевелится, он с грустью встал и направился к ближайшему дому, надеясь найти в нем немного молока. Он открыл дверь и вошел. В доме было полно пыли, потому что сюда сто лет никто не входил. Пыль лежала везде — на табуретке, на шкафчике, на верстаке. Это оказалось жилище сапожника. Повсюду виднелись сапожные инструменты: молоток, шипцы, гвозди, деревянные колодки для башмаков. Имелось все, не имелось только молока.

— Ну и ладно, завтра мне даст молока моя мама,— сказал Луненок сам себе и свернулся калачиком на верстаке среди инструментов. Последнее, что он успел подумать, засыпая: «Странные все-таки эти шмели...»

* * *

Проснулся он в хорошем настроении, сделал зарядку и спрыгнул с верстака. Подошел к зеркалу и сказал своему отражению:

— Сейчас я сделаю тебе мундир, как у папы Спараванта. Увидишь, как все начнут тебя уважать.

Взял кисточку и, обмакнув ее в большую банку с краской, нарисовал на ногах белые лосины канонира. Макнул в другую — получились черные ботфорты. Голубой краской он нарисовал себе мундир, а красной — отвороты на нем. Маленькой кисточкой он сделал золотые эполеты, золотой шнур и десять пуговиц. И взглянул в зеркало:

— Потрясающе! Что ты на это скажешь, пила?

— Что я скажу? Действительно, неплохо...

Услышав голос, Луненок разинул рот. Чтобы убедиться, что не ослышался, он на всякий случай задал вопрос лежащему рядом Молотку:

— А как тебе, Молоток?

— Ты забыл про карманы,— заметил Молоток дружески.— Но вообще совсем неплохо.

Луненок с размаху уселся на пол.

— Так вы разговариваете?!

— А почему тебя это удивляет? — пропилила Пила.— Слова принадлежат всем.

— Тогда понятно, почему они ничего не стоят,— тут же сообразил Луненок.

— Ты не прав.— Молоток покачал квадратной головой.

— А почему вы ждали, чтобы я первый обратился к вам, а не сами заговорили со мной?

— Потому что мы инструменты,— ответила Пила,— и ничего не делаем по своей инициативе. Лежим, куда положат. Начинаем работать, когда получим команду. И отвечаем, когда спрашивают.

— Посмотри на наших товарищей — Молоток показал на Щипцы, Гвозди и Напильник.— Они очень хотят поговорить и поработать, потому что молчат уже сто лет. Но ты к ним не обратился, и они лежат без дела.

— Если ты пожелаешь, малыш,— добавила Пила своим скрипучим голосом,— мы станем тебе верными друзьями и помощниками.

— А что вы хотите взамен?

— Ничего.— Пила, кажется, слегка обиделась.

— Разве так бывает? — Луненок даже вскочил на ноги.— Что-то кому-то делать и ничего не хотеть взамен?

— Бывает, бывает! — закивали инструменты.

— Возьмешь нас с собой, сам убедишься,— сказал Молоток.

— Не беспокойся, мы честно отработаем свой хлеб,— пообещала Пила.

— Не оставляй нас здесь, Луненок. Если б ты знал, как мы хотим быть полезными кому-то!

И Луненок позвал:

— Гвозди!

Те прыгнули к нему прямо в руки.

— Напильник! Рашпиль! Клещи! — стал он называть торжественным голосом.

Те, кого он называл, поднимались, отряхивали с себя пыль и радостно говорили:

— Доброе утро, Луненок!

— Привет, засони!

Сапожные Колодки, спрыгнув с верстака, сделали тур вальса. От счастья.

— Я хочу есть,— вспомнил Луненок.— Пойдемте поищем молока!

— Не раньше, чем ты сделаешь себе карманы! — заявили хором Напильник и Рашпиль.

— Чтобы нам было где прятаться в случае дождя,— пояснили щипцы.

Будучи в возрасте, они особенно боялись простуды.

Луненок взял кисточку и нарисовал удобные карманы с клапанами на лосинах и на мундире.

— Вперед! — воскликнул он и толкнул дверь на улицу.

— Вперед! — поддержал его Молоток.— Навстречу будущему!

— Навстречу жизни! — в тон ему подхватил весь железный народец.

* * *

Друзья не прошли и десятка шагов, как наткнулись на запыхавшуюся Черепаху.

— Наконец-то! — сквозь одышку проговорила она.— Я ищу тебя с самой ночи!

— Меня?! — удивился Луненок.— Зачем?

— Чтоб отвести тебя к твоей маме.— Она все еще не могла отдышаться.— Меня попросила об этом Луна. Садитесь-ка все ко мне на панцирь и поехали на Круглый Холм, где живет твоя мама, которую зовут Солидея.

— Ура! — закричали инструменты.

— Никакое не ура,— возразил Луненок.— Вы что, не видели, как она еле-еле ползет! Как раз с ней-то мы время и потеряем. Лучше пойдем пешком. Спорим, мы будем у мамы раньше нее!

— Учти: тише едешь, дальше будешь,— заметила Черепаха.

— От того места, к которому едешь,— сострил Луненок.

— Мудрая Черепаха усмехнулась.

— И все-таки мой тебе совет, Луненок: не торопись.

— Ты тоже, Черепаха!

Она еще раз усмехнулась.

— Я вижу, ты встал и не умылся. А по утрам, чтоб ты знал, надо умываться. Каждый день. И вынь палец из носа, в носу ковырять нехорошо.

Луненок хмыкнул. На этом они расстались.

— Неплохо бы подкрепиться перед дорогой,— обратился Луненок к своим товарищам, огорчившимся оттого, что нельзя проехаться на панцире Черепахи.

— Пошли во дворец! — предложила Пила.— Там уже сто лет стоит накрытый стол.

И она поведала Луненку историю города. Сто лет назад в городе случился голод. Все, у кого была какая-нибудь профессия, покинули его. Остались только король с королевой и их придворные, которые ничего не умели делать. Город остекленел. И все оставшиеся остекленели. Так и сидят, стеклянные, в своем стеклянном дворце.

— Здравствуйте! — обратился Луненок к присутствующим, поднявшись в зал по лестнице из синего стекла.— Не найдется ли на королевском столе молока?

Никто ему не ответил. Королевская чета неподвижно сидела, уставившись друг на друга.

— Король, наверно, не расслышал,— объяснил перепуганным инструментам Луненок и, подойдя поближе, гаркнул королю в самое ухо: — Дай молока, заколдованная жадина!

Это было равносильно разговору со статуей.

— Хорошо! Тогда я сам налью себе молока! — решил Луненок и вскарабкался на королевские колени, а с коленей на стол.

На столе было все, что угодно: ветчина, печеная дичь, что-то такое, чему и названия нет, а молока не видно.

Он нашел его под самым носом у королевы.

— Извините, ваше величество,— вежливо сказал Луненок и осушил кружку до дна.— А теперь поешьте вы.— И он повесил связку сосисок на шею королеве.— Вы тоже, ваше величество! — И он прилепил кусок ветчины на лоб королю.— А теперь опять вы! — И вывалил на голову королеве тарелку макарон с томатным соусом.— И вы! — Залепил сырым яйцом в физиономию королю.

— Ой, что будет! — ахнули инструменты.

— А ничего не будет! — отозвался Луненок и пошел по тарелкам, которые со звоном стали разбиваться под его ногами.

— Луненок, так не делают! — обрушился на него Молоток.

— Надо уходить,— стукнули Колодки.

— Но мы не знаем, как отсюда выбраться,— запела Пила.

— А вот он нам скажет! — продолжал озорничать Луненок и, схватив Молоток, занес его над головой короля.

— Не делай этого, Луненок! — взмолился Молоток.

— Если не скажешь, тебе придется плохо,— последний раз предупредил Луненок.

Король продолжал сидеть с прежним выражением лица. И тогда Луненок опустил Молоток на его голову.

Не успели осколки королевской головы упасть на пол, как стеклянный город исчез.

— Вот мы и вышли,— констатировала Пила таким тоном, будто все случилось благодаря ей.

Молоток лежал, боясь открыть глаза.

— Вставай,— сказал ему Луненок.— Мы свободны!..

* * *

Весь день они двигались от холма к холму. Но каждый раз это оказывался не тот Круглый Холм, у подножия которого стояла мельница, где жила Солидея.

— Какая большая эта Земля! — задумчиво моргал Луненок.— Что же нам делать, скажите, вы, те, кто живет на свете давным-давно и знает, как что делается?

— Я всегда думал, что мир кончается в стенах мастерской,— признался Молоток, потупив глаза.

— И мы,— подтвердили грустные Гвозди,— мы тоже никогда не покидали нашей коробки и были уверены, что мир — это полка, на которой мы лежим.

На счастье, пролетал Ветер, и Колодкам пришло в голову спросить у него:

— Ветер, Ветер, ты летаешь повсюду, не мог бы ты сказать, в каком направлении Круглый Холм?

Но Ветер не мог усидеть на месте даже мгновение. Как многие дети. Вчера он сбежал из Города Товаров и спешил всю ночь, чтобы поспеть в Страну Кастрюль. Он успел лишь просвистеть:

— Какая тоска, друзья мои, какая тоска! Как тосклив этот мир!.. Там впереди ковыляет старуха Канелла, что означает «Труба», спросите у нее.. Какая тоска, люди...— И исчез за горой.

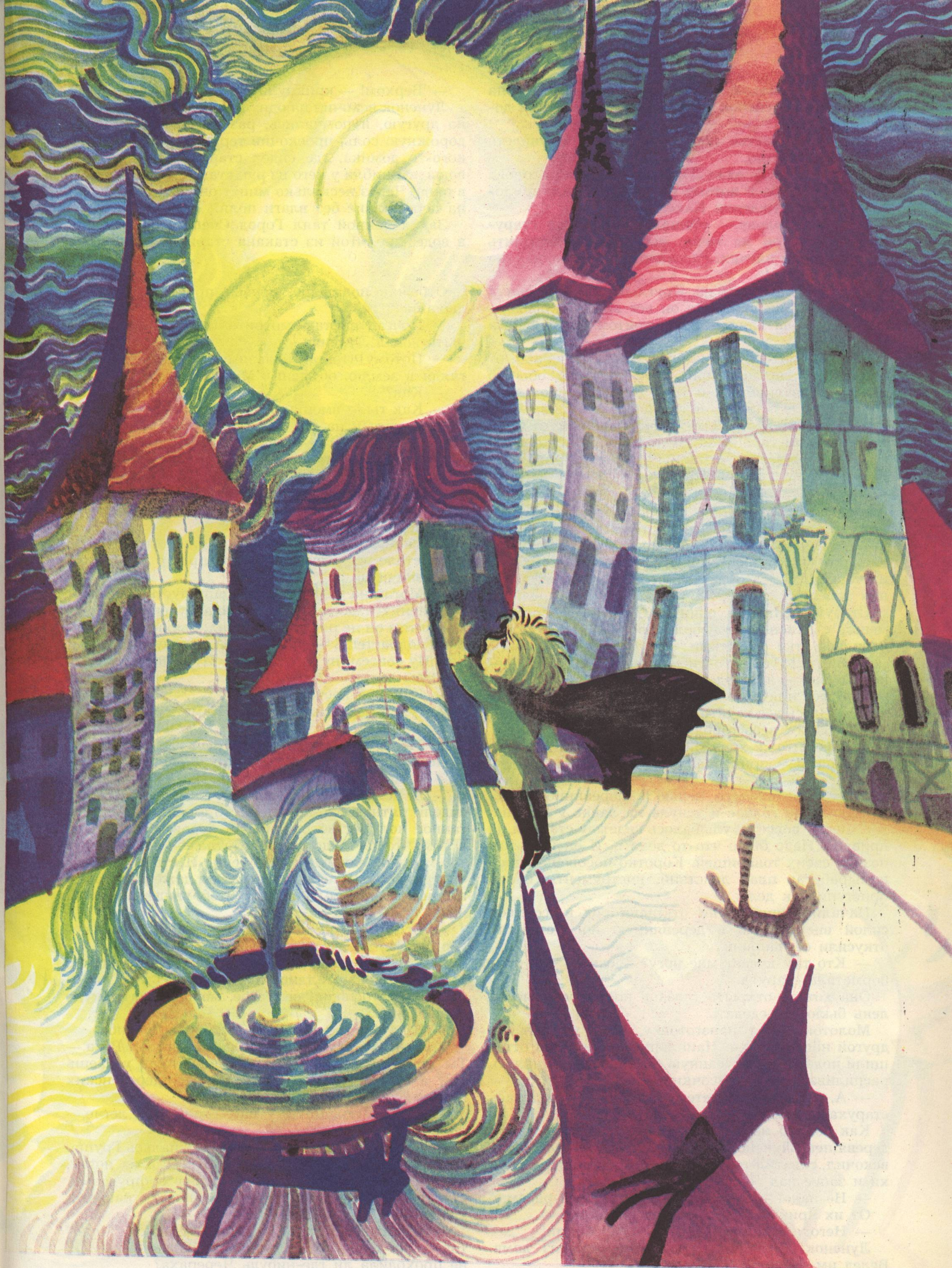
Друзья ускорили шаг и через некоторое время нагнали тощую старуху, на деревянной ноге, с мешком за плечами, из которого торчала ее настоящая нога.

— А почему?..— начал было Луненок, который никогда прежде не видел старух, таскающих собственную ногу в мешке, и желая все знать.

— Никаких «почему»,— огрызнулась старуха и, двинув ему ногой по голове, засунула его в свой мешок.

Странная старуха была эта Канелла. Ленивая до предела, ленивей некуда. Как только она увидела Луненка, сейчас же подумала: «С такими инструментами этот мальчишка будет работать на меня всю жизнь».

— Я ищу, кто бы отремонтировал мне ногу,



крышу и дымоход в камине,— произнесла она вслух, когда Луненок зашевелился в мешке, и добавила:

— Какое счастье повернуть голову и увидеть того, кого ищешь.

— Ох, ох, ох,— охал Луненок, у которого голова болела от удара и потому не воспринимала философских рассуждений Канеллы.

— Выше голову,— утешала его бравая старуха.— Посмотри на меня, вынужденную тащить тебя на своих плечах. Расскажи-ка лучше, как ты здесь очутился!

— Я должен идти на Круглый Холм,— начал объяснять Луненок.— Но он все время скрывается от меня за каким-то горизонтом. Ты знакома с ним?

— Знакома.— Старуха еле языком шевелила от лени.— Ты должен знать, что горизонт обычно лежит, развалившись и грея пузо, но иногда на него находит каприз, и он выгибает спину, или подгибает ноги, или бежит, как угорелый, от того, кто слишком торопится до него добраться.

— Действительно, странный этот горизонт,— заметил Луненок.

В этот момент они вступили в Город Специй, с домами из белой соли, а дорогами — из желтой. Жители этого города всегда хотели пить. Несмотря на это, они были хорошие люди, хоть и ленивые. Крыши и двери их домов, а также тротуары были из черного перца. Все специи привезены из дальних земель.

Старуха вошла в один из дворов и сбросила мешок с Луненком в небольшой сарайчик, где находилась утка с утятами.

— Я съел бы чего-нибудь,— обратился Луненок к утке,— я голоден.

— Здесь никто не бывает голодным,— ответила утка.— Здесь все хотят пить. Но, не дай бог, пойдет дождь: смоет весь город.

— Так я тоже хочу пить! Я хочу молока!

— Спать! — приказала старуха.— Ночь на носу. Спать.

Она привязала его цепью к деревянной ноге, погладила по голове и уснула на лавке у камина.

Луненку вовсе не улыбалось сидеть у старухи на привязи. Надо было что-то делать. И он шепотом позвал своих товарищей. Коротко посовещавшись и выработав план действий, инструменты споро приступили к делу.

Начали Щипцы. Они открыли рот и, со всей силой вцепившись в деревянную ногу старухи, откусили ее напрочь.

— Кто там кусает мне ногу? — сквозь сон пробормотала старуха.

Она хотела открыть глаза и посмотреть, но ей лень было это сделать.

Молоток стоял наизготовку, чтоб ударить по другой ноге старухи. Напильник и Рашпиль оттащили подальше откусанную ногу, Пила принялась распиливать ее на кусочки.

— А, вы ремонтируете мне ногу! — догадалась старуха и снова уснула.

Как только нога превратилась в груду мелких деревяшек, Луненок сбросил перепиленную цепь, вскочил, схватил торчавшую из мешка ногу старухи и занес над ее головой.

— Не надо! — закричали инструменты разом.

От их крика старуха проснулась.

— Негодяй! — заорала она.— Разбойник!

Луненок и инструменты выскочили из дома. Вслед им неслось:

— Воры! Воры! На помощь!

— Верхом! — крикнули Колодки.

Луненок вскочил на одну из них, инструменты — на другую, и помчались, разбрасывая в стороны дорожную соль, проскочив террасу и спальню какого-то домика, где сидел старичок со стаканом воды, вышибли у него из рук стакан и выпрыгнули в окно. Через несколько минут они уже вырвались на пересохшие без влаги поля.

За их спиной таял Город Специй, растворяясь в воде, пролитой из стакана старика.

* * *

Отбежав подальше, друзья присели перевести дыхание.

— Почему вы так смотрите на меня? — полюбопытствовал Луненок.

— Потому что так нельзя себя вести,— угрюмо глядя в землю, объяснил Молоток.

— Как?

— Как ты,— вмешались Щипцы.— Схватил старухину ногу и на нее же и замахнулся.

— Здравствуйте! — изумился Луненок.— Вы ей ногу отпилили, а я только замахнулся! Вам можно, а мне нельзя.

— Мы сделали это ради свободы. Твоей и нашей. А замахиваться просто от злости нельзя, надо держать себя в руках.

— Сначала надо подумать, а уж потом делать! И на столе все стекла перебил, просто чтоб побезобразничать!

— Мотай на ус, а то вырастешь пустым местом!

Луненку надоело слушать нравоучения.

Притом он не раз уже слышал: вырастешь задирой, подрастешь — узнаешь. А между тем он не рос. Ну совсем, ну нисколечко. И он окончательно расстроился:

— Какой я несчастный!

И тут же услышал голос Камня, на котором сидел:

— Ты не несчастный, а глупый.

Не ожидая ничего подобного, Луненок вскочил:

— Извините, если б я знал...

— Я не о том, что ты сел на меня. На мне сидели пятнадцать королей, сто фрейлин и несчитанное количество рыцарей и воров. Я о другом. О том, что ты не должен считать себя несчастным. Ты можешь ходить, где хочешь. Я сто тысяч лет смотрю на холм передо мной, и ты даже не догадываешься, сколько б я дал, чтоб увидеть, что за ним.

— Если б вы не были таким тяжелым, я перенес бы вас на другую сторону!

— Камень прав,— вмешался в разговор Холм.— Я тоже миллион лет торчу под этим солнцем. А ты господин сам себе, можешь идти, куда пожелаешь...

— Зато вы все знаете,— вздохнул Луненок.

— А что толку! — вступила в разговор Река.— Ты пойдешь дальше и постепенно тоже узнаешь все, а мы останемся здесь. У нас, деревенских жителей, трудная жизнь.

— Можно подумать, у нас, городских, легче,— проворчали Щипцы.

— Что тогда говорить мне! — вмешалась Груша, стоящая на вершине Холма.— Я всегда на ногах, а на голове эта огромная корзина с фруктами. Сеньора Река, вы не представляете, как это тяжело.

— Кстати, сеньора Река,— вмешался Молоток.— Вы течете везде, вы случайно не заметили, не проходила ли где-нибудь Черепаха?

— Последний раз я видела ее лет сто назад,—


МОЛОКО

ответила за Реку Груша, которой с высоты были видны все дороги.— Она шла по направлению к Круглому Холму.

— То есть прошел целый век? — удивились понятливые Щипцы.

— Что тут странного? — спросил Холм.

— Века тоже проходят,— уточнил Камень.

— Несомненно, они забавные,— оценил Луненок новых знакомцев, когда друзья были опять в пути.— Хотя и немного с приветом. Что вы скажете на это, Щипцы?

— Мы скажем, что никто не одинок в этом мире, что жизнь прекрасна и что только тебе не мешало бы слегка исправиться!

* * *

На этот раз дорога привела путников в Оружейный Город. В Оружейном Городе все дома были из железа. Как пушки. Однако недруги Оружейного Короля утверждали, что это всего-навсего кастрюли и сковородки, что городской порт — кухонная лохань, шпаги солдат — кухонные ножи, копья — вилки, катапульты — столовые ложки, а щиты — крышки от кастрюль. Это постоянно вгоняло Короля в мрачное и капризное состояние.

В городе, это было видно по всему, готовились к рыцарскому турниру.

Луненок внимательно наблюдал за приготовлениями...

А за ним и его действиями наблюдали Солнце и Луна.

— Смотрите! — сказало Солнце, добавляя света, как бывает всегда, когда оно восходит.— Он явно хочет затеять скандал.

— Вы не преувеличиваете?

— Я?! Как вы можете так говорить со мной! Я все-таки Солнце, и все вращается вокруг меня.

— Вы сами знаете, как велика моя любовь к вам,— улыбнулась Луна.

— Наверняка она меньше той, что вы питаете к Земле,— высокомерно уронило Солнце.— Я только что вернулось из степей, где растопило снега, затем постояло над морем и высушило воду, которой оно затопило долины. Видите, сколько я делаю! Вам не кажется, что я заслуживаю большего уважения?

Луна могла бы тоже напомнить, что делает немало: руководит приливами и отливами, например, но промолчала. Она только сказала:

— Вы заняты лишь теми, кто крутится вокруг вас, как ваши спутники, которых вы, однако, держите на расстоянии. А небо, должна вам доложить, гораздо больше, чем представляете себе вы, дарующее свет и не знающее всей прелести ночи...

— Как вы умеете уходить от предмета разговора! — проговорило уязвленное Солнце.— А между тем, глядите, ваш протеже украл лошадь!

— Я бы сказала, лошадь сама идет за ним...

— Не знаю, не знаю,— сказало Солнце.— Но, по-моему, он присвоил себе еще и рыцарские доспехи!

* * *

Солнце, сгорая от любопытства, что же учудит на этот раз неугомонный Луненок, повисло над Марсовым полем, где должен был происходить турнир. Четырем ветрам оно приказало расчистить небо. И вот теперь над ясным, сверкающим небом на гостевых трибунах рассаживались дамы и кавалеры в праздничных костюмах, а у трибун толпился простой люд. В ожидании Оружейного Короля и его дочки, принцессы Эльзы, толпу развлекали шуты, фокусники и акробаты.

Наконец, появляется Король. Он усаживается на трон и дает знак начать турнир.

Первым на ринг выходит ужасный рыцарь Скопамаре, что означает Высекший Море. Закованный в доспехи, сидя на огромной лошади, он ждет противника в центре поля. Навстречу ему на невзрачной лошаденке выезжает рыцарь Безымянный. На его груди нарисована полная луна.

В доспехах рыцаря спрятался Луненок. Он стоит в них во весь рост и смотрит на противника через дырку на уровне живота. В ногах и руках расположились его железные друзья, которым совсем не нравится то, что затеял Луненок. Но он, положа руку на сердце, поклялся, что это в последний раз.

Скопамаре поднял копье, нацелил его в грудь противника и издал жуткий крик, ожидая, что Безымянный рыцарь в страхе грохнется на землю. Однако тот тоже поднял копье. И они поскакали навстречу друг другу. Лошадь Луненка начала топать ногами так, что пыль из-под копыт скрыла обоих рыцарей из виду. Тогда из доспехов выскочили Щипцы и быстренько перекусили заклепки, на которых держалась верхняя часть шлема Скопамаре. На их свист выскочил Молоток и тюкнул Скопамаре по голове. Рыцарь кувырнулся с лошади, и, когда пыль осела, все увидели его лежащим на земле. Под общий смех его оттащили с поля боя.

Следующим выехал на поле Рыцарь 103, названный так потому, что свалил на землю 103 противника. Он очень хотел сменить свое имя на 104. Но едва рыцари съезжались, 103 терял то ногу, то руку — это работала Пила. А когда уже нечего стало отпиливать, оруженосцы Рыцаря 103 сняли с коня его бюст и торжественно похоронили вместе с отпиленными частями.

Зрители визжали от восторга. Только Солнце закрыло глаза, чтобы не видеть всего этого. Восхищенная Эльза посылала рукой приветствия скачущему перед трибунами неизвестному рыцарю. Было очень трудно скакать на лошади и манипулировать этой махиной, но Луненок приказал Рашпилю махать железным рукавом с перчаткой, сжимающей шпагу, а в это время его братец Напильник наклонял шлем вперед и назад, создавая впечатление кивков благодарности. И в головке Эльзы родился образ прекрасного рыцаря, скрывшегося под именем Безымянного.

Навстречу выехал следующий противник, рыцарь Нентомале, что означает Хуже Не Бывает. Этот, недолго раздумывая, одним ударом снес Безымянному голову. Голова покатилась по земле прямо к трибунам. Все ахнули. Но когда Нентомале повернулся, чтобы найти в пыли своего соперника, безголовый Безымянный встретил его на лошади, со шпагой в руке. От ужаса Нентомале свалился с коня и под улюлюканье зрителей дернул через все поле.

Народ кричал от восторга. Дамы бросали победителю цветы. А тот с поднятой рукой, но без головы делал круг почета.

— Бой закончен! — вскричали инструменты, со вздохом облегчения готовясь вылезти из проклятых доспехов.— Теперь-то ты уж будешь себя вести хорошо?

— Слово Луненка! — отвечал малыш, слезая с коня, подходя к Эльзе и беря ее за руку.

— Стой! Ты кто такой? — высокомерно взглянул на него Оружейный Король.— Зачем ты берешь ее за руку? Что тебе надо?



— Не понял. У вас здесь рыцарский турнир? — переспросил Короля Луненок.

— Рыцарский.

— А раз рыцарский, победителю полагается принцесса.

Толпа поддержала Луненка: «Он прав!», «Он победил!», «Принцессу победителю!». Однако сама принцесса пренебрежительно отвернулась от такого малыша.

— Никакому не победителю! — капризно стукнул ножкой Король.— Я властитель, что хочу, то и ворочу. А ты еще слишком мал. Был бы взрослый рыцарь — пожалуйста. А так — в тюрьму! И никто не возражайте! У меня такое настроение. Пусть в тюрьме посидит, пока не вырастет.

— Но я не расту! — в отчаянии воскликнул Луненок.— Сколько себя помню, я всегда такой! А я так хочу начать расти!

— Вот глупец, хочет расти,— засмеялся Король.— Если не растешь — это же счастье! Радоваться должен. А то видишь, что со мной происходит. С каждым днем становлюсь все старше. Так и помереть недолго. Как мой папаша. Я однажды посмотрел на себя в зеркало, а оттуда он на меня глядит. Это я стал вылитый папаша, понимаешь? Я взял и приказал все зеркала разбить. Но есть еще вода, стекла... в них я тоже отражаюсь... во всех блестящих предметах себя вижу...

— И в тазах, и в кастрюлях!..— подхватил Луненок.

— Вот этого говорить не следовало,— после паузы мрачно промолвил Король.— Вот тут твоя самая большая ошибка. Где ты видел кастрюли? Это пушки. Ты в Оружейном Городе, соображать надо!

— Что я, пушку от кастрюли не отличу? — возмутился Луненок.— Я все-таки сын бравого канонира!

— Нет, нет,— вздохнул Оружейный Король,— в тюрьму его. Стража!..

Прибежала стража, схватила Луненка и его друзей и бросила в тюрьму.

* * *

Тюрьмой в Оружейном Городе служила старая колокольня. Ее охранял огромный стражник,

прозванный Гремучей Бородой из-за длинной бороды, состоявшей из режущих и колющих металлических предметов: ножниц, ножей, штопоров и открывалок, которые страшно гремели.

— Гы-гы-гы! — рассмеялся от радости соскучившийся в одиночестве стражник, и борода его ужасно загремела и засверкала.— Хорошо-то как! Будет кого помучить. Я, знаете, какой злодей, ух ты! Видали мою бороду? В ней все остренькое, специально, чтобы узников мучить. Я, когда сюда служить пришел, был, как все. И не злой вовсе. Поначалу, когда узников мучил, сам мучился. А как во вкус вошел, борода и давай расти. И выросла, моя хорошая, острая да колючая, дремучая да гремучая. Жаль, начистить не успел. Только к парикмахеру собрался, а тут вы на мою бороду... Придется вас за это посильнее помучить.

— А хотите, мы вам бороду почистим? — предложил Луненок.— Вы еще не знаете, как вам повезло! Мои друзья — самые лучшие парикмахеры в мире! Отпилить, откусить... в смысле начистить... лучше их не найдете?

Гремучая Борода гыгыкнул и согласился:

— Ну, давайте, покажите, на что способны. Но, если не понравится, пеняйте на себя. Ох, и мучить буду!

В мгновение ока инструменты откусили, отпилили, отбили все железки. Стражник охнуть не успел, как остался без бороды и даже в лице переменился.

— Ой! Ой! Ой! — закричал он.— Что это мне так легко и весело стало? И вся злость куда-то улетучилась!.. Слушайте, а что мы сидим-то? В городе праздник по случаю окончания рыцарского турнира, а мы скучаем. Пойдем повеселимся вместе с людьми!

Не дожидаясь ответа, бывшая Гремучая Борода выбежал из тюрьмы, забыв обо всем на свете.

— Ура! Свобода! — вскричали инструменты, обнимая Луненка и друг друга.

И вдруг услышали чей-то жалобный плач.

— Кто это? — вглядывался Луненок в полумрак колокольни.

— Это я, Колокольчик,— услышали друзья из темного угла.

Это был маленький Колокольчик, из тех, что зовут «четвертушками», потому что они отбивают с колоколен каждую четверть часа. Грустный-грустный, он лежал на боку, свесив язычок.

— Посмотрите во-о-н туда,— печально попросил Колокольчик, указывая на самый верх колокольни.— Там мой дом. Уже больше месяца, как туда подняли моих папу и маму, а меня забыли, наверно, потому что я очень маленький.

И снова жалобно заплакал, вконец расстрогав Луненка.

— Слышали, железяки? — повернулся он к инструментам, которые вовсе не были такими уж железными.

— Хоть на этот раз не затевай...— затянула было Пила.

Но Молоток решительно прервал ее:

— За дело! Эй! — заорал он свисавшему Крюку, который вяло наблюдал за происходящим.— Давай сюда!

Крюк подумал немного и медленно съехал вниз.

— Чего расшумелись? — буркнул он.— Какие проблемы?

— Бездельник! — напустился на него Молоток.— Колокольчика давно к родителям доставить надо! Сейчас мы его подцепим, а ты поднимешь.

— Я чего, я всегда пожалуйста,— оправдывался Крюк.— Цепляйте. Я вмиг.

Инструменты подвесили Колокольчик на Крюк, и он взлетел вверх.

Радостно-радостно зазвонили Колокол-папа и Колокол-мама, увидев наконец-то своего «четвертушку».

Все были счастливы, и лишь Луненок почему-то не принимал участия в общем веселье. Ему вдруг так сильно захотелось к своей маме! Захотелось встретить Черепаху, единственную, кто знал, как к ней добраться.

Чтобы скрыть слезы, Луненок отвернулся к окну и приложил руку ко лбу, притворяясь, что изучает окрестности.

— Эй, малыш, что ты там ищешь? — крикнул ему сверху Колокольчик.

— Черепаху,— вздохнул Луненок.— Она одна может помочь мне.

— Черепаху? Подожди-ка немного! — Колокольчик что-то затренькал на ухо отцу.

Колокол-папа внимательно выслушал сынишку, посоветовался с Колоколом-мамой, без звона которой не вставало и не заходило само Солнце, после чего оба родителя зазвонили во весь голос.

Громкий перезвон покатился по улицам и площадям, над домами, холмами и речками, к всеобщему удивлению, потому что это был обычный, а совсем не праздничный день.

— Что случилось, Колокольчик? — закричал оглушенный звоном Луненок.

— Мы ищем твою Черепаху! — отвечал тот.— И найдем ее, обязательно, вот увидишь! Знаешь, какая большая у нас семья!

И действительно, звону Колоколов-родителей ответили колокола окрестностей, бронзовые и железные, а также колокольчики лошадиных упряжек и маленьких церквушек, коровьи ботала и луговые колокольчики, и даже юбки-колокола девочек кивали в ответ, хотя, разумеется, беззвучно. Все дальше и дальше катился громкий, нескончаемый, ликующий перезвон. Самые разные колокола во весь голос передавали друг другу: от городка к городку: «Луненок разыскивает Черепаху!»;

— от деревни к деревне: «Луненок в городе! Он ищет Черепаху!»;

— с холма на холм: «Черепаха! Черепаха! Черепаха!..»

Это услышал небольшой колокольчик, висевший на шее одной коровы, с которой как раз беседовала Черепаха о том, что она собирается перезимовать в водяной мельнице, полной муки, кормясь которой можно дождаться теплой весны, а затем продолжить путь к Круглому Холму, где живет мама одного Луненка, с которым она, Черепаха, поспорила на кружку молока.

— Цель обнаружена!

Весть вспорхнула на ближайшую церквушку, и церковный колокол передал ее дальше. В конце концов она долетела до колокола сторожевой башни, который послал сообщение на колокольню, где находился Луненок.

— Есть твоя Черепаха! Разговаривает с коровой! —.зазвенел Колокольчик, довольный тем, что смог отблагодарить Луненка и его друзей за помощь.— Доброго тебе пути, Луненок!

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Татьяна СМЕРТИНА

Стихи из школьных тетрадей

* * *

Фартук строго-черный,
Долгая коса.
Взгляд потусторонний,
Синие глаза.

Так меня и «чикнул»
Тот фотограф злой,
Что просил смеяться,
Топая ногой.

* * *

Ты любишь —
И кругом весна!
Плыву по счастью
В два весла.
И верб серебряных
Вкруг стрелы,
И красноталов
Пламень смелый,
И глажу,
Обжигаясь поневоле,
Две огненные
Ленты к школе.

Амур

Веду указкой хмуро
По заводи Амура.
Мне ни к чему подсказка,
Вьют ветры под рукой!
И кажется указка
Амуровой стрелой...

* * *

Стою на холме, вся в надежде,
И даль предо мной, и испуг.
Я в праздничной школьной одежде,
Так фартук крахмален и нежен —
Как бабочки вьются вокруг.
И, кажется, лишь захочу —
Привстану
и полечу!

* * *

За твою соболью бровь —
Мне запрет гулять.
Наши сени на засов
Запирает мать,
И посудою бренчит —
С нею споры плохи!
Говорит,
сиди, учи,
Глупая, уроки.
Чтоб мне выбиться из сил
Этой ночью темной,
Для меня Ньютон открыл
Целых три закона!
Не прочту,
себе на грех...
Ночи так тихи.
До утра тайком от всех
Я пишу стихи...

* * *

Лог. Изба.
Малины шелк багряный.
И телушка
В загородке бродит.
На воротах месяц деревянный
Сгорбленно стоит
и не заходит.

Геометрия

Уж близятся экзамены!
Стихов бросаю томик.
Мне кто на свете объяснит
Извечный треугольник?
Углом быть третьим не хочу,
Квадрат, безумная, черчу...
Учительница
мел роняет,
Весь класс меня не понимает!

Лишь второгодник
Одобряет,
Да Пушкин
Со стены кивает.

* * *

Снег в горсти растаял,
Словно птичья стая.

Что ж это такое?
Даже здесь сомненье.
Умиранье снега?
Иль воды рожденье?



Рисунок А. СИМОНОВОЙ.

Перевод из-за границы

(по веселым страницам зарубежных детских журналов)

Мишо играет на гуслях. Приходит сосед и спрашивает:

— Твои родители дома?

— А тебе, что, не понятно?! Стал бы я играть, если бы их не было!

Отец, крепко наказав сына, спрашивает:

— Ну, ты понял, за что тебе попало?!

— Видишь, какой ты,— отвечает сын.— Сначала врежешь, а потом у меня же спрашиваешь, за что!



— Дедушка, а что такое счастье?

— Счастье? Это когда не умеющий плавать падает в речку, а выныривает с рыбой в руке.

— А несчастье?

— Это когда выныривает только рыба...

— Петя, твой отец сапожник, а ты ходишь в стоптанных башмаках!

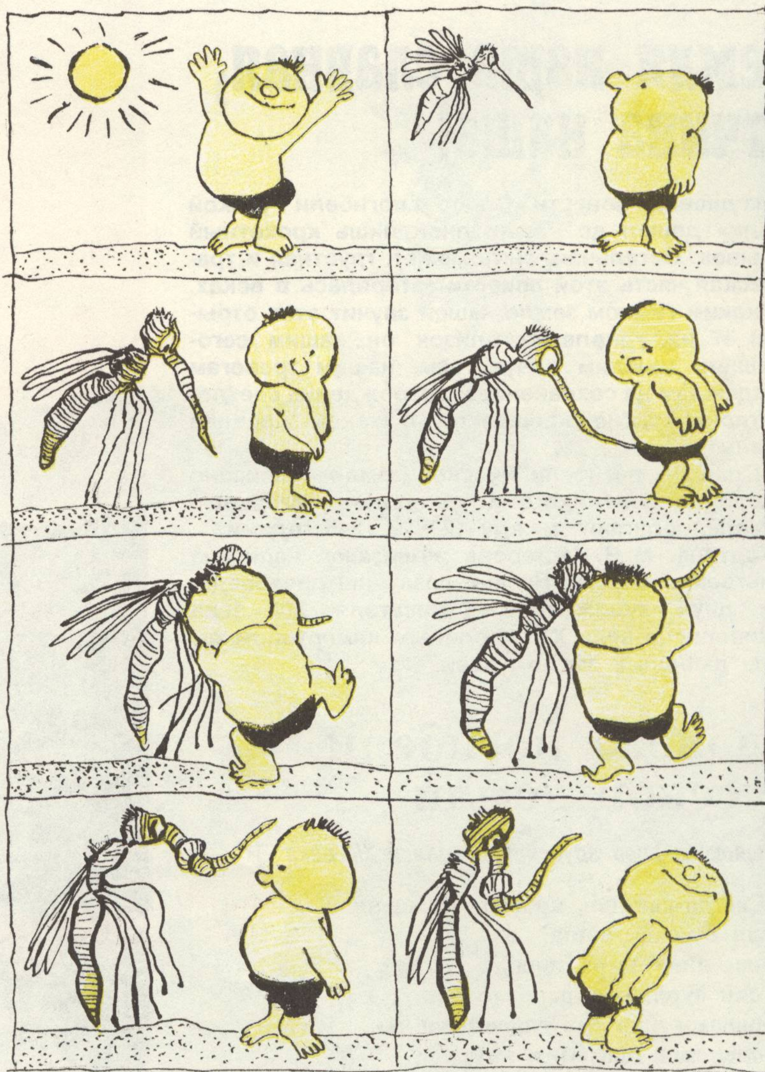
— Ну и что? Твой отец зубной врач, а у твоей маленькой сестры всего четыре зуба!

— Как ты думаешь, кто в нашем классе лучше всех знает английский?

— По-моему, наша учительница.

Учитель: Мирко! Ты уже пятый раз заглядываешь в Магдалинину тетрадь!

Мирко: А разве я виноват, что она так неразборчиво пишет?!



Учитель: Мишо, если бы твой отец услышал, как ты отвечаешь, у него волосы встали бы дыбом!

Мишо: Мой отец был бы счастлив!

Учитель: Почему это — счастлив, если ты ничего не знаешь?

Мишо: Да потому, что он лысый!

Учитель задал сочинение на тему: «Если бы я был директором фирмы...»

Все старательно пишут, и только Иван смотрит в окно.

— А ты почему не пишешь? — спрашивает учитель.

— Ожидаю секретаршу!

Рисунок Д. ГОНЧАРОВОЙ.

Земля наша славная, отчина наша!

Из древней повести «Слово о погибели Русской земли» дошел до наших дней лишь крохотный отрывок. Остальная, быть может, грустная и трагическая часть этой повести затерялась в веках. Но каким гимном земле нашей звучит этот отрывок! И на удивление близок он нашим сегодняшним мыслям и чувствам, нашим тревогам и надеждам на сохранение и возрождение светло-светлой, красно-украшенной и такой древней страны.

«Слово о погибели Русской земли» написано вскоре после великого «Слова о полку Игореве», как предполагают, между 1238 и 1246 годами.

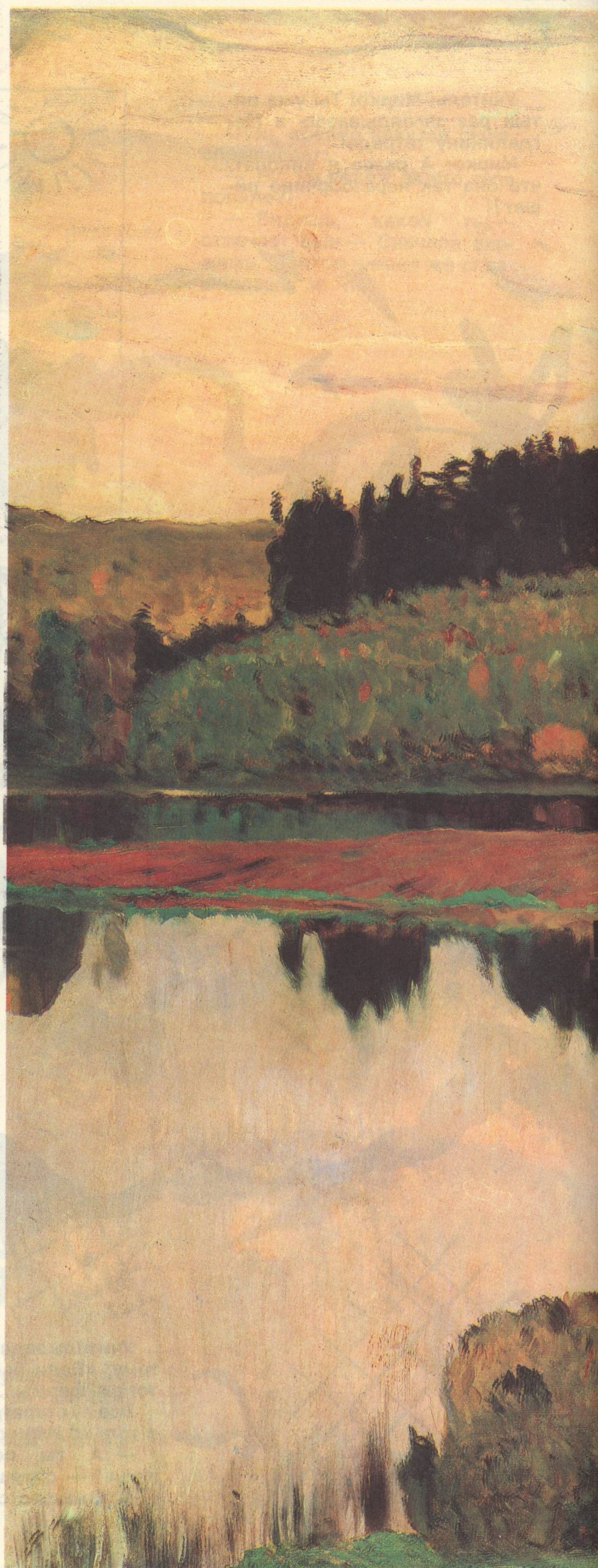
Картина М. В. Нестерова «Пейзаж» написана семь веков спустя. Но как созвучны произведения двух художников — писателя XIII века и живописца века XX! И единым камертоном им была любовь к земле нашей.

Слово о погибели Русской земли

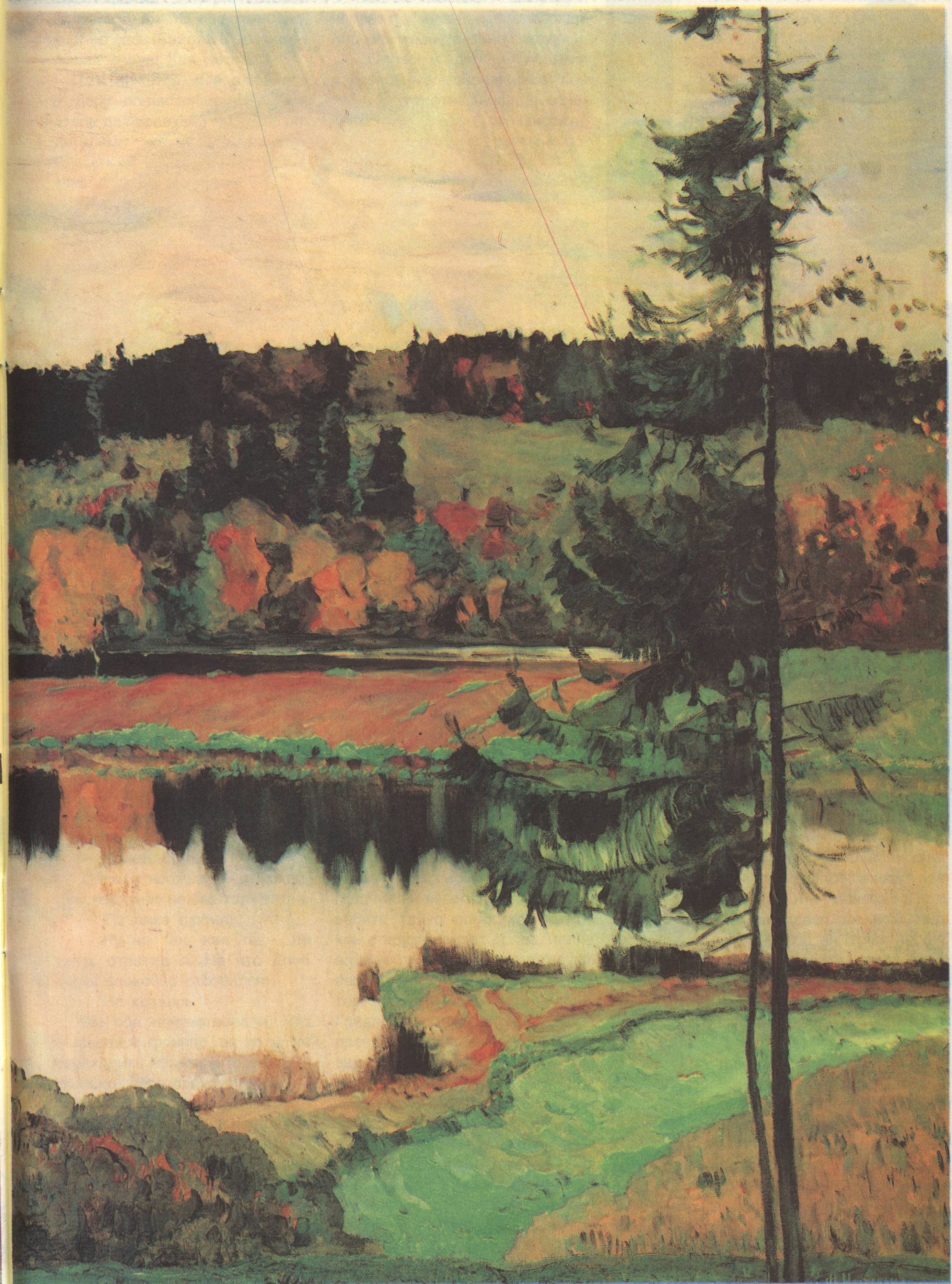
Отрывок из древнерусской рукописи XIII века

О! Светло-светлая, красно-украшенная
Земля Русская наша!
Дивное диво озера твои,
Потоки бурливые, реки, ручьи.
Дубровами частыми славишься ты,
И горы твои высоки и круты,
Холмы зелены, и просторны поля,
О, славная Русская наша земля!
Зверей не исчислить в дремучих лесах,
Не счесть твоих мелких крылатых птах,
Славишься селами ты, городами
И златоглавыми блещешь церквами.
О! Светло-светлая, красно-украшенная
Земля необъятная наша!
Народам твоим нету счета-числа,
До синего моря ты пролегла,
От венгров до чехов, от чехов до ляхов,
От ляхов до немцев, карел и ятвягов,
А там до болгар, от болгар до буртасов.
Обширна земля — не окинешь и глазом.
Не видит конца ей орел в вышине,
Ее не объехать на борзом коне.
О! Светло-светлая, красно-украшенная
Земля наша славная, отчина наша!

Переложил с древнерусского
Леонид Яхнин.



Фрагмент картины М. В. Нестерова «ПЕЙЗАЖ».



Станислав РОМАНОВСКИЙ

О САМОМ СВЯТОМ И СОКРОВЕННОМ

«Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно».

Слово «напрасно» в некоторых изданиях заповедей заменяется другим — старинным словом «всуе», то есть «в суете», «в спешке», «без необходимости», «излишне часто».

«Слово — серебро, а молчание — золото» — эта русская пословица очень близка к третьей библейской заповеди.

И заповедь, и пословица не призывают к молчанию.

Они советуют говорить редко, да метко; о самом святом и сокровенном не распространяться вслух, а хранить его в душе.

...Я учился в седьмом классе, когда мой сосед по парте Глеб К. полюбил Леру А. У нее были коричневые веснушки. Тут весна пришла, лицо Леры стало темным от веснушек, и Глеб влюбился. Он у доски рассказывал уроки только для нее — с выражением — и в школу ходил, как на праздник. О его любви никто не догадывался (и Лера тоже), кроме меня. Я все видел и чувствовал и даже за компанию влюбился в Леру не так серьезно, как сосед, а все-таки...

Всем классом мы ходили в лес за подснежниками. Лера училась на балерину и легко, не сгибая колен, наклонялась и срывала подснежники. Их тогда росло много, а мы договорились сорвать немного на букет учительнице литературы. Мне запомнилось лицо Леры, когда она разглядывала лазоревую



Андрей Рублев. «АНГЕЛ».

чашу цветка, внутри которой ползала пчела. В лесу холодно, снег не весь стаял; а в цветке — живая пчела! Как летом...

Тут, кажется, и я влюбился в Леру по-настоящему. А она взяла да переехала вместе с родителями из нашего городка Елабуги в большой город Казань.

Глеб слег. Он лежал в жару, бредил, а его мама спрашивала меня:

— Он все какую-то Леру зовет. Кто она такая?

— Не знаю,— отвечал я.— Понятия не имею. У нас в школе Лер очень много. Лера — распространенное имя,— говорил я и с наслаждением растягивал гласные: — Ле-ее-ра-аа...

...Все завершилось благополучно. Мы пережили отъезд Леры и больше ее не видели. Окончили школу, вузы, разъехались, женились, поседели. Недавно, после двадцатилетнего перерыва, я встретил Глеба. Мы подивились, до чего же изменились оба, и порадовались, что все-таки узнали друг друга; стали вспоминать школу, учителей, учеников...

Словно невзначай я сказал:

— Лера...

— Это какая Лера? — небрежно спросил Глеб.— Татарочка? Небольшого роста?..

Тут у меня и вырвалось:

— А ведь ты любил ее!

Он покраснел до слез и пробормотал:

— Может быть...

Слезы у него разом высохли, и он произнес не без торжества:

— Ты тоже любил!

— Ну не так, как ты,— не сразу ответил я. На что Глеб очень спокойно отозвался:

— Не хвались.

Мы оба почувствовали, что подошли к границе, за которую переходить нельзя, что еще несколько неосторожных слов — и уйдет из тайников души что-то очень важное, невосполнимое, и замолчали...

Мы оба навсегда благодарны Лере за то, что она, сама не зная об этом, научила нас вечное слово «любовь» не произносить всуе.

Именно поэтому я вынужден изменить имена действующих лиц сей невыдуманной истории.

...Слово и дело — понятия родственные, одно не живет без другого; и третья заповедь советует и слово произносить, и дело творить без суеты и похвальбы.

Наш народ всегда так и поступал.

Во все века народу жилось нелегко. Людей убивали войны, голодные годы, репрессии. И во все времена в народе было принято помогать больным, бедным и голодным.

За ними ухаживали, делились хлебом, подавали милостыню; это делали, не ожидая награды, без шума и грома, безвозмездно.

В русском народе была принята тихая милостыня...

Моя бабушка, Анна Никаноровна, рассказывала мне, как в голодный год, маленькой девочкой, она подкрадывалась к избе, где жила многодетная семья, тихонько клала на подоконник кусочек хлеба, картошинку или яблоко и убегала.

— Мама! — радовались дети.— Никола-угодник опять хлебушка принес!.. И райское яблочко...

Это была тихая милостыня. Такая милостыня не обижала людей: они не считались нищими и чувствовали, что земляки не дадут умереть с голоду.

Помните, в знаменитой книге «Тимур и его команда» есть загадочная и веселая сцена, когда ребята тайно помогают одинокой старухе: колют дрова, наливают воду в кадку, а старуха бежит проверять замок... Хотел того красный командир Аркадий Гайдар или нет, но он здесь, правда, не без юмора, изобразил самую настоящую тихую милостыню.

А вывод?

Как быть?

Что делать? Куда идти?

Я думаю, что многое, если не все, понятно и без какого-либо специального вывода. Перечитайте еще раз третью заповедь...

Главный редактор А. С. МОРОЗ.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. А. ГАЙДАР, А. В. ДРУЯНОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), **В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. В. КОЖЕМЯКИН** (редактор отдела литературы и искусства), **В. П. КРАПИВИН, М. В. МАТВЕЕВА** (редактор отдела коммунистического воспитания), **С. В. МИХАЛКОВ, В. И. ПОРУДОМИНСКИЙ, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, Е. В. СЕЛЕЗНЕВА** (ответственный секретарь), **Р. С. СЕФ, Л. Н. ТИМОФЕЕВА, Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.**



Главный художник **И. Г. ПАНКОВ.**
Художник **И. В. КЛИМОВ.**

ЧИТАЙ В СЕНТЯБРЕ:
повесть А. Максимова «Дом Туситалы»; окончание повести Н. Федорова «Тучков мост»; стихи Владимира Орлова; очередной выпуск «Формулы бега»

Сдано в набор 04.06.90.
Подписано к печати 19.06.90. А 00320.
Формат 60×84⅛. Бумага офсетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44.
Усл. кр.-отт. 31,16. Учетно-изд. л. 9,00.
Тираж 1 820 000 экз. Заказ № 2429.
Цена 30 коп.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП,
ул. «Правды», 24.

Вниманию взрослых авторов!
Редакция рукописи не рецензирует, а только сообщает решение.
Рукописи объемом свыше трех авторских листов (70 страниц машинописного текста) к рассмотрению не принимаются.
Рукописные материалы объемом до одного авторского листа (25 страниц машинописного текста), рисунки и фотографии не возвращаются.
Жалобы на полиграфический брак, замечания по типографскому исполнению отдельных номеров журнала следует направлять по адресу типографии.

1991

ПИОНЕР

80 21



Мне «Пионер» нравится.
А тебе? Тоже?
Тогда не откладывай на последний день —
выпиши журнал на будущий год
уже сейчас!

ISSN 0130–8009. Пионер. 1990. № 8. 1—64